

ВЕСТНИК НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Bulletin Of Nizhnevartovsk State University

Журнал издается с 2008 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, утвержденный ВАК РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Бытко С. С., Солодкин Я. Г.</i> «ЭПИСТОЛЯРНЫЙ» СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ СБОРНИК И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КИРИЛЛИЧЕСКИХ КОМПИЛЯЦИЙ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ	3
<i>Вторушин М. И.</i> ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИИ АНТИСОВЕТСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ БОРЬБУ В СИБИРИ В 1918 ГОДУ	8
<i>Гермизеева В. В.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1898–1917)	16
<i>Ерохина С. В.</i> «ДЕНЬ КОЛОСА РЖИ» КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ПРАЗДНИКА В НАЧАЛЕ XX в. (на примере малых городов Ярославской губернии)	24
<i>Коновалов И. А.</i> РЕВИЗИЯ М. М. СПЕРАНСКОГО И БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В СИБИРИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.	31
<i>Ценюга И. Н., Ценюга С. Н.</i> «ЛИГА ОБРАЗОВАНИЯ» И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РОСТ СОЦИАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (на материалах Енисейской губернии)	36
<i>Шмыглёва А. В.</i> ПРОЕКТ «ЮЖСИБРЕКИ» И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКИ	46

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Барабанов М. В.</i> ИНТЕРЕСЫ И ДИВИДЕНДЫ ЗАПАДА В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ В КОНЦЕ 60-х – 70-е ГОДЫ XX ВЕКА	55
<i>Беспалова Л. Н.</i> ВЛИЯНИЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ XIX ВЕКА	62
<i>Болгова А. М.</i> ЯМВЛИХ – СХОЛАРХ АПАМЕЙСКОЙ ШКОЛЫ	70
<i>Галямичев А. Н.</i> РЕФОРМАЦИЯ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ	80
<i>Зайцева И. В.</i> ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ АЛЕКСАНДРИИ (на примере Александрийского мусейона)	84
<i>Мелихова П. В.</i> АНТИКВАРИИ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ АНГЛИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.: НОВЫЕ ВЕЯНИЯ И НАСЛЕДИЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	90
<i>Поляков С. А.</i> ИЗ ИСТОРИИ АНГЛИИ НА РУБЕЖЕ РАННЕГО И КЛАССИЧЕСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОТИВОБОРСТВО КНУТА ВЕЛИКОГО И ЭДМУНДА ЖЕЛЕЗНОБОКОГО В 1016 г.	99
<i>Савельева А. В.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИММИГРАЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЕБЫВАНИЯ ЕВРЕЕВ В США (конец XVIII – первая четверть XX в.)	105
<i>Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д.</i> СКИФСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАНА 4 ГРУППЫ «САД» НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДНЕСТРА	111
<i>Синица М. М.</i> К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДАХ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО АНТИКВАРА ИОАННА ЛИДА	119
<i>Чорэф М. М.</i> АНТОНИНИАНЫ ПРОКУЛА КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ	128

Главный редактор

Горлов С. И., доктор физико-математических наук, профессор
(г. Нижневартовск)

Заместитель главного редактора

Коричко А. В., кандидат педагогических наук, доцент
(г. Нижневартовск)

Ответственный редактор

Солодкин Я. Г., доктор исторических наук, профессор
(г. Нижневартовск)

Члены редакционной коллегии

Гбоко К. С., кандидат педагогических наук (г. Буаке, Республика Кот-д'Ивуар)

Еманов А. Г., доктор исторических наук, профессор
(г. Тюмень)

Ибрагимова Л. А., доктор педагогических наук, профессор
(г. Нижневартовск)

Кулагин А. Ю., доктор биологических наук, профессор (г. Уфа)

Нурбеков Б. Ж., доктор педагогических наук, профессор
(г. Астана, Республика Казахстан)

Медведев С. С., доктор биологических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург)

Овечкина Е. С., кандидат биологических наук, доцент
(г. Нижневартовск)

Суртаева Н. Н., доктор педагогических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург)

Усманов И. Ю., доктор биологических наук, профессор
(г. Нижневартовск)

Цысь В. В., доктор исторических наук, доцент
(г. Нижневартовск)

Чорев М. М., кандидат исторических наук (г. Нижневартовск)

Шаров О. В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
(г. Санкт-Петербург)

Editor-in-Chief

Gorlov S. I., Doctor of Physics and Mathematics, Professor
(Nizhnevartovsk)

Deputy Editor

Korichko A. V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
(Nizhnevartovsk)

Executive editor

Solodkin Ya. G., Doctor of Historical Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Editorial Board

Gboko K. S., Candidate of Pedagogical Sciences (Bouake, Republic of Côte d'Ivoire)

Emanov A. G., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
(Tyumen)

Ibragimova L. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Kulagin A. Yu., Doctor of Biological Sciences, Professor (Ufa)

Nurbekov B. Zh., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
(Astana, Republic of Kazakhstan)

Medvedev S. S., Doctor of Biological Sciences, Professor
(Saint Petersburg)

Ovechkina E. S., Candidate of Biological Sciences, Associate Professor
(Nizhnevartovsk)

Surtaeva N. N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Saint Petersburg)

Usmanov I. Yu., Doctor of Biological Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Tsys V. V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
(Nizhnevartovsk)

Chorev M. M., Candidate of Historical Sciences (Nizhnevartovsk)

Sharov O. V., Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher
(Saint Petersburg)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-55479 от 25 сентября 2013 г.

Журнал индексируется в следующих научных базах:

- Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
- Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка (CyberLeninka)
- European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)
- Academic Resource Index Research Bible
- Google Академия
- Information Matrix for the Analysis of Journals (MIAR)
- Scientific Indexing Services (SIS)
- Open Academic Journals Index (OAJI)
- Polska Bibliografia Naukowa (PBN)
- Eurasian Scientific Journal Index (ESJI)

Учредитель: ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»

Адрес редакции: Россия, 628605, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 20.03.2018
Формат 60×84 1/8. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 17. Тираж 1000 экз.
Заказ 1999

Отпечатано в Издательстве НВГУ
Россия, 628615, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Нижневартовск, ул. Дзержинского, 11.
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nvsu.ru

ISSN 2311-1402

© Нижневартовский государственный университет, 2018

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.272

С. С. Бытко, Я. Г. Солодкин
Нижевартовск, Россия«ЭПИСТОЛЯРНЫЙ» СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ СБОРНИК
И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КИРИЛЛИЧЕСКИХ КОМПИАЦИЙ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Аннотация. В статье рассматривается актуальная для современной археографии проблема структурного «устройства» сборников беспоповского направления старообрядчества. Несмотря на то, что компилятивная книжность староверов исследуется, начиная с середины XIX столетия, до сих пор отсутствуют обобщающие труды, которые бы отчетливо раскрывали правила «организации» сборников, чередования отдельных глав, а также их взаимодействия в рамках единой композиции. Предпринимается попытка установить связи «архитектоники» сборников со временем, когда они сложились, и конфессиональной принадлежностью их составителей. С этой целью для анализа была выбрана кириллическая рукопись из собрания РНБ, имеющая неясные датировку и атрибуцию.

В статье показано, что книга происходит из среды старообрядцев-странников и возникла между 1910 и 1917 гг. Она предназначалась для внутреннего использования в старообрядческих общинах и взамен доктринальной полемики с другими согласиями ставила своей целью поддержание религиозного энтузиазма среди «бегствующих» староверов. Определено, что структура сборника обнаруживает существенное воздействие социально-политических процессов начала XX в. В частности, некоторые тексты были включены в свод с целью «онаучивания» старообрядческой религиозной традиции. Ради наиболее действенного влияния на аудиторию составитель умело комбинировал тексты, использовавшие различные формы повествования (художественно-эмоциональную и рационалистическую). Само же «устройство» компиляции должно было иллюстрировать читателю наилучшую модель религиозной жизни, обеспечивающую как личное спасение «старолюбца», так и выживаемость его вероучения.

Ключевые слова: старообрядческое вероучение; структура кириллических сборников; полемика; религиозная доктрина; беспоповцы; неполяки; странники.

Сведения об авторах: Сергей Станиславович Бытко¹, аспирант кафедры истории России Нижевартовского государственного университета; Янкель Гутманович Солодкин², доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник НИЛ региональных исторических исследований.

Место работы: Нижевартовский государственный университет².

Контактная информация: ¹2628626, Россия, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 3б, каб. 311; тел.: 8(912)5358339, ¹e-mail: labarum92@rambler.ru; ²e-mail: roshist@mail.ru.

За долгий период своего существования компилятивная книжность староверов проделала длительный путь изменений и трансформаций, стремясь на каждом этапе развития наиболее полно выразить догматические и бытовые потребности старообрядческих общин. Таким образом, книжность обеспечивала выживаемость «древлеправославия» во враждебных социальных и конфессиональных условиях. Совершенно особый вид компиляции приобрели на рубеже XIX–XX вв., когда старообрядческая вероучительная доктрина подверглась значительной «демократизации» под влиянием ряда общественно-политических процессов.

Весьма отчетливо подобные изменения мы можем проследить на примере компиляции из НСРК РНБ Q 506. Объем сборника, написанного в 1/8 долю, составляет 96 листов. Кни-

га появилась не ранее второго десятилетия XX в., поскольку во второй ее главе автор ведет речь о событиях церковной истории, происшедших в 1910 г. (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 70). Вместе с тем ничего в содержании сборника не указывает на то, что он создавался после установления в стране советской власти. Таким образом, мы вправе констатировать, что данная книжная композиция сложилась в промежутке между 1910 и 1917 гг.

Большую часть сборника занимают главы «О Христе рабе Божией почтенной старице Доросиде Васильевне...» (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 1–33) и «Начертание церковно-библейской истории...» (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 33–72). Два этих произведения, что традиционно для кириллических компиляций, ввиду своего внушительного объема помещены в начале книги.

Обращение к первой главе показывает, что данный сборник был написан в эпистолярном стиле и являлся ответом упомянутой ранее Доросиде Васильевне на два посланных ею годом прежде сочинения об антихристе. По сообщению автора, он вынужден дать ряд объяснений ввиду масштабности обсуждаемой темы. Именование собеседницы «почтенной старицей» и «...пожелание от Бога всякого блага...» дают понять, что между собеседниками установились крайне доброжелательные и духовно близкие отношения, а это ввиду крайнего религиозного радикализма составителя, который обнаруживается впоследствии, указывает на принадлежность обоих авторов к одному старообрядческому согласию.

Как и Доросида Васильевна, составитель сборника был пожилым человеком, о чем свидетельствует его нежелание писать большую книгу, т. к. она «превышает нашу дряхлость». Продолжение этого фрагмента текста представляет читателям взгляды старовера на принципы составления книжных компиляций. Наравне с отказом создавать большое произведение старец сообщает и о нецелесообразности написания «малых» книг, поскольку они не дают возможности изложить тему достаточно подробно. Кроме того, очень образно и лаконично автор постулирует основания, которые должны выражать жанровую природу сборников. По его словам, большинство вероучительных тем уже достаточно широко раскрыто в литературе «как исторически, так и аллегорически», причем «как аллегория без истории не бывает, так и история без аллегории не оживляется» (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 2 об. – 3).

Тем самым составитель указывает на широко распространенную в среде старообрядческих книжников тенденцию использования рационалистических и художественно-эмоциональных аргументов в доказательство своего вероучения. Как уместно заметил автор, данные аргументы не противопоставлялись, а дополняли друг друга, усиливая таким образом воздействие на различные категории читателей. Более того, особую важность таких связей подчеркивает сам составитель, с видимым неудовольствием констатируя постепенное «вымывание» из произведений эмоционального компонента (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 3).

Поскольку очень немногие старообрядческие авторы оставили упоминания о причинах, определявших состав и «устройство» их компилятивных произведений, рассматриваемый памятник книжности свидетельствует о том,

что староверы имели четкое представление о критериях, которым должно соответствовать содержание сборников, а не создавали свои подборки хаотическим образом.

Рассуждениям составителя об антихристе предпослана ремарка о том, что его «неученый науками ум вряд ли может коснуться такой глубины». Данное замечание свидетельствует об авторе как носителе весьма прогрессивных взглядов относительно характера ведения полемики. Придерживаясь крайне консервативных воззрений на предмет догматического противостояния «никониан» и «раскольников», книжник тем не менее значительно переосмысливает «методологию» и средства эристики. На это указывает его обращение к авторитету научного знания, активно критиковавшегося предыдущими поколениями староверов, а также использование инославной литературы и счета лет от Р.Х., что являлось почти недопустимым еще в первой половине XIX в. (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 3 об., 33).

Думается, составитель сборника был представителем «переходного» поколения старообрядцев, находившихся под строгим контролем устоявшейся книжной традиции и вместе с тем осознававших необходимость ее адаптации к новым общественно-политическим условиям. Мировоззрение книжника как нельзя лучше отразило общее состояние старообрядчества на рубеже Нового и Новейшего времени. Осознавая недостаточность своих полемических усилий, староверы были вынуждены обращаться к светским наукам, что довольно быстро привело к значительному образовательному подъему в регионах с высокой численностью старообрядческого населения и в самих старообрядческих общинах (Пругавин 1884: 168). Следствием этого становится также основательное изменение методов ведения межконфессиональной полемики. Позднее иной характер риторики привел к постепенной трансформации даже самих вероучительных основ старообрядчества.

Составитель излагает собственные рассуждения о сущности антихриста. Исходя из положений о том, что антипод Христа не имеет телесного воплощения, не может занимать престол, но способен передавать его земным властям (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 5 об., 6 об. – 7), автора можно определить как сторонника теории «духовного антихриста». Данная «концепция» была особенно распространена в среде беспоповского течения староверия (Куандыков

1984: 52), что позволяет судить о конфессиональной принадлежности старца.

Кроме множества ссылок на святоотеческую литературу, являвшихся характерным маркером старообрядческих сочинений, первая глава сборника включает также много личных авторских рассуждений. Старовер активно использует форму риторического вопроса для доказательства читателям собственной позиции. Заключительная часть «послания» Доросиде Васильевне обращается к тематике чудес и молитвы (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 23 об., 29 об.). Как мы можем видеть, первая глава имеет компилятивное «устройство». Повествование начинается рассказом об установлении в мире власти антихриста, но завершается более оптимистично – утверждением о том, что молитва святым и благоволение Бога могут изменить существующий мировой порядок.

Во второй главе книги налицо тесное переплетение богословских рассуждений старообрядческого книжника с опубликованным в 1816 г. епископом Филаретом (Дроздовым) «Начертанием церковно-библейской истории». Интересно, что критике со стороны старовера часто подвергаются положения, не имеющие какого-либо прямого отношения к противоборству «никониан» с «раскольниками» (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 35). Отметим, что данная глава является естественным продолжением предыдущей части компиляции, где составитель широко распространялся о засилье в книжной традиции исторической проблематики без какого-либо духовного ее осмысления. Текст епископа Филарета, таким образом, становится наиболее показательным проявлением столь негативной, по мнению старовера, тенденции. Это позволяет сборнику обеспечить выполнение сразу двух задач: дискредитировать духовных лиц официальной иерархии и убедить читателей в основательной начитанности старообрядческих книжников, способных достойно представлять свое вероучение не только в богословских, но и в научных прениях.

Обращают на себя внимание призывы старовера понимать Священное Писание исключительно в его «духовном» смысле (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 38 об., 58). Традиционно понимание текстов Писания лишь в переносном их значении являлось характерным признаком согласия немоляков. Однако мы не можем отнести составителя сборника к этому толку, ибо его представителями не признавался авторитет Святых Отцов, фрагменты из сочинений которых приводятся в сборнике (Немоляки 1883: 443, 446).

Столь же несвойственными для согласия немоляков, отрицавшего формализованную молитву, выглядят отрывки богослужебных текстов, помещенные во второй главе книги (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 65). Думается, что смешение в мировоззрении составителя идеологических построений различных старообрядческих согласий стало результатом его многочисленных контактов с представителями этих толков. Примеры и механизмы подобных заимствований были уже весьма давно проанализированы Н.Н. Покровским (Покровский 1988: 262, 273).

Следующая группа текстов резко контрастирует с двумя первыми главами по своему объему. Она включает сразу двенадцать произведений, каждое из которых в среднем занимает не более двух листов. Часть из них (главы с третьей по седьмую) дополняют эсхатологические рассуждения из начала сборника. Данные фрагменты отсылают читателя к трудам Святых Отцов, что было необходимо, по мнению составителя, для постижения сущности антихриста (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 73–79 об.).

Интересной кажется приводимая старовером историческая периодизация. По традиции большинства «старолюбцев» автор пользуется александрийской (антиохийской) эрой, согласно которой от С.М. до Р.Х. прошло 5 500, а не 5 508 лет (Калугин 2013: 162–163). Распространенная среди немоляков идея «времен века» разделяла христианскую эру на два основных этапа – осень (от рождения Христа до 1666 г.) и зиму (после 1666 г.). Составителем это учение подвергается значительному переосмыслению. В частности, он разделяет последние два тысячелетия уже на три этапа. Первый открывается распятием Христа и победой над Сатаной в 33 г.; началом второго этапа называется 1033 г. (освобождение Сатаны), а третьего – 1666 г. (прельщение всего мира Дьяволом) (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 78–78 об.). В очередной раз следует констатировать значительное влияние на книжника инославной догматической традиции. Следует также признать творческие способности старовера, адаптировавшего новые идеи к нормам собственного согласия взамен их бездумного заимствования.

Нетрудно заметить, что структура сборника последовательно повторяет сюжетное построение его первой главы: устрашение уже случившимся воцарением антихриста сменяется руководством к дальнейшему действию. Таким образом, «концептуальная» и структурная «привязка» остальных глав к посланию «О Христе...», а также расположение этого произ-

ведения в начале книги являются непосредственным указанием на его основополагающее значение для общего идейного замысла сборника. Но старовер не ограничивается одними лишь призывами к покаянию, он также рассуждает о наилучшей форме взаимодействия с официальной властью. Цитируя «Книгу Фотия...», составитель сборника признает допустимость выплаты дани царю ради сохранения веры. Следующий фрагмент той же книги со ссылкой на «исторические материалы и документы» прославляет пустынножителство в качестве одной из нераздельных с покаянием добродетелей (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 83 об., 86).

Примечательно, что следующие три сочинения вступают в существенное противоречие с ранее помещенными. Одобрив, как и прежде, укрывательство в пустынях, старец подчеркивает, что бегство должно являться естественной реакцией староверов на попытки сбора с них податей (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 90). Не имеющая названия двенадцатая глава уподобляет выплату государственных сборов принятию клейма антихриста, а следующий за ней текст запрещает «старолюбцам» также участвовать в переписи населения (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 90 об., 94). Думается, что наличие в сборнике двух диаметрально противоположных мнений по столь значимому для староверов вопросу, как отношение к действующей светской власти, являлось попыткой книжника эффектно преподнести читателю наиболее предпочтительную для составителя точку зрения. Сходные примеры уже описывались М.В. Першиной при рассмотрении беспоповской книжности (Першина 2009: 23).

Таким образом, взамен обыкновенного постулирования собственных догматических взглядов старец представляет читателю небольшой богословский диспут. В силу того, что «антигосударственная» «концепция» в этом споре имеет более развернутую и убедительную аргументацию, а также изложена вслед за «прогосударственной» и, соответственно, не может быть подвергнута критике, у читателя должна была сложиться устойчивая мысль о безоговорочной истинности именно радикальной точки зрения.

Можно весьма уверенно определить создателя сборника как приверженца старообрядческого согласия странников. Наиболее явным указанием на это являются многочисленные призывы читателей к бегству из мира, чаще всего встречающиеся в заключительных главах книги (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 90, 93, 95 об.).

Напомним, что появление рассматриваемой компиляции относится к началу XX в. Большинство старообрядческих толков к этому времени уже окончательно отказываются от наиболее радикальных постулатов своего верования и значительно видоизменяют собственную догматику в сторону большей умеренности и веротерпимости. Однако наименование в тексте Петра I «зверем» (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 92 об.), а также выпады автора против переписи населения обнаруживают в нем приверженца согласия странников, дольше всех остальных сохранявшего непримиримую позицию по отношению к государственным институтам (Покровский 1988: 129; Савицкая 1998: 292). Можно также думать, что сама «концепция» «эпистолярного» сборника стала следствием жесткого запрета странников на совместное проживание в пустынях мужчин и женщин, в результате которого Доросиде Васильевне и неизвестному составителю пришлось прибегнуть к переписке для продолжения своего общения (Покровский 1988: 262).

Заключающее сборник сочинение предостерегает староверов от сотворения совместной службы с инославными (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 96 об.), что в очередной раз укрепляет нас в мысли о составлении компиляции исключительно для старообрядческой аудитории. Это вполне соотносится с общим характером полемики радикальных старообрядческих согласий, заинтересованных не столько в массовом обращении инославных, сколько в поддержании религиозного энтузиазма среди собственных единоверцев.

Итак, интересующая нас компиляция возникла на протяжении 1910–1917 гг. и происходит из среды старообрядцев-странников. Составитель сборника главным образом адресовал его собственным единоверцам. Следует полагать, что компиляция относится к догматическому типу и своей целью ставила укрепление старообрядцев в вере перед лицом враждебной им государственной власти. Ради наиболее эффективного воздействия на читателей составитель строго регламентировал структуру композиции, уделяя особое внимание оптимальному, с его точки зрения, объему, а также «взаимодействию» глав с использованием художественно-эмоциональной и рационалистической форм повествования. Составителю сборника присущи довольно неординарные воззрения, свойственные различным толкам староверия. Пользуясь весьма прогрессивной, с точки зрения «старолюбцев», формой ведения

полемики, компилятор при этом сохранял крайние радикальные взгляды на предмет межконфессионального взаимодействия и сотрудничества «истинных христиан» с государственными институтами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГНС** – Гуманитарные науки в Сибири
НСРК РНБ – Новое собрание рукописной книги Российской национальной библиотеки
ТЕВ – Тобольские епархиальные ведомости

ЛИТЕРАТУРА

- Калугин В. В.* 2013. Киевские фальсификаторы начала XVIII в. («Требник 1329 г. митрополита Феогноста») // Юхименко Е.М. (отв. ред.). Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). Вып. 5. Москва: Языки славянских культур, 127–183.
- Куандыков Л. К.* 1984. Развитие общежительного устава в Выговской старообрядческой общине в первой трети XVIII в. // Покровский Н.Н. (отв. ред.). Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск: Наука, 51–63.
- Немоляки. 1883 // ТЕВ 21. Отдел неофиц., 442–453.
- Першина М. В.* 2009. Филипповская община г. Тюмени и Братский двор // ГНС 3, 19–23.
- Пругавин А. С.* 1884. Запросы и проявления умственной жизни в расколе // Русская мысль. Кн. 1, 161–198.
- РНБ. НСРК. Q 506.
- Савицкая О. Н.* 1998. Старообрядчество Южного Зауралья // Поздеева И.В. (отв. ред.). Мир старообрядчества. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. Вып. 4. Москва: РОССПЭН, 291–299.

REFERENCES

- Kalugin V. V.* In: *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.) [Old Believers in Russia (XVII–XX cc.)]*. Ed. by Yuhimenko E. M. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur. Is. 5. (2013): 127–183. (In Russian).
- Kuandikov L. K.* In: *Issledovaniya po istorii obshchestvennogo soznaniya epokhi feodalizma v Rossii [Studies on the history of social consciousness in the era of feudalism in Russia]*. Ed. by Pokrovsky N. N. Novosibirsk: Nauka, 1984. pp. 51–63. (In Russian).
- In: *Tobolskie eparkhialnye vedomosti [Tobolsk diocesan journal]*. Vol. 21 (1883): 442–453. (In Russian)
- Pershina M. V.* In: *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanitarian sciences in Siberia]*. Vol. 3 (2009): 19–23. (In Russian).
- Pokrovsky N. N.* *Puteshestvie za redkimi knigami [Journey for rare books]*. Moscow: Kniga, 1988. (In Russian).
- Prugavin A. S.* In: *Russkaya mysl [Russian thought]*. Bk. 1 (1884): 161–198. (In Russian).
- Russian national library. New collection of manuscripts. Cipher Q 506. (In Russian).
- Savitskaya O. N.* In: *Mir staroobryadchestva. Zhivye traditsii: rezultaty i perspektivy kompleksnykh issledovaniy russkogo staroobryadchestva [World of the Old Believers. Living Traditions: results and prospects of integrated studies of Russian Old Believers]*. Ed. by Pozdeeva I. V. Moscow: ROSSPEN. Is. 4. (1998): pp. 291–299. (In Russian).

S. S. Bytko, Ya. G. Solodkin
Nizhnevartovsk, Russia

«EPISTOLAR» ANTHOLOGY OF OLD BELIEVERS AND FORMATION PECULIARITIES OF CYRILLIC COMPILATIONS AT THE TURN OF THE 19th CENTURY

Abstract. The article deals with the topical issue of modern archeography i.e. the problem of structural «arrangement» of compilations composed by Priestless Old Believers.

The research on how old believers compiled their books has been done since the middle of the 19th century.

Despite this fact there are still no comprehensive works that would precisely describe the «organisation» rules of compilations; the alternation of individual chapters as well as their interrelationship within the composition as a whole. An attempt is being made to establish links between the «architectonics» of the compilations and the time they were formed as well as the religious affiliation of their compilers. For this purpose a Cyrillic manuscript with unclear dating and attribution was chosen for analysis from the collection of the National Library of Russia.

The article shows that the book comes from the communities of Old Believer pilgrims and appeared in 1910–1917. The book was intended for internal use within the communities of Old Believers and, instead of the doctrine debate with other factions, its aim was to encourage *religious enthusiasm* in «runaway» Old Believers. It has been determined that the structure of the compilation was greatly affected by the social and political processes of the early 20th century. Thus, some texts were included in the set with the aim of «scientification» of the religious tradition of

Old Believers. For more powerful effect on the audience, the compiler skillfully combined texts which used various forms of narration (literary-emotional and rational). The structure of the compilation was to illustrate the best model of religious life which would guarantee the Old Believer not only personal salvation but also the survival of their faith.

Key words: Old Believers faith; structure of Cyrillic compilations; debate; religious doctrine; Bespopovtsy (Priestless Old Believers); Nemolyaki (those who do not pray); pilgrims.

About the authors: Sergey Stanislavovich Bytko¹, graduate student at the Department of Russian History, Nizhnevartovsk State University; Yankel Gutmanovich Solodkin², Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Scientific Research Laboratory of Regional Historical Studies

Place of employment: Nizhnevartovsk State University².

Бытко С. С., Солодкин Я. Г. «Эпистолярный» старообрядческий сборник и особенности формирования кириллических компиляций на рубеже XIX–XX веков // Вестник Нижнеуртского государственного университета. 2018. № 1. С. 3–8.

Bytko S. S., Solodkin Ya. G. «Epistolar» anthology of old believers and formation peculiarities of cyrillic compilations at the turn of the 19th century // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 1. P. 3–8.

УДК 94 (57) "1918"

М. И. Вторушин
Омск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИИ АНТИСОВЕТСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ БОРЬБУ В СИБИРИ В 1918 ГОДУ

Аннотация. Представлена проблема сущности идеологии антисоветского движения востока России эпохи социально-политических катаклизмов 1918–1920 гг. и ее влияния на политическую борьбу за власть в Сибирском регионе. Цель исследования – выявить особенности идеологических установок антисоветских политических группировок в годы Гражданской войны в Сибири и причины консолидации адептов Февральской революции вокруг «белой идеи» унитарного государства.

Установлено, что антисоветский политический блок в начальный период Гражданской войны включал в себя три идейных течения, которые отражали объективную расстановку социально-классовых и политических сил в Сибири. Интересы этих политических группировок находились в острых противоречиях в связи с разным пониманием будущего государственного устройства России. Социалисты отстаивали принцип федерации, офицерско-кадетские группы защищали идею унитарного государства, сибирские областники выступали за конфедеративное устройство России. Различные идейные предпочтения вылились в ожесточенную борьбу за власть. Победителями вышли представители течения, которое отстаивало принцип унитарного государства, обозначенный как «белая идея». Политический выбор в пользу военной диктатуры унитаристов был подкреплен осознанием торгово-промышленными кругами и кооператорами Сибири, ранее поддерживавшими областническое течение в антисоветском политическом блоке, необходимости воссоздать единый российский рынок. Также это требовалось им, чтобы разрешить исторические «сибирские вопросы», связанные с преодолением негативного колониального наследия дореволюционного развития региона.

Итоги исследования могут быть использованы при написании работ по истории Сибири, чтении курса истории России, спецкурсов по истории революции 1917 г. и Гражданской войны.

Ключевые слова: антисоветская идеология; белая идея; белое движение; Гражданская война; демократическая контрреволюция.

Сведения об авторе: Михаил Иванович Вторушин, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственного, муниципального управления и таможенного дела.

Место работы: Омский государственный технический университет.

Контактная информация: 644022, Россия, г. Омск, пр-т Мира, д. 11; тел.: 8(3812)73-23-32, e-mail: vtorushin-m2013@yandex.ru

---

Проблема генезиса идеологических установок противоборствующих социально-политических лагерей России периода Гражданской войны относится к важным темам изучения переломного этапа развития страны. Оформив-

шееся в ходе Февральской революции идейное противостояние по вопросу о путях дальнейшего развития России после политического переворота Октября 1917 г. приняло в стране острые, военные формы. Сталкивавшиеся на полях

сражений Гражданской войны участники политического конфликта нуждались в идеологическом обосновании своего варианта развития России для понимания их позиции широкими слоями населения страны и мировой общественности, который оправдывал бы их насильственные действия, в том числе и средствами террора, в вооруженной борьбе за верховную власть. Научный интерес вызывает специфика идеологических установок антисоветских сил на востоке России, их влияние на политическую ситуацию в Сибири.

Данная проблема была в центре внимания еще в период Гражданской войны. Первичный анализ идейной программы антисоветского движения был проведен в работах вождей большевиков. Так, В.И. Ленин идеологию «демократической контрреволюции» проанализировал в статье «Ценные признания Питирима Сорокина» (Ленин 1969: 188–197), начальную фазу Белого движения на востоке России – в речи «О современном положении и ближайших задачах Советской власти» (Ленин 1970а: 30–43), и ее позднюю фазу – в «Письме по поводу победы над Колчаком» (Ленин 1970b: 151–159). Эволюция антисоветской идеологии рассмотрена в статье И.В. Сталина «Политика правительства по национальному вопросу» (Сталин 1947: 225–229).

Необходимо отметить, что основы антисоветской идеологии были созданы еще в период политического кризиса осени 1917 г. Так, идейная платформа унитаристов (кадеты и офицерский корпус), которая известна как «белая идея», первоначально была изложена в «Программе действия» корниловского движения в 1917 г. (Деникин 2003: 99). Эту программу в 1919 г. Главнокомандующий ВСЮР генерал А.И. Деникин дополнил «Наказом Особому совещанию» (Врангель 2003: 428–429). На востоке России постулаты белой идеологии под названием «Задачи Верховной власти» в беседе с представителями печати представил адмирал А.В. Колчак в ноябре 1918 г. (ГИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 1. Д. 14. Л. 1 об.). Антисоветская идейная программа правых социалистов была озвучена на Уфимском Государственном совещании в сентябре 1918 г. (Уфимское государственное совещание ... 1929: 249–250), получив название «тактика третьей силы» (Гусев 1973: 35–45). Она рассмотрена бывшим участником «демократической контрреволюции» И.М. Майским (Майский 1922: 125–137).

Анализ идейных установок антисоветского движения на востоке России показывает, что

специфика политической программы его движущих сил характеризуется эклектикой и синкретикой, т. к. она одновременно включала в себя весь спектр антисоветских политических программ, и это отличало ее от ситуации на юге России, где изначально ведущей политической линией была «белая идея». Этот феномен не был чем-то исключительным в идейных воззрениях антисоветских групп эпохи Гражданской войны. Генерал врангелевской Белой армии Я.А. Слащев так определил сущность идеологии антисоветского лагеря юга России: «мешанина кадетствующих и октябриствующих “верхов” и меньшевистско-эсерствующих “низов”». Кадровое офицерство было воспитано в монархическом духе, политикой не интересовалось, в ней ничего не смыслило и даже в большинстве не было знакомо с программами отдельных партий. “Боже, царя храни” все же провозглашали только отдельные тупицы, а масса Добровольческой армии надеялась на “учредилку”, избранную по “четырёххвостке”, так что, по-видимому, эсеровский элемент преобладал» (Слащев-Крымский 2003: 18–19).

Данная специфика воззрений была характерна и для идеологии восточной контрреволюции. Поэтому она одновременно включала в себя политические установки всех антиоктябрьских политических партий. Так, в нее входили положения из программы кадетов, которые выступали за установление «конституционной и парламентской монархии» (Права и свободы человека ... 2002: 75). Доктринальные воззрения на государственно-политическое устройство страны военных старой русской армии, которые поддержали Февральский политический переворот, изложил Верховный Правитель России адмирал А.В. Колчак: «Я не буду стремиться к тому, чтобы снова вернуть эти тяжелые дни прошлого, чтобы реставрировать все то, что признано самим народом ненужным» (ГИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 1. Д. 14. Л. 1 об.). На первом этапе антисоветского движения в Сибири идеология восточной контрреволюции включала чаяния областников, которые свое видение ситуации изложили в заявлении Сибирской областной Думы «Грамота Народам Сибири» (ГИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 1. Д. 15. Л. 1) и декларации Временного Сибирского правительства «О государственной самостоятельности Сибири» (Временное Сибирское правительство ...: 117). Как самостоятельная идейная линия выступали «верхи» сибирского казачества (Съезды, конференции и совещания ... 1992: 268). На востоке России большое место в идео-

логии антиоктябрьских сил занимала теория меньшевиков и эсеров о широкой демократии, республике и федерации как форме государственного устройства страны (ГИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 3. Д. 2. Л. 1).

Последний этап антисоветского движения на востоке России был отмечен реставрационно-монархическими настроениями консервативных слоев общества Сибири, беженцев из центральных районов страны, а также известной части офицеров, о которых белый генерал В.А. Кислицын писал: «Для офицеров не было более дорогих лозунгов – за веру, царя и отечество...» (Июффе 1977: 125). По этой причине прямо противоположные программные установки составных частей антисоветского движения на Востоке страны не могли не вызывать острейшие политические трения и перманентный политический кризис в лагере местной контрреволюции. Лишь сквозная мысль, что большевизм являл собой худшее из всего того, что имелось в политическом спектре страны, заставляла до известного момента носителей антисоветской идеологии сотрудничать друг с другом (Ракитников 1920: 7). Так, летом 1918 г. полковник В.О. Капель, в ответ на приглашение эсеровского Комуча возглавить вооруженные силы мятежников, заявил: «Согласен, попробую воевать; я монархист по убеждениям, но стану под какое угодно знамя, лишь бы воевать с большевиками» (Июффе 1977: 126).

Из этой сложной идейной конструкции оформилась основная линия сторонников февральской революции, так называемая «белая идея» создания модели современного Российского государства. Как заметил генерал Я.А. Слещев, «идея, руководившей этими людьми, была борьба за “отечество”, которое одно уцелело от триединого лозунга, под которым военные элементы России воспитывались в течение 200 лет. Действительно, если идея царя была дискредитирована, то идея “отечества” держалась крепко; она была впитана, так сказать, с молоком матери и поддерживала дух армии за все время Германской войны. И вот теперь она опять должна была выдвинуть массы на борьбу с иноземным нашествием, и, прежде всего, против Советской власти, которая рассматривалась руководителями Добровольческой армии как иноземный элемент» (Слещев-Крымский 2003: 12–13).

Стоит отметить, что «белая идея» на практике оказалась неоднородной в идеологических проявлениях как на территории России в ходе Гражданской войны, так и среди русских

эмигрантов после нее. На специфику идеологии влияли особенности территориального базирования войск белых армий, особенно в национальных районах, авторитет лидеров тех или иных политических партий и течений. На доктринальные установки вождей белого движения воздействовали представители войск интервентов, а также правительства стран-лимитрофов, которые были вовлечены в российский национальный конфликт в связи с их помощью антиоктябрьским силам, и т. д. При всем разнообразии трактовки «белой идеи» ее основной тезис состоял в лозунге «Единая, неделимая, Великая Россия». Объективно «белая идея» отражала стремление отечественных (великоросских) торгово-промышленных кругов восстановить единый всероссийский рынок в интересах национальной буржуазии, вытеснив из экономического пространства России иностранных конкурентов как из стран Антанты, так и из государств бывшего Германского блока. В 1918 г. белые унитаристы на юге страны оформили основу будущего Российского государства. В августе 1918 г. при генерале М.В. Алексееве было создано «Особое совещание» как «высший орган гражданского управления» (Июффе 1977: 230–231). В Киеве адептами унитарного государства из числа кадетов и лиц, идейно близких к ним, был создан «Совет государственного объединения России» (СГОР), сыгравшего огромную роль в консолидации сторонников Белого движения. В него вошли депутаты Государственной думы, земств, торгово-промышленных и академических кругов, члены «Союза земельных собственников», Церковного собора и финансисты. В целом «СГОР» отражал интересы тех бывших землевладельцев и финансово-промышленных кругов, политической целью которых являлось воссоздание «единой неделимой России» (Июффе 1977: 242).

В Сибири в качестве программы действия «белая идея» разделялась только представителями партии кадетов, отдельными группами цензовых элементов и кадровым офицерством старой русской армии, которые оказались на востоке страны. Правыми социалистами как Сибири, так и Европейской России националистический лозунг «Великая и неделимая Россия» отрицался, так как они стояли на программной установке своих партий «О правах наций на самоопределение» (Права и свободы человека ... 2002: 97). Для них первичным элементом программы являлось «укрепление русской революции» (Временное Сибирское правительство ... 2010: 45), и только потом «защита

свободы и независимости нашей родины» (Временное Сибирское правительство ... 2010: 45).

Само понятие «белая идея» сибирская антисоветская демократия не поощряла. Так, в приказе № 13 от 10 июня 1918 г. командир Второго Степного корпуса Сибирской армии полковник П.П. Иванов-Ринов от имени Временного Сибирского правительства категорически запрещал населению Сибирского региона употреблять понятие «белая гвардия» (Временное Сибирское правительство ... 2010: 60). В специальном постановлении всем участникам антисоветских вооруженных сил, подконтрольным вначале Западно-Сибирскому комиссариату, а затем Временному Сибирскому правительству, запрещалось использование белой повязки на рукаве в качестве опознавательного знака, так как она ассоциировалась с белым движением юга России. Военнослужащим Сибирской антисоветской армии предписывалось использовать в качестве опознавательного знака бело-зеленые повязки, повторявшие цвета знамени сибирских автономистов (Временное Сибирское правительство ... 2010: 37). При этом во всех документах Сибирского Временного правительства и Сибирской областной Думы говорилось о стремлении восстановить единство всех частей бывшей Российской империи на демократической основе (ГИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 3. Д. 1. Л. 1).

Феномен двойственности идеологических установок участников антисоветского движения на востоке России, когда, с одной стороны, эсерами провозглашался лозунг федерации и народоправства (Добровольский 2002: 127), а с другой – кадетами и офицерами пропагандировались постулаты о «единой и неделимой России», порождал в Сибири в период «демократической контрреволюции» 1918 г. непрерывные столкновения между лидерами социалистической демократии и вождями националистов на всех уровнях власти, их взаимное недоверие, политические интриги (Ларьков 1996: 24–30). За столкновениями правых социалистов с белыми националистами стояла проблема выбора модели оформления государственной системы верховной представительной власти в России, т. е. выбор между парламентской республикой и республикой президентской.

Усугубляли ситуацию в антисоветском лагере монархические взгляды ряда кадровых офицеров Сибирской армии и сибирского казачества (Ракитников 1920: 9). Они «бредили» или «царем Михаилом Романовым», стремясь

придать Белому движению унитаристов государственную преемственность и легитимность, или «диктатором», наподобие Наполеона, из местных военных авторитетов, т. е. развивали идеи «цезаризма» (Шишкин 1997: 7–14). Так, на Востоке страны негласно вызревала идея установления в России президентской формы правления, аналога президентской системы Веймарской республики в Германии. Об этом говорил, прямо не упоминая институт президентства, адмирал А.В. Колчак в беседе с иностранными корреспондентами: «Меня называют диктатором. Пусть так: я не боюсь этого слова и помню, что диктатура с древнейших времен была учреждением республиканским. Как Сенат Древнего Рима в тяжкие минуты государства назначал диктатора, так Совет Министров Российского Государства в тяжчайшую из тяжких минут нашей государственной жизни, идя навстречу общественным настроениям, назначил меня Верховным Правителем» (ГИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 1. Д. 14. Л. 1 об.). Лидеры сибирского «народоправства» вынуждены были прислушиваться к чаяниям сторонников «белой идеи» из офицерских кругов, т. к. они составляли костяк Сибирской армии (Гармиза 1970: 95).

Уже в Декларации «Ко всему населению Западной Сибири» Временное Сибирское правительство, подстраиваясь под эти настроения, заявило, что ее задачей является «восстановление отторгнутых ныне друг от друга частей Великой всероссийской федеративной демократической республики» (Временное Сибирское правительство 2010 ...: 47). Однако осенью 1918 г. после успешного свержения Советской власти в Сибири, на Урале и в Поволжье термин «Великая республика» в «исполнении» антисоветской демократии не устраивал сторонников «белой идеи», т. к. они отрицали какую-либо форму федеративного устройства России. В Сибири националисты Белого движения отстаивали основополагающий лозунг унитарного государства «Единая и неделимая Россия» (ГИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 2. Д. 25. Л. 1). Из этой позиции националистов в военной форме, поддержанной определенными торгово-промышленными кругами востока России, во многом оформилась идея государственного переворота 18 ноября 1918 г., завершившаяся установлением в Сибири военной диктатуры адмирала А.В. Колчака (ГИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 1. Д. 14. Л. 1).

Резкое изменение политических предпочтений сибирской буржуазии осенью 1918 г. в

пользу создания унитарного государства с «твердой» (президентской) властью во многом диктовалось неблагоприятной для нее экономической конъюнктурой на Дальнем Востоке, где вследствие засилья на местных рынках японских и американских товаров предпринимателям Сибири было сложно вести торговые дела (За спиной Колчака 2005: 392–394). Кроме того, экономическая практика региона в условиях автаркии показала, что народному хозяйству Сибири невозможно было существовать без вывоза аграрной продукции на европейский рынок страны и получения необходимой фабричной продукции для нужд местного населения, т. е. требование восстановить традиционные хозяйственные связи в рамках единого национального рынка являлось жизненным императивом. Подобную идейную эволюцию проделали кооператоры Сибири (ГИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 3. Д. 5. Л. 1), которые в условиях разделения страны по линии фронтов не смогли обеспечить нормальное функционирование товарно-снабженческой системы края. Поэтому они требовали возродить единый национальный рынок, поддержав для этого политический переворот 18 ноября 1918 г. (ГИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 3. Д. 16. Л. 1). Однако этому решению областная буржуазия и сибирские кооператоры пришли не сразу.

Сибирские автономисты как представители еще одной идеологической парадигмы на востоке страны были недовольны сложившейся в антисоветском лагере ситуацией, т. к. в случае победы сторонников «единой и неделимой России» в Гражданской войне в стране началось бы формирование унитарного государства, которое отрицало бы какие-либо формы автономии. За спиной сибирских областников стояли известные круги местной буржуазии, которые, прежде всего, ориентировались на внутренний сибирский рынок и на торговлю со странами Дальневосточного региона (За спиной Колчака 2005: 69). Стоит отметить, что политический сепаратизм областников был отражением недовольства торгово-промышленных кругов Сибири прежним экономическим неравенством с привилегированной буржуазией европейской части страны. Поэтому еще в конце июня 1918 г. в Омске, в административно-политическом центре Западной Сибири, областники и пока еще союзные им военные круги заставили Западно-Сибирский комиссариат, который выступал за подчинение Учредительному собранию, передать всю власть Сибирскому Временному правительству (Гармиза

1970: 105). В нем доминировали сторонники сибирской автономии. Было объявлено о «Свободной Сибирской республике» (Временное Сибирское правительство 2010: 104) и созыве «Всесибирского Учредительного собрания» (Временное Сибирское правительство ... 2010: 102). Кроме того, от Сибирского Временного правительства областники добились 4 июля 1918 г. издания «Декларации о государственной самостоятельности Сибири» (Временное Сибирское правительство ... 2010: 117), а 13 июля под их давлением были определены северные и западные границы Сибирской республики (Временное Сибирское правительство 2010 ...: 151).

Успехи сибирских автономистов вызвали недовольство как сторонников «единой и неделимой России», так и представителей правительства Англии на востоке страны. Белогвардейцы стремились использовать военно-экономический потенциал Сибири для содействия южной русской контрреволюции А.И. Деникина, видя в ней залог будущей российской государственности. Эти стремления совпадали с планами агентов Антанты, которые добивались вмешательства Сибирской армии в ход военных действий в Поволжье против Красной Армии для воссоздания антигерманского фронта и свержения Советской власти (Светачев 1983: 86). Союзники сознательно затягивали признание Сибирского правительства. Давление внешних и внутренних сил вызвало перманентный политический кризис в «верхах» антисоветского лагеря Сибири (Мельгунов 2004: 423–460).

В августе 1918 г. адепты унитарного государства из состава Временного Сибирского правительства, опираясь на поддержку военных кругов, выступили против Сибирской областной Думы, которая попыталась законодательно ввести конфедеративное устройство будущего Российского государства. Они создали внутри Правительства Административный совет из пяти министров во главе с прогрессистом П.В. Вологодским (Гинс 2008: 118–119). Реакция областников последовала немедленно. 19 сентября 1918 г. заместитель главы правительства В.М. Крутовский объявил о роспуске Административного совета (Мельгунов 2004: 286). Вмешательство в правительственный кризис военных кругов, которые рассчитывали усилить влияние сторонников «единой и неделимой России», привело к поражению левых министров из числа автономистов и эсеров. Все они оказались под арестом, а видный предста-

витель сибирских областников А.Е. Новоселов был убит. Сибирская областная Дума после этих событий свою работу приостановила (Гинс 2008: 154–156).

Прибывшие в Омск уже после событий 19–21 сентября члены Уфимского Государственного совещания, отстаивая идею Всероссийского Учредительного собрания, сформировали Директорию и создали на базе Временного Сибирского правительства Всероссийское правительство. Члены этого правительства во главе с его Председателем П.В. Вологодским и министрами И.А. Михайловым, И.И. Серебренниковым и управляющим делами Г.К. Гинсом 3 ноября 1918 г. подписали декларацию «О передаче верховной власти на территории Сибири Временному Всероссийскому Правительству» (Сибирский вестник 1918). Вскоре члены Директории и российские эсеры натолкнулись на сепаратизм бывших министров Сибирского правительства, которые пытались не допустить их вмешательства как в «сибирские дела», так и в дела общегосударственного характера. Саботаж и уклонение от выполнения распоряжений Директории «сибирскими министрами» объяснялся наметившимися в правительстве тенденциями опираться в регионе на сторонников «белой идеи», кадетскую партию и торгово-промышленные круги (Шиловский: Временное Всероссийское ...). Начались разногласия и столкновения по вопросу рамок полномочий Директории и Временного Российского правительства, которое требовало от членов Директории не вмешиваться в его дела (Гинс 2008: 193).

Используя правительственный кризис, эмиссары Англии активно интриговали политические круги Омска, добиваясь включения в состав правительства в качестве военного министра своей креатуры – адмирала А.В. Колчака. В итоге он занял этот ключевой пост. Учитывая, что адмирал постоянно заявлял о неприемлемости для него как политика идеи созыва Всероссийского Учредительного собрания образца января 1918 г., стало ясно, что правительство Великобритании сделало ставку на белых националистов с их лозунгом «Единая и неделимая Россия» (Миронов 2006: 270). Стоит отметить, что отказ от идеи повторного созыва Учредительного собрания лишал сторонников «белой идеи» в Сибири какой-либо легитимности. После победы над Советами им оставалось уповать лишь на возможный созыв «Национального собрания», видимо, по Избирательному закону 3 июня 1907 г., и опираться на до-

революционное законодательство, которое было отвергнуто основной массой народа самим фактом политической революции 1917 г.

Новый министр еще больше обострил разногласия в «верхах» антисоветского движения на востоке страны. Так, 5 ноября 1918 г., т.е. через две недели после назначения А.В. Колчака военным министром, Председатель Совета министров Всероссийского правительства П.В. Вологодский заявил о необходимости отмены закона о государственной самостоятельности Сибири. Данное заявление было крайне негативно встречено областниками. Ответом Совета министров стал окончательный роспуск Сибирской областной Думы 10 ноября 1918 г. (Шиловский 1995: 15–16). Новый конфликт между Директорией и Советом министров по поводу полномочий данных органов верховной власти в Сибири завершился государственным переворотом 18 ноября 1918 г. Он упразднил эсеровскую Директорию и установил диктатуру адмирала А.В. Колчака. Временное Всероссийское правительство официально было объявлено постоянным и единственным высшим распорядительным органом власти на востоке России. Параллельно была декларирована идеологическая программа нового режима власти в Сибири, которая по ряду моментов почти полностью совпадала с теорией унитарного государства сторонников «белой идеи» (ГИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 1. Д. 14. Л. 1 об.). Победой сторонников «единой и неделимой России» завершилось и внутреннее политическое противостояние группировок торгово-промышленной буржуазии Сибири.

Таким образом, анализ системы идеологии восточной контрреволюции показывает, что на Востоке России, прежде всего в Сибири, доктринальные установки антиоктябрьского политического движения характеризуются наличием в них трех основных идейно взаимоисключающих друг друга точек зрения на будущую систему территориально-политического устройства страны и форму организации власти. Идеологическая концепция «широкой демократии» и федеративного устройства России в основном связана с течениями правых социалистов. Доктрина, известная как «автономная Сибирь», реализовывалась сепаратистами из состава сибирских либералов-областников и части сибирских эсеров. Имелся вариант «автономного Сибирского казачьего войска», который развивали верхи сибирского казачества. Наконец, третья, «единая и неделимая Россия», связана с партией кадетов и кадровым офицер-

ством. Исходя из этой идейной специфики, по нашему мнению, стоит рассматривать историю развития антисоветской идеологии и антисоветского движения на Востоке России от нача-

ла антисоветских восстаний в Сибири и Поволжье в мае 1918 г. и до военно-политического поражения антиоктябрьских политических сил в 1922 г. на Дальнем Востоке.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области

ЛИТЕРАТУРА

- Врангель П. Н.* 2003. Записки: в 2 т. Т. 1. Минск: Харвест.
- Временное Сибирское правительство. 2010 // Шишкин В. И. (ред.). Сб. документов и материалов. Новосибирск: ИД «Сова».
- Гармиза В. В.* 1970. Крушение эсеровских правительств. М.: Мысль. ГИАОО. Ф. Р-1015.
- Гинс Г. К.* 2008. Сибирь, союзники и Колчак. М.: Айрис-пресс.
- Гусев В. К.* 1973. История «демократической контрреволюции» в России. М.: Знание.
- Деникин А. И.* 2003. Очерки русской смуты: в 3 кн. Кн. 2. М.: Айрис-Пресс.
- Добровольский А. В.* 2002. Эсеры Сибири во власти и оппозиции. Новосибирск: Наука.
- За спиной Колчака. 2005 // Квакин А. В. (ред.). Документы и материалы. М.: Аграф. ИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 1. Д. 14.
- ИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 1. Д. 15.
- ИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 2. Д. 25.
- ИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 3. Д. 1.
- ИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 3. Д. 16.
- ИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 3. Д. 2.
- ИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 3. Д. 5.
- Иоффе Г. З.* 1977. Крах российской монархической контрреволюции. М.: Наука.
- Ларьков Н. С.* Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны - летом 1918 г. 1996 // Гуманитарные науки в Сибири 2, 24–30.
- Ленин В. И.* 1969. Ценные признания Питирима Сорокина // Полное собрание сочинений. Т. 37. М.: Издательство политической литературы, 188–197.
- Ленин В. И.* 1970а. О современном положении и ближайших задачах Советской власти // Полное собрание сочинений. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 30–43.
- Ленин В. И.* 1970б. Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком // Полное собрание сочинений. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 151–159.
- Майский И. М.* 1922. Демократическая контрреволюция // Красная новь 5, 114–138.
- Мельгунов С. П.* 2004. Трагедия адмирала Колчака: в 2 кн. Кн. 1. М.: Айрис-пресс.
- Миронов С. С.* 2006. Гражданская война в России. М.: Вече.
- Права и свободы человека в программных документах основных политических партий и объединений России. XX век. 2002. М.: РОССПЭН.
- Ракитников Н. И.* 1920. Сибирская реакция и Колчак. М.: Народ.
- Светачев М. И.* 1983. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск: Наука.
- Сибирский вестник (Омск). 1918. 6 ноября. № 61.
- Слащев-Крымский Я. А.* 2003. Крым, 1920 г. // Гражданская война в России: оборона Крыма. М.: АСТ.
- Сталин И.* 1947. Политика правительства по национальному вопросу // Сочинения. Т. 4. М.: Издательство политической литературы, 225–229.
- Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций Акмолинской области (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) / Сост. Якимова Т. В. 1992. Ч. 1. Томск.
- Уфимское Государственное совещание. 1929 // Русский исторический архив. Сборник 1. Прага: Орбис.
- Шиловский М. В.* 1995. Сибирский представительный орган: от замыслов к драматическому финалу (январь – ноябрь 1918 г.) // Шиловский М. В. (отв. ред.). Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово: ГОУ "КРИПО, 4–18.
- Шиловский М. В.* Временное Всероссийское правительство (Директория) 23 сентября – 18 ноября 1918 г. // <http://www.zaimka.ru/soviet/shilovski5.shtml>. (2014. 30 сент.).
- Шишкин В. И.* 1997. Колчаковская диктатура: истоки и причины краха // История «белой Сибири». Кемерово: Кемеровский государственный университет, 7–14.

REFERENCES

- Vrangel' P. N.* Zapiski: v 2 t. [Notes: in 2 vol.]. Minsk: Harvest. Vol. 1. (2003). (In Russian).
- Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo // Shishkin V. I. (red.). Sb. dokumentov i materialov [Provisional Siberian government. Collection of documents and materials (ed. by Shishkin V. I.)]. Novosibirsk: ID «Sova». 2010. (In Russian).
- Garmiza V. V.* Krushenie eserovskikh pravitel'stv [The collapse of socialist-revolutionary governments]. Moscow: Mysl, 1970. (In Russian).
- The State Historical Archive of Omsk Region. Fund R-1015. (In Russian).
- Gins G. K.* Sibir', soyuzniki i Kolchak [Siberia, the allies and Kolchak]. Moscow: Ayris-press, 2008. (In Russian).
- Gusev V. K.* Istoriya «demokraticheskoy kontrevolyutsii» v Rossii [History of “democratic counterrevolution” in Russia]. Moscow: Znanie, 1973. (In Russian).
- Denikin A. I.* Ocherki russkoy smuti: v 3 kn. [Essays on the Russian troubles: in 3 vol.]. Moscow: Ayris-press. Vol. 2. (2003). (In Russian).
- Dobrovol'skiy A. V.* Esery Sibiri vo vlasti i oppozitsiy [Socialists-Revolutionaries of Siberia in Government and in Opposition]. Novosibirsk: Nauka, 2002. (In Russian).
- Za spinoy Kolchaka // Kvakin A. V. (red.). Dokumenty i materialy [Behind Kolchak's Back: Documents and Materials / Ed. by Kvakin A.V.]. Moscow: Agraf. 2005. (In Russian).
- State historical archive of the Omsk region. Fund R-1015. Inventory 1. Case 14. (In Russian).
- State historical archive of the Omsk region. Fund R-1015. Inventory 1. Case 15. (In Russian).
- State historical archive of the Omsk region. Fund R-1015. Inventory 2. Case 25. (In Russian).
- State historical archive of the Omsk region. Fund R-1015. Inventory 3. Case 1. (In Russian).
- State historical archive of the Omsk region. Fund R-1015. Inventory 3. Case 16. (In Russian).
- State historical archive of the Omsk region. Fund R-1015. Inventory 3. Case 2. (In Russian).
- State historical archive of the Omsk region. Fund R-1015. Inventory 3. Case 5. (In Russian).
- Ioffe G. Z.* Krah rossiyskoy monarhicheskoy kontrevolyuziy [The collapse of the Russian monarchist counter-revolution]. Moscow: Nauka, 1977. (In Russian).
- Lar'kov N. S.* In: Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanitarian Sciences in Siberia] No. 2 (1996): 24–30. (In Russian).
- Lenin V. I.* Tsennye priznaniya Pitirima Sorokina // Polnoe sobranie sochinenij [The Valuable Admissions of Pitirim Sorokin // Collected works]. Vol. 37. (1969): 188–197. (In Russian).
- Lenin V. I.* O sovremennom polozheniy i blizhayshih zadachah Sovetskoy vlasti // Polnoe sobranie sochinenij [The Present Situation and the Immediate Tasks of Soviet Power // Collected works]. Vol. 39 (1970): 30–43. (In Russian).
- Lenin V. I.* Pis'mo k rabochim i krest'yanam po povodu pobedy nad Kolchakom // Polnoe sobranie sochinenij [Letter to the Workers and Peasants Apropos of the Victory over Kolchak // Collected works]. Vol. 39 (1970): 151–159. (In Russian).
- Mayskiy I. M.* In: Krasnaya nov [Red Virgin Soil]. No. 5 (1922): 114–138. (In Russian).
- Mel'gunov S. P.* Tragediya admirala Kolchaka: v 2 kn. [The Tragedy of Admiral Kolchak: in 2 vol]. Moscow: Ayris-press. Vol. 1 (2004). (In Russian).
- Mironov S. S.* Grazhdanskaya vojna v Rossii [The Civil War in Russia]. Moscow: Veche, 2006. (In Russian).
- Prava i svobody cheloveka v programnykh dokumentah osnovnykh politicheskikh partiy i ob'edineniy Rossii. XX vek [Human rights and freedoms in the program documents of the main political parties and associations of Russia. 20th century]. M.: ROSSPEN, 2002. (In Russian).
- Rakitnikov N. I.* Sibirskaya reakziya i Kolchak [Siberian response and Kolchak]. M.: «Narod», 1920. (In Russian).
- Svetachev M. I.* Imperialisticheskaya intervensiya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1918–1922 gg.) [Intervention in Siberia and the Far East (1918–1922)]. Novosibirsk: Nauka, 1983. (In Russian).
- Sibirskiy Vestnik (Omsk) [Siberian Herald (Omsk)]. No. 61 (1918): 6 Nov. (In Russian).
- Slashchev-Krymskiy Ya. A.* In: Grazhdanskaya vojna v Rossii: oborona Kryma [Civil War in Russia: The defense of the Crimea]. M.: AST, 2003. (In Russian).
- Stalin I.* In: Sochineniya. [Works]. Vol. 4. M.: Publishing house of political literature (1947): 225–229. (In Russian).
- S'ezdy, konferentsiy i soveshchaniya sozial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsiy Akmolinskoy oblasti (mart 1917 – noyabr' 1918 gg.) [Congresses, conferences and meetings of social class, political, religious and national organizations in Akmolinsk region (March 1917–November 1918)] // Ed. by Yakimova T. V. Tomsk. Part. 1. (1992). (In Russian).
- Ufimskoe Gosudarstvennoe soveshchanie// Russkiy istoricheskij arhiv [Ufa State meeting. Russian historical archive]. Prague. Vol. 1 (1929). (In Russian).

Shilovskiy M. V. Sibirskiy predstavitel'nyy organ: ot zamyslov k dramaticheskomu finalu (yanvar' – noyabr' 1918 g.) // Shilovskiy M. V. (otv. red.). Sibir' v period Grazhdanskoj vojny [Siberian representative body: from projects to the dramatic final (January – November 1918) // Siberia during the Civil war (ed. by M. V. Shilovsky)]. Kemerovo: GOU KRIRPO (1995): 4–18. (In Russian).

Shilovskiy M. V. Vremennoe Vserossiyskoe pravitel'stvo (Direktoriya) 23 sentyabrya – 18 noyabrya 1918 g. [All-Russian Provisional government (the Directory) 23 September–18 November 1918]. Available at: <http://www/zaimka.ru/soviet/shilovski5.shtml>. (Accessed on 2014. 30 Sept.) (In Russian).

Shishkin V. I. In: Istoriya «beloy Sibiri» [The history of “white Siberia”]. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennii universitet. (1997): 7–14. (In Russian).

M. I. Vtorushin

Omsk, Russia

PECULIARITIES OF THE IDEOLOGY OF THE ANTI-SOVIET MOVEMENT IN THE EAST OF RUSSIA AND ITS INFLUENCE ON THE POLITICAL FIGHT IN SIBERIA IN 1918

Abstract. The paper sets up the nature problem of the anti-Soviet movement ideology in Eastern Russia in the epoch of the social and political cataclysms in 1918–1920 and its impact on the political struggle for power in the Siberian region. The purpose of the paper is to reveal the peculiarities of the anti-Soviet political factions' ideological goals during the Civil War in Siberia and the reasons for the supporters of February Revolution to consolidate around the “white idea” of a unitary state.

It was found that the anti-Soviet political bloc during the initial period of the Civil war included three main ideological movements that reflected an objective balance of socio class and political forces in Siberia. The interests of these political groups were in acute contradictions due to different understanding of the future state structure of Russia. The socialists upheld the principle of Federation, the officer-cadet groups defended the idea of a unitary state and the Siberian regionalists advocated a confederal state structure. Different ideological preferences resulted in a fierce struggle for power. In the end, the winners were the representatives of the movement, which defended the unitary state principle, marked as the «white idea». This political choice in favor of the military dictatorship of the Unitarians was backed by the fact that Siberian commercial and industrial circles and cooperators, who previously supported the regionalist movement in the anti-Soviet political bloc, fully understood the need to recreate the single Russian market. They required this to solve historical «Siberian issues» associated with overcoming the negative colonial legacy of the pre-revolutionary development of the region.

The results of the study can be used when writing works on the history of Siberia, when teaching courses on the Russian history, courses on the history of the 1917 revolution and the Civil war.

Keywords: anti-Soviet ideology; White idea; White movement; Civil war; democratic counter-revolution;

About the author: Mikhail Ivanovich Vtorushin, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecture at the Department of State and Municipal Management and Customs Affairs.

Place of employment: Omsk State Technical University

Вторушин М. И. Особенности идеологии антисоветского движения на востоке России и ее влияние на политическую борьбу в Сибири в 1918 году // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2018. № 1. С. 8–16.

Vtorushin M. I. Peculiarities of the ideology of the anti-soviet movement in the east of Russia and its influence on the political fight in Siberia in 1918 // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 1. P. 8–16.

УДК 94

В. В. Гермизеева

Omsk, Russia

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1898–1917)

Аннотация. В статье анализируется деятельность органов крестьянского самоуправления Западной Сибири в начале XX века. В процессе написания работы использовались архивные материалы: документы волостных правлений и сходов, результаты ревизий органов крестьянского самоуправления крестьянскими начальниками, отчеты непрременных членов по крестьянским делам, различные циркуляры и распоряжения вышестоящих инстанций. При исследовании проблемы большое значение придавалось изучению законодательства, прежде всего «Положения о преобразовании общественного управления государственных крестьян Западной Сибири», «Временного положения о крестьянских начальниках» и других. Отдельные сведения о деятельности органов крестьянского самоуправления можно найти в местной периодической печати. Эти

источники в совокупности позволяют выделить типичные проблемы, существовавшие на низовом уровне управления. В статье обращено внимание на состояние волостной и сельской администрации, на качественный состав должностных лиц, на контролирующие функции крестьянских начальников. Представлены сведения об основных направлениях деятельности волостных правлений, сельских и волостных сходов, о правах и обязанностях старшин и старост. Круг вопросов, подведомственных органам крестьянского самоуправления, был очень широк. Это наблюдение за качеством дорог, решение проблем в области народного образования и ветеринарного дела, борьба с заразными болезнями, опекунов и многое другое. Показаны положительные и отрицательные стороны работы органов крестьянского самоуправления.

Ключевые слова: самоуправление; крестьяне; администрация; местное управление; Западная Сибирь.

Сведения об авторе: Виктория Викторовна Гермизеева, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории.

Место работы: Омский государственный технический университет.

Контактная информация: 644050, Россия, г. Омск, пр. Мира, д. 11; тел.: 8(3812)65-23-08, e-mail: vika-germ@mail.ru.

Организация и деятельность органов крестьянского самоуправления в разные годы находилась в сфере внимания исследователей. Эти вопросы нашли отражение в дореволюционных работах А.А. Кауфмана, М.Н. Соболева, В.Ю. Григорьева, Н.Я. Новомбергского, С.П. Швецова и других. В советской и современной историографии проблема разрабатывалась в исследованиях Л.М. Горюшкина, А.Т. Топчеге, В.Н. Никулина, Л.М. Дамешека, В.Н. Худякова, И.В. Островского, Н.Ф. Иванцовой, Н.Г. Суворовой, Е.А. Крестьянникова и других.

В работе использованы законодательные акты, такие как «Положение о преобразовании общественного управления государственных крестьян Западной Сибири», «Временное положение о крестьянских начальниках» (1898) и другие. Большое значение имеет изучение архивных документов, в частности, приговоров волостных и сельских сходов Тобольской и Томской губерний, Омского уезда Акмолинской области, решений волостных судов, анализ предписаний крестьянских начальников, прошений и жалоб крестьян. Эти материалы позволяют охарактеризовать взаимоотношения между крестьянами и органами крестьянского самоуправления, помогают изучить основные направления деятельности, позволяют выделить типичные проблемы, существовавшие на этом уровне управления. Отдельные сюжеты по интересующей нас теме присутствуют в местной периодической печати начала XX в.

Органы крестьянского самоуправления в указанный период состояли из волостных правлений, волостных и сельских сходов, волостного суда и непосредственно должностных лиц. По закону от 2 июня 1898 г. в Тобольской и Томской губерниях был учрежден институт крестьянских начальников, на которых была возложена всесторонняя «опека» и «попечительство» над крестьянским населением, забота

об их хозяйственном благоустройстве и нравственном преуспевании. Крестьянские начальники имели право надзора за всем крестьянским общественным управлением. Прежде всего, он выражался в праве ревизий волостных и сельских управлений и волостных судов (Соболев 1905: 89).

На уровне волости действовали волостной сход, волостной старшина с волостным правлением и волостной суд. Волостные сходы состояли из сельских и волостных должностных лиц, замещаемых по выбору: волостного старшины, его помощников, сельских старост, сборщиков податей, судей волостных судов, а также из крестьян, избравшихся от каждого селения и поселка по одному от каждых десяти дворов (Свод узаконений и распоряжений: 171). В случае, если волость состояла из одного сельского общества, то волостной сход заменялся сельским. Количество волостных и сельских учреждений было велико. Так, в Тобольской губернии в начале XX в. насчитывалось 255 волостей и 2 320 сельских обществ (Дунин-Горкавич 1904: 14). Главное место в волостных сходах отводилось волостному старшине, но если на последнего поступала жалоба, то первое место предоставлялось одному из сельских старост.

В ведении волостного схода находились вопросы, связанные с выбором должностных лиц, решение хозяйственных и общественных дел, назначение опекунов и попечителей и другие. Например, по предписанию тобольского губернатора Н.Л. Гондатти от 24 ноября 1907 г. крестьянские начальники должны были объявить на волостных сходах о правилах пользования казенным лесом и о необходимости взятия на вырубку специальных билетов (Сибирские и тобольские губернаторы: 425). Решения волостного схода признавались действительными, когда на сходе присутствовали волостной старшина (или заменяющее его лицо) и не ме-

нее двух третей крестьян, имеющих голос на сходе (Свод узаконений и распоряжений: 176).

Волостной старшина являлся лицом ответственным за сохранение порядка и спокойствия в волости. В пределах ведомства волостного правления он был обязан, по предписаниям местной полиции, объявлять законы и распоряжения правительства, задерживать бродяг, беглых и дезертиров и представлять их полицейскому начальству, оперативно действовать при чрезвычайных ситуациях (пожарах, наводнениях, повальных болезнях), предупреждать и пресекать преступления и проступки, созывать и распускать волостной сход, наблюдать за сельскими старостами и другими должностными лицами, следить за порядком в училищах, больницах и общественных заведениях, в случае их учреждения за счет волостного общества (Свод узаконений и распоряжений: 178–180). Таким образом, волостной старшина ведал большим кругом вопросов, поэтому на эту должность должен был избираться грамотный и распорядительный человек. После введения института крестьянских начальников волостной старшина и прочие должностные лица крестьянского самоуправления были обязаны исполнять все законные требования крестьянских начальников. Например, согласно отчету неперменного члена по крестьянским делам Тобольского губернского управления А.А. Ольшевского при ревизии крестьянских учреждений Тарского уезда в 1913 г., отмечалось, что крестьянский начальник М.А. Рубцов таким образом организовал деятельность подведомственных учреждений, что волостные правления оперативно представляют ему информацию обо всем, что происходит в селениях (ГБУТО ГАТ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 116. Л. 8). Крестьянский начальник 1-го участка Омского уезда в октябре 1910 г. обращал внимание волостных старшин на плохое поступление недоимок по ссудам, числящихся за крестьянами, в казну и отмечал необходимость «немедленно приступить к взысканию с населения недоимок по ссудам посредством описи и продажи имущества», чтобы причитающиеся с населения платежи были внесены полностью (ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 30. Л. 65).

В то же время тобольский губернатор Д.Ф. Гагман в ходе поездки по губернии и знакомства с личным составом волостных должностных лиц летом 1909 г. отмечал, что волостные сходы часто избирали в старшины крестьян лишь по причине дошедшей до них очереди «отбыть службу по выборам и по соображению

с их имущественной состоятельностью, обеспечивающей взыскание возможной растраты денежных сумм», а крестьянские начальники использовали практику утверждения в должности без сбора сведений о том или ином кандидате (Сибирские и тобольские губернаторы: 434). Но в то же время Д.В. Гагманом было отмечено, что среди волостных старшин, несомненно, были лица, которые хорошо разбирались в своих обязанностях и исполняли их «толково и разумно».

Волостные правления состояли из старшины, сельских старост, сборщиков податей там, где они были. Правления рассматривали дела о расходах из волостных сумм, о продаже частного крестьянского имущества по взысканиям казны, принимали решения по определению и увольнению должностных лиц, служащих по найму. По другим вопросам старшина только советовался с правлением, а распоряжался по своему усмотрению (Свод узаконений и распоряжений: 183–187). Но со временем функции волостных правлений стали гораздо шире. Например, в их ведении находилась выдача паспортов и удостоверений личности, а также решение всех связанных с этим вопросов. В частности, от имени волостных правлений публиковалась информация о признании недействительными тех или иных документов в связи с утратой последних. Так, Барнаульское волостное правление Барнаульского уезда Томской губернии просило считать недействительным паспорт, выданный Богдановским волостным правлением Прилуцкого уезда Полтавской губернии на имя крестьянина В.К. Кравченко (Томские губернские ведомости 1915. 11 ноября).

В местных изданиях можно встретить объявления, публикуемые от имени волостных правлений, о розыске хозяев пригульного скота и его продаже. В газете «Томские губернские ведомости» за 15 апреля 1909 г. подобная информация была напечатана от имени Кулундинского и Панношевского волостных правлений Барнаульского уезда, Вознесенского волостного правления Каинского уезда и других (Томские губернские ведомости 1909. 15 апреля). Это лишь единичные примеры, но такие объявления были регулярными. От имени Вороновского волостного правления Томского уезда в декабре 1916 г. была опубликована информация о продаже с публичного торга пригульного скота (Томские губернские ведомости 1916. 18 декабря).

Волостные правления должны были контролировать ситуацию, связанную с распространением различных заболеваний – доносить информацию до районных врачей, фельдшеров, крестьянских начальников, в случае обнаружения заболеваний должны оказывать содействие медицинскому персоналу, обеспечивать его передвижение во время эпидемий, «иметь строгое наблюдение и попечение за естественными и искусственными водоемами, как то котлованами, прудами, озерами и колодцами, вода которых употребляется населением для питья и в пищу», иметь тщательный надзор за свалочными местами, наблюдать за чистотой дворов и жилых помещений, следить, чтобы в селениях не было тайной продажи водки и других крепких напитков (ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 109. Л. 24).

Необходимость решения большого количества самых разных вопросов зачастую приводила к формализму и небрежности при выполнении должностных обязанностей. Так, при анализе статистического материала в Омском уезде было обнаружено много недостатков в представляемых волостными правлениями сведениях (о размере посевной площади, количестве посеянного и собранного хлеба, скотоводстве, ярмарочной торговле, о заводской и фабричной промышленности), при этом они часто присылались с опозданиями (ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 109. Л. 16). Власти неоднократно указывали крестьянским учреждениям на необходимость предварительной проверки информации, но ситуация повторялась из года в год.

При волостном правлении велась книга приказов, книга приговоров волостного схода, книга решений волостных судов, книга сделок и договоров. Ведение их было возложено на волостного писаря. Число исходящих документов в волостных правления за год могло быть довольно большим и по отдельным правлениям составляло около 10 тысяч. Согласно отчету за 1912 г., в Павлоградском волостном правлении Омского уезда насчитывалось 6 274 входящих бумаги и 9 703 исходящих документа (ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 183. Л. 3 об.). В.Ю. Григорьев справедливо отмечал, что к началу XX в. волостное правление превратилось в «низшее универсальное бюрократическое учреждение, которое состоит в распоряжении каждого из обращающихся к нему присутственных мест и лиц, пользующихся означенным учреждением главным образом для своих сношений с сельскими обществами» (Григорьев 1905: 52).

Сельское общественное управление представляли сельский сход, староста, его помощники, сельский писарь. Сельский сход состоял из назначенных по выбору сельских должностных лиц и крестьян-домохозяев, принадлежащих к составу сельского общества. Сельский староста был первым должностным лицом органов крестьянского самоуправления на уровне села. На эту должность могли претендовать приписанные к общине крестьяне-домохозяева – главы крестьянских хозяйств, которые пользовались земельными наделами. Необходимым условием было отсутствие судимости и положительная характеристика претендента в целом. Именно староста занимал первое место на сельском сходе, за исключением случаев, когда сходы собирались для учета должностных лиц или принесения на них жалоб. При таких обстоятельствах первое место предоставлялось волостному старшине.

На сельских сходах выбирались должностные лица, решались вопросы об увольнении членов общества и приеме новых, назначались опекуны и попечители, осуществлялись семейные разделы, совещались и ходатайствовали об общественных нуждах, благоустройстве, призрении, обучении грамоте, назначали сборы на мирские расходы, осуществляли раскладку всех лежащих на крестьянах казенных податей, земских и мирских денежных сборов и натуральных повинностей, назначали жалование должностным лицам, избранным сельским обществом (Свод узаконений и распоряжений: 133–134). Среди проблем в деятельности сельских сходов можно выделить опекунские дела. Тобольский губернатор Д.Ф. Гагман в результате поездки по губернии в 1909 г. отмечал, что сельские сходы часто не проверяли прихода и расхода имущества и денег, вверенных опекунам, составляли учетные приговоры без действительной проверки имущества (Сибирские и тобольские губернаторы: 435).

Дела на сельском сходе решались большинством голосов, но по отдельным вопросам требовалось согласие не менее двух третей всех крестьян.

В пределах ведомства сельского общественного управления сельский староста исполнял следующие обязанности: созывал и распускал сельский сход, предлагал вопросы на его рассмотрение, приводил в исполнение приговоры схода, распоряжения волостного управления, наблюдал за состоянием мостов, дорог, находящихся на территории общества, следил за исправным отбыванием крестьянами разного

рода повинностей, наблюдал за порядком в общественных заведениях, учрежденных сельским обществом, исполнял все приказы волостного старшины по делам полицейского ведомства (Свод узаконений и распоряжений: 166).

Сельский писарь нанимался сельским сходом, по указанию сельского старосты он вел всю письменную отчетность по общественным делам.

Должности волостного старшины, сельского старосты, их помощников, судей волостных судов замещались по выбору. Писари, смотрители магазинов и другие лица назначались по усмотрению общества, либо по выбору, либо по найму. К кандидатам предъявлялись следующие требования: возраст не моложе 25 лет, не опорооченные по суду. Срок службы для всех должностных лиц, кроме сборщика податей, ограничивался одним трехлетием, после чего они могли быть избраны снова, но должны были выразить свое согласие. Для лиц, служащих по найму, срок не устанавливался.

Избранный обществом на какую-либо должность не мог отказаться от нее без особых на то оснований. Так, уважительными причинами считались следующие: возраст (более 60 лет), болезни, замещение ранее должности по выбору. Кроме того, сход мог уволить избранного и по другим причинам, которые признавались уважительными (Свод узаконений и распоряжений: 231).

Лица, занимавшие должности волостного или сельского писаря, играли важную роль в деятельности органов крестьянского самоуправления. Так, волостной писарь заведовал всей письменной частью волостного правления. Найм и смена этих должностных лиц зависели от волостного схода, а помощники нанимались и сменялись волостным правлением (по представлению волостного писаря). В приговоре Любомировского волостного схода в феврале 1910 г. о найме писаря отмечалось, что «он должен был быть по делопроизводству волостного правления и суда человеком сведущим и опытным, а также отвечающим своему назначению» (ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 106. Л. 13). Крестьянский начальник 1-го участка Омского уезда в 1913 г. обращал внимание волостных старшин на «крайне небрежное отношение к делу как волостных, так и сельских писарей». Среди основных недостатков назывались следующие: бумаги не подшиваются, ведутся весьма небрежно, на отдельных документах отсутствуют подписи и печати волостных

старшин и сельских старост, в представляемых приговорах часто нет сведений о числе участников схода и количестве домохозяев, имеющих право голоса (ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 138. Л. 22).

По закону лица, служащие по выбору, освобождались от натуральных повинностей. Размер жалованья или иного вознаграждения лицам, служащим по выбору или по найму, зависел полностью от общества. В некоторых случаях жалованье могло не назначаться. Так, в томской газете «Сибирская жизнь» в 1905 г. была опубликована заметка под названием «Что стоят сельским обществам сельские старосты», в которой указывалось, что должность сельского старосты важная, требующая от исполнителя толковости, честности, но, в то же время, она бесплатная, и это обстоятельство порождало множественные злоупотребления и растраты, серьезно отражалось на материальном положении сельского общества. Решить проблему автор заметки предлагал назначением жалованья и регулярным контролем за расходованием общественных денег (Сибирская жизнь 1905. 28 июня). В отдельных волостях Тобольской губернии волостными старшинами выбирали людей имущественно состоятельных и вознаграждения им также не назначали (Сибирские и тобольские губернаторы: 433). Тем не менее, чаще всего должностным лицам крестьянского самоуправления в исследуемый период жалованье все же назначалось.

Министерство внутренних дел еще в конце 1915 г. обращало внимание на возможность повышения мирского обложения для увеличения окладов содержания должностных лиц. Так, в феврале 1916 г. Любомировскому волостному старшине было предписано «при первом же волостном сходе [...] назначить писарю приличное жалованье, учитывая дороговизну теперешней жизни и дать хотя бы по одному помощнику» (ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 138. Л. 39).

Таким образом, на волостную и сельскую администрации возлагалась большая ответственность за положение дел в волости и на селе. Важная роль отводилась взысканию недоимок по ссудам, в крайних случаях представители волостного и сельского управления имели право продавать описанное имущество (ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 103. Л. 114). Компетенция волостных органов самоуправления была шире сельских. М.Н. Соболев отмечал, что к началу XX в. органы крестьянского самоуправления бюрократизировались и превратились в низшие

органы административной власти. При этом в волостных правлениях сосредоточились все дела по управлению в пределах волости, они «сделались большими присутственными местами, к которым обращаются все губернские власти за справками, для исполнения распоряжений» (Соболев 1905: 96).

Местные власти придавали большое значение участию органов крестьянского самоуправления в вопросе поддержания дорог в должном состоянии, хотя среди архивных документов нередко свидетельства о негативных явлениях в этом направлении. Так, в январе 1916 г. председатель Тарского уездного распорядительного комитета обращал внимание волостных старшин на серьезные проблемы: «Дорожные участки в пределах уезда, благодаря обилию снегов и частым буранам, находятся в весьма плохом состоянии, об исправности таковых сельские общества совершенно не заботятся, а со стороны волостных и сельских властей по обыкновению не имеется никакого наблюдения за исправлением» (ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 209. Л. 20).

В годы Первой мировой войны к обязанностям органов крестьянского самоуправления добавились вопросы о призрении семей, о военнопленных и привлечении их на полевые работы в условиях военного времени, возросло количество отчетов для местной администрации, что неизбежно увеличивало нагрузку на должностных лиц крестьянского самоуправления. Тобольский губернатор Н.А. Ордовский-Танаевский в октябре 1916 г. в своем циркуляре обращался к крестьянским начальникам, чтобы они, используя органы крестьянского самоуправления, разъяснили населению важность заготовки хлеба для армии и установления твердых цен вплоть до нового урожая (ИАОО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1462. Л. 11). Увеличился объем работы в связи с мобилизацией, необходимо было отслеживать списки лиц, подлежащих призыву. В случае уклонения от службы по тем или иным причинам органы крестьянского самоуправления должны были обеспечить поиск и явку таких лиц по принадлежности. Так, Нелюбинское волостное правление Томского уезда в апреле 1915 г. разыскивало крестьянина И.В. Бурзаковского для привлечения его к отбытию воинской повинности (Томские губернские ведомости 1915. 26 апреля).

Крестьянские начальники рассматривали все приговоры волостных и сельских сходов, имели право надзора за действиями должностных лиц крестьянского самоуправления, а в

случае отдельных проступков могли подвергнуть их аресту до семи дней. Например, крестьянский начальник 1-го участка Омского уезда в марте 1910 г. предлагал Любомировскому волостному старшине уволить писаря, «как ведущего нетрезвую жизнь», и «подыскать человека трезвого, знающего делопроизводство волостного правления» (ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 104. Л. 27). Крестьянские начальники обязаны были проводить ревизии органов крестьянского самоуправления, но подобная работа не всегда проводилась регулярно. Согласно отчету неперменного члена по крестьянским делам Тобольского губернского управления А.П. Нарышкина по результатам ревизии крестьянских учреждений Тюменского уезда в 1908 г., работа крестьянского начальника 2-го участка А.В. Иляхинского организована таким образом, что наблюдение за деятельностью волостных правлений представляется затруднительным (ГБУТО ГАТ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 3. Л. 12). В журнале «Сибирские вопросы» обращалось внимание на деятельность крестьянского начальника 1-го участка Туринского уезда Тобольской губернии П.Е. Суетина, который проводил ревизии волостных правлений «весьма оригинально» – «то не был по несколько лет, то приезжал по несколько раз в год». При подобном подходе не удивителен был факт обнаружения растрат не крестьянским начальником, а волостным счетчиком (Сибирские вопросы. 1910, 10–11, 76). Конечно, были должностные лица, которые ответственно относились к своим обязанностям, не только посещали волостные правления, но и помогали им решать различные вопросы. Так, в отчете неперменного члена А.П. Нарышкина о деятельности крестьянских учреждений Ялуторовского уезда Тобольской губернии за 1908 г. отмечалось, что надзор крестьянского начальника 4-го участка Р.Ф. Дагаева за волостными правлениями не ограничивается периодически производимыми проверками, т. к. при каждой поездке по участку он лично просматривает все книги правлений и читает все решения волостного суда. При таком подходе к делу, по мнению А.П. Нарышкина, «ни одна ошибка, ни один промах в делопроизводстве волостного правления не останется незамеченным» (ГБУТО ГАТ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 3. Л. 47).

Среди сохранившихся архивных документов есть свидетельства о недостаточно ответственном отношении волостных и сельских должностных лиц к своим обязанностям. Так, при ревизии крестьянских учреждений Тарско-

го уезда А.А. Ольшевским отмечено, что за общие проступки на службе волостных и сельских должностных лиц крестьянским начальником 3-го участка Тарского уезда И.А. Ювченко было подвергнуто административному взысканию 55 лиц в 1912 г. и за 6 месяцев 1913 г. – 24 человека (ГБУТО ГАТ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 116. Л. 25).

Контроль за деятельностью волостных судов, как правило, выявлял отдельные недостатки при разбирательстве дел и их производстве. В частности, в решениях не всегда подробно объяснялись обстоятельства дела, отсутствовали мотивировка, ссылка на закон и показания свидетелей, заочные решения объявлялись порой небрежно и без указания времени, что существенно затрудняло установление срока для обжалования, исковые прошения принимались от имени поверенных, без предоставления доверенностей, при апелляционных жалобах дела часто были не прошнурованы и не пронумерованы (ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 138. Л. 20). В таких случаях крестьянские начальники и их съезды поручали волостным старшинам разъяснять недостатки судьям и заведующим делопроизводством суда, чтобы последние относились к обязанностям внимательно, в противном случае виновные могли быть подвергнуты строгому взысканию вплоть до увольнения со службы. В документах описываются разные курьезные случаи. Так, обращая внимание на необходимость более ответственного отношения к делу, крестьянский начальник 1-го участка Омского уезда приводил в пример следующую ситуацию: в решении Белоусовского

волостного суда от 22 февраля 1914 г. № 14, согласно резолютивной части, крестьянин Лаврентий Ивко обязан был заплатить 17 руб. 50 коп., но кому – неизвестно. При изучении дела оказалось, что истцом являлся Кондрат Ивко, а ответчиком – Лаврентий Алексеенко, с которого и взыскивались деньги, в резолютивной же части все имена были перепутаны (ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 138. Л. 49). Подобные обстоятельства существенно тормозили работу съездов крестьянских начальников по апелляционным жалобам сторон на решения волостных судов.

Таким образом, волостные и сельские учреждения и их должностные лица занимались решением самых разных задач. Это подготовка различных документов о справочных ценах, борьба с вредителями полей, кражей скота, организация ночных караулов, решение вопросов о народном здравии, образовании, опекунские дела и многое другое.

В 1898 г. был введен институт крестьянских начальников, который серьезно пошатнул независимость крестьянского самоуправления. К сожалению, деятельность волостных и сельских учреждений не была лишена недостатков. Результаты ревизий должностных лиц периодически выявляли растраты общественных сумм, злоупотребление служебным положением и многое другое. В исследуемый период волостные и сельские учреждения несли ответственность за все, что происходило на подведомственной им территории, но не имели возможности проводить самостоятельную политику.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГБУТО ГАТ – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ИАОО – Исторический архив Омской области

ЛИТЕРАТУРА

- ГБУТО ГАТ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 3.
ГБУТО ГАТ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 116.
Григорьев В. Ю. 1905. Волостное земство в Сибири и основы его действительности // Сибирские вопросы 1, 33–65.
Дунин-Горкавич А. А. 1904. Справочная книжка Тобольской губернии. Тобольск: Типография Епархиального Братства
ИАОО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1462.
ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 30.
ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 103.
ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 104.
ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 106.
ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 109.
ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 138.
ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 183.
ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 209.

Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам, с воспоследовавшими по ним разъяснениями, содержащимися в решениях Правительственного Сената и распоряжениях высших правительственных учреждений. 1900 / Горемыкин И. Л. (сост.). Т.1. СПб.: Типография Д.В. Чичинадзе.

Сибирская жизнь. 1905. 28 июня.

Сибирские вопросы. 1910. № 10–11, 76.

Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. 2000 / Коновалов В.В. (ред.). Тюмень: Тюменский издательский дом.

Соболев М. Н. 1905. К вопросу о реформе крестьянского управления в Сибири // Сибирские вопросы 1, 86–99.

Томские губернские ведомости. 1909. 15 апреля.

Томские губернские ведомости. 1915. 11 ноября.

Томские губернские ведомости. 1915. 26 апреля.

Томские губернские ведомости. 1916. 18 декабря.

REFERENCES

The State Archives in the city of Tobolsk. Fund 345. Inventory 1. Case 3. (In Russian).

The State Archives in the city of Tobolsk. Fund 479. Inventory 2. Case 116. (In Russian).

Grigorev V. U. In: Sibirskie voprosy [Siberian Question] No. 1 (1905): 33–65. (In Russian).

Dunin-Gorkavich A.A. Spravochnaya knizhka Tobolskoj gubernii [Reference book of Tobolsk province]. Tobolsk: Tipografiya Eparkhialnogo Bratstva, 1904. (In Russian).

Historical Archives of the Omsk Region. Fund 183. Inventory 1. Case 1462. (In Russian).

Historical Archives of the Omsk Region. Fund 20. Inventory 1. Case 30. (In Russian).

Historical Archives of the Omsk Region. Fund 20. Inventory 1. Case 103. (In Russian).

Historical Archives of the Omsk Region. Fund 20. Inventory 1. Case 104. (In Russian).

Historical Archives of the Omsk Region. Fund 20. Inventory 1. Case 106. (In Russian).

Historical Archives of the Omsk Region. Fund 20. Inventory 1. Case 109. (In Russian).

Historical Archives of the Omsk Region. Fund 20. Inventory 1. Case 138. (In Russian).

Historical Archives of the Omsk Region. Fund 20. Inventory 1. Case 183. (In Russian).

Historical Archives of the Omsk Region. Fund 20. Inventory 1. Case 209. (In Russian).

Svod uzakonenij i rasporyazhenij pravitelstva ob ustrojstve selskogo sostoyaniya i uchrezhdenij po krestyanskim delam, s vosposledovavshimi po nim razyasneniyami, soderzhashhimisya v resheniyakh Pravitelstvennogo Senata i rasporyazheniyakh vysshikh pravitelstvennykh uchrezhdenij [Code of legislations and government orders on the organisation of the peasants' lifestyle and institutions for peasant affairs, with clarifications on them contained in the decisions of the Government Senate and orders of the higher government agencies]. Ed. by Goremykin I. L. SPb.: Tipografiya D.V. Chichinadze. V.1 (1900). (In Russian).

Sibirskaya zhizn [Siberian life]. 1905. June 28th. (In Russian).

Sibirskie voprosy [Siberian questions]. No. 10–11 (1910): 76. (In Russian).

Sibirskie i tobojskie gubernatory: istoricheskie portrety, dokumenty [Siberian and Tobolsk governors: historical portraits, documents]. Ed. by Konvalov V. V. Tyumen: Tyumenskij izdatelskij dom, 2000. (In Russian)

Sobolev M. N. In: Sibirskie voprosy [Siberian questions]. No. 1 (1905): 86–99. (In Russian).

Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk Provincial Gazette]. (1909): April 15th. (In Russian).

Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk Provincial Gazette]. (1915): April 26th. (In Russian).

Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk Provincial Gazette]. (1915): November 11th. (In Russian).

Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk Provincial Gazette]. (1916): December 18. (In Russian)

V. V. Germizeeva

Omsk, Russia

ACTIVITIES OF PEASANT SELF-GOVERNMENT BODIES IN WESTERN SIBERIA (1898–1917)

Abstract. The article analyzes the activities of peasant self-government bodies in Western Siberia in the early twentieth century. The following archival materials were used: documents of *volost* government and assemblies; the audit results of the bodies of peasants self-governments; reports of permanent members of the office of Peasant Affairs; various circulars and orders of higher authorities. In the research great importance was given to the study of laws, primarily «Regulations on the Reform of the Public Governance of State Peasants in Western Siberia», «Provisional Regulations on Peasant Superiors», etc. Specific information on the activities of peasant self-government bodies can be found in the local periodicals. All together these sources allow to highlight typical problems that existed at the lowest level of governance. The article draws special attention to the state of the *volost* and community administrations as well as the quality of the officials and the supervision functions of peasant superiors. The author presents information about main activities of *volost* governments, community and *volost* assemblies as well as about

rights and responsibilities of their chiefs and elders. The range of issues under the jurisdiction of peasant self-government bodies was very wide. That is the supervision of the quality of roads, problem resolution in the field of public education and veterinary, combating infectious diseases, guardianship, etc.

The article shows both positive and negative aspects of the activities of peasant self-government bodies.

Key words: self-government; peasants; administration; local government; Western Siberia.

About the author: Victoria Victorovna Germizeeva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Russian History.

Place of employment: Omsk State Technical University.

Гермизеева В. В. Деятельность органов крестьянского самоуправления Западной Сибири (1898–1917) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 1. С. 16–24.

Germizeeva V. V. Activities of peasant self-government bodies in Western Siberia (1898–1917) // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 1. P. 16–24.

УДК 361.7

С. В. Ерохина
Ярославль, Россия

«ДЕНЬ КОЛОСА РЖИ» КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ПРАЗДНИКА В НАЧАЛЕ XX в. (на примере малых городов Ярославской губернии)

Аннотация. Объектом исследования являются исторические процессы, связанные с историей становления и деятельности медицинских обществ в стране и благотворительных организаций в провинции в конце XIX – начале XX вв. Предметом исследования являются содержание и особенности процесса возникновения и развития объединений медицинского и благотворительного характера на материалах Ярославской губернии. Цель статьи – комплексное изучение истории деятельности населения малых провинциальных городов. Решение задач достигнуто выявлением роли этих обществ в системе образования и отражением истории их деятельности. В статье использовались научные принципы – историзм и объективность. Методологическая основа статьи – диалектический метод, разрабатывающий общие принципы познания реальности в ее развитии. Рассматриваются причины активного развития социально-культурной благотворительности малых провинциальных городов Ярославской губернии в начале XX в. Проанализированы социокультурные инициативы добровольных объединений медицинской и благотворительной направленности. Выявлен состав организаций и прослежено вовлечение в культурную деятельность городского социума. Рассматривается краткая история новой акции в разных крупных городах страны. Дана характеристика символу праздника – ржаному колосу. Показана историческая справка по голоду в России в конце XIX – начале XX вв. Доказана ведущая роль местной интеллигенции в формировании новой культурной среды провинциальных городов. В результате в статье представлены две модели зарождения обществ медицинской и благотворительной направленности в малых провинциальных городах. Первый путь создания таких объединений – открытие филиальных отделений таких обществ в провинции. Второй способ – создание организаций по инициативе местного населения. Деятельность этих организаций имела большое значение для региона, потому что государственная политика в этом на протяжении была недостаточно активной.

Ключевые слова: малый провинциальный город; благотворительность; медицина; культурная среда; интеллигенция; голод; колос ржи; досуг.

Сведения об авторе: Софья Викторовна Ерохина, аспирант кафедры рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Место работы: Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей.

Контактная информация: 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, тел.: 89109744034, e-mail: sojer2014@mail.ru.

На рубеже XIX–XX вв. в России возникает активное общественное движение, направленное на организацию масштабной помощи больным и страждущим. С самого начала это движение возникало сверху, распространяясь к 1910-м гг. в гущу народных масс, при поддержке интеллигенции. Способствовала такому

подъему общественного сознания и многолетняя, хорошо организованная филантропическая деятельность императорской фамилии. В вопросах благотворительности связь государства и частного капитала была совершенно обыденной: финансово независимые представители общества часто исполняли различные админи-

стративные функции, связанные с той или другой занимаемой должностью. Примером таких отношений в начале XX в. являлись благотворительные «уличные» праздники, получившие романтические названия «дней цветков». Если раньше филантропические союзы сосредоточивали деятельность только внутри организации, ставя своей задачей исключительно поддержку своих членов или опекаемых учреждений, то объединенные общей идеей чиновники и благотворительные общества стремились развернуть работу вовне, влиять на окружающую среду. На практике воплощением их совместного труда стал всеобщий кружечный сбор пожертвований с целью оказания конкретной помощи нуждавшимся и пострадавшим от разных бедствий слоям населения.

Мысль о проведении «цветочных праздников» была позаимствована в России из Европы. Швейцария, Португалия, Великобритания, Германия, скандинавские страны активно проводили «праздники цветов» с 1900-х гг. В Российской Империи особое распространение получил «день белого цветка» или «день белой ромашки», впервые проведенный 20 апреля 1911 г. в Санкт-Петербурге. Ранее, 20 апреля 1910 г. в столице по указу императора Николая II состоялось торжественное открытие Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом, которая, следуя опыту западноевропейских стран, объединила все отечественные организации, боровшиеся с этой страшной болезнью (13 ее отделов и 19 медицинских обществ) (Лига борьбы с туберкулезом ...). Первым заметным практическим шагом в деятельности нового учреждения стало строительство специальных санаториев, больниц, кумысолечебниц. Лига устраивала благотворительные сборы на дело борьбы с чахоткой с раздачей букетиков ромашки – цветка, признанного эмблемой организации.

Благотворительные «цветочные дни» в России посвящались борьбе с различными бедствиями и проблемами, существовало несколько видов символа этих праздников. В столице и Москве неоднократно устраивали «день незабудки» (или «день голубого цветка», или «день синего цветка»), сбор от которого отправлялся на излечение возрастных больных, имевших проблемы с памятью. Здесь проводили и «день розового цветка», направленный на помощь сиротам, обездоленным и бесприютным детям. Эти «дни цветков» почти не распространились за пределы самых крупных городов страны. Широкий отклик на территории Российской

Империи получила проведенная повсеместно в 1912 г. благотворительная акция «день колоса ржи», посвященная помощи пострадавшему от неурожая 1911 г. населению юго-восточных губерний страны и части региона Западной Сибири (От комитета по организации ...). Эмблемой акции стал символический букетик из трех вымолоченных колосьев, перевязанных цветной ленточкой (Дамский комитет ...).

В пореформенный период в Российской Империи участились неурожаи и сопровождавшие их голодовки крестьян, а также – эпидемии, охватывавшие огромные регионы. Только в конце XIX – начале XX вв. Россия пережила, помимо страшного неурожая и голода 1891–1892 гг., различного масштаба недороды 1896–1897 гг., 1899 г., 1901 г., 1905–1906 гг., 1908 г., 1911 г. (Россия в начале XX в. 2002: 232, 259.). Последствия их становились все более ощутимыми, хотя в целом ситуация казалась более или менее благополучной. Из многочисленных факторов, повлекших за собой неурожаи, можно выделить следующие: неблагоприятные природно-климатические условия, скоротечность трудового сезона и большой объем работ. Вынужденное реагировать на крестьянское малоземелье и растущие недоимки при сборе налогов и платежей, правительство среди прочих мер принимает закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» (1889 г.), расширивший возможности легальной крестьянской колонизации и освоения казенных пустошей юго-восточной России (Оренбургская, Уфимская, Саратовская и Самарская губернии). С началом строительства Транссибирской железнодорожной магистрали принимаются меры по колонизации новых земель в Сибири и на Дальнем Востоке. К 1905 г. на восточные окраины и за Урал переселилось около 1,8 миллиона жителей, причем 1,4 миллиона (почти 78%) – за десятилетие 1896–1905 гг. Поэтому последствия неурожая 1911 г. для возросшего населения оказались столь трагическими. По примерным подсчетам голодало 32 миллиона жителей, потери составили 1 миллион 613 тысяч голодавших.

Впервые акция «день ржаного колоса» прошла в Санкт-Петербурге 22 февраля 1912 г. Инициатором проведения благотворительного праздника по всей стране, вызвавшего большой общественный резонанс и отклик в провинции, считалась Общеземская организация помощи голодающим в Москве, объединившая в деле добровольного вспомоществования нуждаю-

щимся несколько влиятельных московских обществ. Эта организация возникла в период Русско-японской войны, имея целью поддерживать раненых (Помогите голодающим! ...). По завершении войны объединение не прекратило своей деятельности, продолжая оказывать помощь переселенцам Сибири и голодающим (набором врачебно-санитарных отрядов, устройством бесплатных общих и школьных столовых). В Москве «день колоса ржи» организовали 16 марта 1912 г.

В провинции проведение «дня ржаного колоса» было тесно связано с праздником «белого цветка». В организационные комитеты по устройству благотворительных праздников входили одни и те же лица, поскольку круг представителей интеллигенции малых российских городов, разрабатывавших программы этих мероприятий, был ограничен. Результаты праздника «белой ромашки» позволили провести аналогии для новой благотворительной акции, его организация послужила положительным опытом и опорой для проведения «дня колоса ржи». Оба мероприятия проходили по одинаковому сценарию: на улицах появлялись сборщики с нагрудными жетонами, с кружками для пожертвований, вручая жертвователям либо цветы, либо колосья.

Праздники «белого цветка» стали проводиться на территории Ярославской губернии с 1911 г., как и в большинстве городов Российской империи, подключившихся к возникшему по примеру Западной Европы антитуберкулезному движению. В «царский» день 6 мая 1911 г. (день рождения императора Николая II) праздник был устроен в административном центре – Ярославле, 15 мая – в Романове-Борисоглебске, 16 мая – в Угличе, 30 мая – в Рыбинске, 20 июля – в Мологе. При этом в Ярославле, Рыбинске и Мологе были созданы собственные отделы Лиги для борьбы с туберкулезом.

В крупных городах Ярославского края процесс формирования филиалов Лиги предшествовал непосредственной подготовке «дня белой ромашки», работа отделов органично перешла в их организационные комитеты (так произошло в Ярославле, Рыбинске). Успех акции в Мологе привел ее организаторов к мысли не отсылать собранные деньги в центральную организацию, чтобы иметь возможность создать собственное отделение Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом со своим капиталом (РБФ ГАЯО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1. Л. 193–194) (на строительство в перспективе санатория

для чахоточных больных или на содержание на общие средства с городом и земством лечебницы для хронических больных с отделением для страдающих туберкулезом). В других малых городах решения о формировании своих отделов не были приняты. Их временные комитеты прекращали существование после подсчета вырученных средств и передачи собранной суммы Лиге.

По-другому сложилась ситуация в Ростове. Известно, что в первый год массового проведения акции, направленной на сбор денег на нужды пострадавших от бугорчатки легких, «день белого цветка» ростовцам организовать не удалось. Тем не менее, в городе активно велось просвещение населения по борьбе и профилактике разнообразных распространенных заболеваний, читались лекции, преподавались краткие популярные курсы по анатомии и физиологии (ГАЯО. Ф. 1541. Оп. 1. Д. 72. Л. 29 об. – 30, 33, 34; Д. 74. Л. 5).

Возвращаясь к подготовке устройства благотворительных праздников в Ростове, необходимо отметить, что, по всей видимости, группа заинтересованных в последовательной постановке дела горожан направила все свои силы на длительную административную работу, включавшую переписку с губернскими властями и Всероссийской Лигой для борьбы с туберкулезом об открытии ее нового отдела, которое пришлось на 23 ноября 1911 г. (Ростов. Последние работы ...). Жители Ростова в короткие сроки получили разрешение на деятельность нового объединения (например, мологжане лишь спустя год после запроса получили приветствие из Москвы к началу действий отделения и еще почти столько же ожидали утверждения устава ярославским губернатором Д.Н. Татищевым) (РБФ ГАЯО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1. Л. 83). В отличие от других городов Ярославской губернии ростовцы открыли филиал Лиги, не приурочив к началу действий учреждения «день белой ромашки». Время года не располагало к проведению мероприятия на открытом воздухе, программа которого была рассчитана почти на весь день. В задачи Ростовского отдела Лиги входило «усилить больным необходимым для них питание, а равно доставить необходимый уход, помещение и т. п.» (26 апреля 1912 г. в Ростове Великом ...).

Первый благотворительный «день белого цветка» планировалось провести весной, как и в большинстве городов Ярославского края. Голод, разразившийся в 1911 г., скорректировал планы ростовской интеллигенции. Зимой и в

марте 1912 г. в Российской империи в крупных и малых городах начинает стихийно проводиться «день колоса ржи», добровольный сбор пожертвований, подобный регламентированным мероприятиям «дня белой ромашки». Все вырученные средства пересылались в земства пострадавших от неурожая губерний на организацию и содержание бесплатных столовых для голодающих.

Пожалуй, ни в одном из городов Ярославского края организации «дня ржаного колоса» не уделялось такое повышенное внимание, как в Ростове. Этот город стал единственным из десяти уездных городов Ярославской земли, где был отпечатан типографским способом отчет и издан в виде брошюры для широкого ознакомления.

В субботу 31 марта 1912 г. состоялся первый «день колоса ржи» в Ярославской губернии – в Романове-Борисоглебске. За ним 5 апреля последовал «день ржаного колоса» в Ростове, на 21 апреля пришлось основные мероприятия акции в Ярославле, 23 апреля благотворительный праздник был устроен в Рыбинске. Желания мышкинцев пошли еще дальше: кроме избранного дня – 2 мая, когда в Мышкине наблюдался разгар ярмарки, организационный комитет нашел целесообразным наметить «устройство целого ряда дней», которые длились бы трое суток, начиная с 30 апреля.

Сбор «дня ржаного колоса» в Романове-Борисоглебске составил 664 руб. В городе действовало 26 кружек для пожертвований, 18 из них находилось на Романовской стороне, 8 – за Волгой, на Борисоглебской, куда вследствие ожидавшегося ледохода кружки были отправлены заблаговременно. Достаточно значительному сбору для небольшого городка способствовали стечение крестьянского населения на местный базар и щедрость фабричных рабочих с Борисоглебской стороны. Помимо денег опущенными в кружки оказались: золотое кольцо, японская монета, почтовая марка номиналом в 1 коп. Помимо средств, пожертвованных в период акции «день ржаного колоса», романовцами были собраны 26 руб. на двух студенческих спектаклях в январе 1912 г., 112 руб. на студенческом вечере «Татьянин день», 84 руб. по подписке вместо пасхальных визитов, около 50 руб. добровольных отчислений из жалования земских служащих. Любители драматического искусства 22 апреля 1912 г. на сцене Романовской льняной мануфактуры сыграли две пьесы – «Графиня Эльвира» из репертуара «Кривое зеркало» и комическую сценку «Се-

мейная картинка» – и перечислили полный сбор до 200 руб. в пользу голодающих (Романов-Борисоглебск ...).

Подготовка ко «дню колоса ржи» в Ростове началась 20 марта 1912 г., когда по инициативе некоторых лиц из числа учащихся в высших учебных заведениях Москвы и Санкт-Петербурга состоялось первое организационное совещание. В состав нового комитета вошли 15 участников под руководством председателя Ростовской земской управы С.М. Леонтьева: А.Х. Оппель, А.А. Титов, С.П. Моравский, О.И. Виллерт, П.О. Укке, А.В. Смыслов, А.К. фон Траубенберг, Е.А. Леонтьева, Н.В. Смысловская, Е.Ф. Ушакова, А.В. Введенская, Н.А. Галашина, П.В. Ванчагов, В.А. Мишке. В конце марта 1912 г. было получено разрешение ярославского губернатора на устройство сбора пожертвований не только в Ростове, но и в заштатном Петровске (4 кружки), Борисоглебских слободах (4 кружки), Угодичах (3 кружки), Макарове (3 кружки), Поречье (1 кружка). В комитет быстро стали поступать от горожан пожертвования соломой, лентами и всем необходимым для изготовления букетов, которых было связано всего 31 600 единиц. В течение пяти дней около 60 дам-волонтеров в помещении мужской гимназии собрали около $\frac{3}{4}$ букетов, до пяти тысяч штук каждый день. Остальное количество изготовили ученицы женской гимназии. Кружок для мероприятия был подготовлен 129. Типография А.Х. Опделя безвозмездно отпечатала воззвание комитета в 3 000 экземпляров, 150 удостоверений и карты районов для сборщиков и сопровождающих. На ленты, которые волонтеры носили через плечо, в издательстве нанесли надпись: «Помогите голодающим», а также отпечатали афиши-извещения. Весь город был разделен на 26 районов, причем каждый район обслуживался двумя парами сборщиков (Ярославль ...). В густонаселенных районах действовали одновременно по три пары волонтеров. На каждом участке имелась особая штаб-квартира – пункт питания и отдыха и своего рода склад с запасами колоса. Центральный склад располагался в помещении Ростовской городской управы. Сборщиков и сопровождающих лиц насчитывалось по 54.

Все кружки имели пломбы с печатью Ростовского общества сельского хозяйства. Каждой сборщице было выдано одновременно 200 букетиков колоса. В Ростове был создан специальный «дамский» комитет для сбора пожертвований в различных учреждениях, учеб-

ных заведениях и т. д. Участницы образованного подразделения получили 24 кружки и 7 200 букетов (Ростов. Отчёт комитета ...).

Начало благотворительного праздника приходилось на 12 часов ночи, продолжалась акция ровно сутки 5 апреля, в четверг. Обязательный сбор был объявлен с 7 часов утра. За час сборщики приглашались в городскую управу для совместного фотографирования. Г. Орловым, фотографом, был сделан общий снимок, после чего волонтеры выдвинулись на улицы и распределились по своим районам. Уже в 8 часов 30 минут утра сборщицы стали обращаться за новыми запасами колоса. К 12 часам дня все запасы были исчерпаны, в городской управе в спешном порядке связали еще 4 000 букетов, которые разошлись к 7 часам вечера. Всего было выдано 94 основные кружки, затем – 11 дополнительных кружек. Обстановка в городе была праздничной, на бульваре в двух местах играл оркестр военной музыки на безвозмездной основе. Ростовское общество любителей искусств поставило спектакль Н. Островского «Соколы и вороны» в пользу голодающих (172 руб.) (Ростов ...), владелец электротeatра «Варьете» также перечислил в организационный комитет весь сбор (69 руб. 30 коп.) от демонстрации 5 апреля картины «День колоса ржи в Москве». Подсчет содержимого всех кружек в казначействе 6 апреля, длившийся с 10 часов утра до 8 часов вечера, показал 3 397 руб. 40,75 коп. В среднем на одну кружку приходилось 36-37 руб. – около 22 коп. на каждого ростовца. Сумма вместе с другими пожертвованиями составила 3 591 руб. 40 коп. и полностью была переведена в Москву 7 апреля 1912 г. на имя князя Г.Е. Львова, председателя Общеземской организации помощи голодающим. Вскоре председатель Ростовской земской управы С.М. Леонтьев, как глава организационного комитета, получил уведомление от управления Общеземской организации с благодарностью всем координаторам и участникам «дня ржаного колоса» в Ростове.

События в Ростове ярко освещались в губернской прессе в течение всей весны 1912 г., в частности, в ярославской газете «Голос» (до 10 публикаций). Ярославцы, по примеру ростовцев, начали также тщательно готовиться к новой акции. Еще 5 апреля секретарь бюро Ярославского комитета по организации «дня колоса ржи», губернский агроном И.П. Матвеев отправил запросы в губернские земства Уфимской, Самарской, Саратовской, Вятской, Казанской, Нижегородской, Симбирской, Пензен-

ской губерний, чтобы определить степень нужды среди голодающего населения. Например, председатель Уфимской губернской земской управы П.Ф. Коропачинский сообщал, что в бесплатных столовых от управы питались до 72 000, в школах – 2 000 жителей, но «до нового хлеба денег не хватит». Акция началась вечером 20 апреля с молебна в Успенском соборе, перед всенощной сборщики приступили к приему пожертвований (Ростов. Отчёт комитета ...). В этот же вечер в помещении губернской земской управы преподаватели и учащиеся музыкального училища Императорского русского музыкального общества «почти экспромтом» устроили концерт в пользу голодающих, собрав 200 руб. (К «дню ржаного колоса» ...). 21 апреля, в субботу, кроме города, кружки функционировали в с. Великом, Норском. На бульваре играли два приглашенных оркестра, активности жертвователей-ярославцев способствовала наладившаяся погода. Средний сбор на кружку по Ярославлю принес 42 руб. 28 коп. Как и в Ростове, один из ярославских электротeatров – «Рекорд» – по решению дирекции местных синематографов И.М. Бобринова передал сбор в 150 руб. с 300 билетов в день 20 апреля в качестве пожертвования голодающим (Рыбинск. «Колос ржи» ...). Следующие два дня длился подсчет пожертвованных средств, собранная сумма составила 9 900 руб. 16 коп. Вырученные средства были разделены на несколько частей и направлены на нужды благотворительных столовых в земства остро нуждавшихся в хлебе губерний.

«День колоса ржи» в Рыбинске, втором по величине городе губернии, был назначен на понедельник 23 апреля и прошел «сравнительно оживленно», несмотря на не слишком благоприятную погоду. Раздача букетов началась с 9 часов утра, «колос разбирался бойко» (Романов-Борисоглебск ...). К 11 часам утра в располагавшийся в городской управе организационный комитет стали поступать первые заполненные кружки. Сбор производился не только в городе, но и в Рыбинском уезде, по всем фабрикам и заводам. Две сборщицы и два сборщика ездили в соседнюю Мологу, откуда вернулись вечером. Рабочие Копаевской-Галуновской мельницы изъявили желание отчислить на помощь голодающим четверть своего дневного заработка. Букеты из комитета развозились на участки при помощи велосипедистов (в Рыбинске еще в 1895 г., впервые в Ярославском крае, был организован кружок любителей-велосипедистов (РБФ ГАЯО.

Ф. 261. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.), с 1911 г. действовало спортивное объединение общего плана – Рыбинское общество физического развития и спорта (РбФ ГАЯО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2832. Л. 7 об.). Вечером в городском театре производили сбор артисты столичного фарса, «во время антрактов во всей гримировке». К 10 часам вечера сбор был завершен, следующие два дня длился подсчет собранных средств, которые составили около 800 руб.

Угличане организовали «день колоса ржи» только 27 мая (Сегодня «День колоса ржи» ...). «День ржаного колоса» совпал с традиционным деревенским гулянием в городском саду. Огромному скоплению крестьян в городе способствовала очень жаркая, знойная погода. Продавцов колоса в Угличе насчитывалось 25, город разделили на 20 районов. У сборщиков, помимо традиционных лент через плечо, в качестве эмблемы праздника на одежде были закреплены смешанные букетики из колосьев и васильков. Молебен в 8 часов утра открыл начало праздника. Во время крестного хода вокруг города с иконами св. преп. Паисия Угличского и Покрова Божьей Матери продажа была приостановлена и временно сосредоточилась на городских заставах, после возобновилась по всем участкам и, главным образом, в городском саду днем и вечером. За крестным ходом народ принимал продавщиц за обычных сборщиц подаваний. Сад был празднично украшен: флаги всевозможных форм и цветов, снопы соломы, цветные перевязи; играл оркестр. Одна из самых активных участниц всевозможных угличских мероприятий и объединений – супруга нотариуса Е.А. Башилова – совершила выезд, который «сделал бы честь Тверскому и Невскому проспектам» («День колоса ржи» в Угличе ...). Убранный соломой, колосьями ржи и васильками, экипаж вызвал удивление приезжих крестьян и горожан, никогда прежде не

видевших солому в качестве украшения. Во время вечернего гуляния сад был освещен керосинокалильными фонарями и иллюминирован. На веранде декорированного зеленью клуба была организована «удочка счастья» в виде бочки с овсом и буфет с чаем, сладостями и фруктами, впереди стояли чайные столики. На противоположной стороне Волги на «косе» был устроен фейерверк, помещение клуба предоставили молодежи для танцев. Прибыль составила свыше 650 руб.

Благотворительные праздники начала XX в. завоевали прочное место в культурной и духовной жизни жителей малых городов Российской империи (Ерохина С.В. 2016: 217). Они способствовали развитию системы привлечения добровольных взносов на нужды обездоленного населения. В дореволюционную эпоху к благотворительным акциям прибавились благотворительные базары, распродажи. Вещевые сборы в 1910-е гг. не пользовались такой популярностью, как денежные. Подъем общественного сознания способствовал развитию волонтерского движения в стране. При проведении кружечных сборов труднее всего было собрать достаточное количество сборщиков и организовать подсчет собранных денег. Опираясь при подготовке мероприятий на представителей разных групп населения, организаторы объединяли добровольцев на почве благотворительности и гуманизма, решая локальные просветительские задачи. Организация благотворительных акций сопровождала активной профилактической работе, широкой информированности населения о каких-либо социальных проблемах, сочетаясь с действенными мерами и помощью по борьбе с голодом. «День колоса ржи» стал единовременной акцией, внося свой вклад в обеспечение хлебом голодающего населения России.

ЛИТЕРАТУРА

- «День колоса ржи» // Голос. 1912. № 91. 20 апреля.
 «День колоса ржи» в Угличе 27 мая // Угличская мысль. 1912. № 33/111. 31 мая
 26 апреля 1912 г. в Ростове Великом «день белой ромашки» // Голос. 1912. № 95. 25 апреля.
 Государственный архив Ярославской области. Ф. 1541. Оп. 1. Д. 72. Л. 29 об.-30, 33, 34.
 Государственный архив Ярославской области. Ф. 1541. Оп. 1. Д. 74. Л. 5.
 Дамский комитет // Голос. 1912. № 80. 8 апреля.
 Ерохина С.В. 2016. «День колоса ржи» как форма организации благотворительного праздника в начале XX в. (на примере г. Ростова и других малых городов Ярославской губернии) // Мельник Л.Ю. (ред.). История и культура Ростовской земли. 2015: Материалы XXV научной конференции (9–11 ноября 2015 г., г. Ростов). Ростов, ГМЗ «Ростовский кремль», 210–218.
 К «дню ржаного колоса» // Голос. 1912. № 92. 24 апреля.
 Лига борьбы с туберкулезом // Голос угличанина. 1910. № 5. 2 мая
 От комитета по организации в г. Ярославле «дня колоса ржи» // Голос. 1912. № 92. 21 апреля.

Отчёт комитета по организации в г. Ростове 5-го апреля 1912 г. дня «Колоса ржи». 1912. Ростов: Типография А.Х. Оппель.

Помогите голодающим! // Голос. 1912. № 75. 1 апреля.

РБФ ГАЯО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

РБФ ГАЯО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1. Л. 193–194.

РБФ ГАЯО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1. Л. 83.

РБФ ГАЯО. Ф. 9. ОП. 1. Д. 2832. Л. 7 ОБ.

Романов-Борисоглебск // Голос. 1912. № 95. 25 апреля.

Россия в начале XX в. 2002 / Яковлев А.Н. (ред.). М.: Новый хронограф.

Ростов // Голос. 1912. № 75. 1 апреля.

Ростов. Отчёт комитета по организации в Ростове 5 апреля 1912 г. «дня колоса ржи» // Голос. 1912. № 91. 20 апреля

Ростов. Последние работы // Голос. 1912. № 95. 25 апреля.

Рыбинск. «Колос ржи» // Голос. 1912. № 95. 19 апреля.

Сегодня «День колоса ржи» // Угличская мысль. 1912. № 32/110. 27 мая.

Ярославль // Голос. 1912. № 90. 19 апреля.

REFERENCES

- In: Golos [Voice]. No. 91 (1912): 20 April. (In Russian).
 In: Uglichskaya mysl' [Uglichs thought]. No. 33 /111 (1921): 31 May. (In Russian).
 In: Golos [Voice]. No. 95 (1912): 25 April. (In Russian).
 The State Archive of Yaroslavl Oblast. Fund 1541. Inventory 1. Case 72. P. 29 ab.–30, 33, 34. (In Russian).
 The State Archive of Yaroslavl Oblast. Fund 1541. Inventory 1. Case 74. P. 5. (In Russian).
 In: Golos [Voice]. No. 80 (1912): 8 April. (In Russian).
 Yerokhina S. V. In: Istoriya i kul'tura Rostovskoj zemli. 2015: Materialy XXV nauchnoj konferencii (9–11 noyabrya 2015 g., g.Rostov) [History and culture of Rostov region. 2015: Proceedings of the XXV Scientific Conference (9–11 November 2015, Rostov)]. Rostov: GMZ Rostovskii kreml', 2016: 210–218. (In Russian).
 In: Golos [Voice]. No. 92 (1912): 24 April. (In Russian).
 In: Golos uglichanina [Voice of the resident of Uglich]. No. 5 (1910): 2 May. (In Russian).
 In: Golos [Voice]. No. 92 (1912): 21 April. (In Russian).
 Otchiot komiteta po organizatsii v g. Rostove 5-go aprelya 1912 g. dnya «Kolosa rzi» [The report of the committee on the organization of the «Day of Rye Ear» festival in Rostov on 5th April 1912]. Rostov: Tipographia A.H. Oппel, 1912. (In Russian).
 In: Golos [Voice]. No. 75 (1912): 1 April. (In Russian).
 The State Archive of Yaroslavl Oblast in Rybinsk. Fund 261. Inventory 1. Case. 1. P.1. (In Russian).
 The State Archive of Yaroslavl Oblast in Rybinsk. Fund 435. Inventory 1. Case. 1. P.193-194. (In Russian).
 The State Archive of Yaroslavl Oblast in Rybinsk. Fund 435. Inventory 1. Case. 1. P.83. (In Russian).
 The State Archive of Yaroslavl Oblast in Rybinsk. Fund 9. Inventory 1. Case. 2832. P.7. (In Russian).
 In: Golos [Voice]. No. 95 (1912): 25 April. (In Russian).
 Rossiya v nachale XX veka [Russia at the beginning of the XX century]. Ed. by Yakovlev A. N. M.: Novyi hronograf, 2002. (In Russian).
 In: Golos [Voice]. No. 75 (1912): 1 April. (In Russian).
 In: Golos [Voice]. No. 91 (1912): 20 April. (In Russian).
 In: Golos [Voice]. No. 95 (1912): 25 April. (In Russian).
 In: Golos [Voice]. No. 95 (1912): 19 April. (In Russian).
 In: Uglichskaya mysl' [Uglichs thought]. No.32/110 (1912): 27 May. (In Russian).
 In: Golos [Voice]. No. 90 (1912): 19 April. (In Russian).

S.V. Yerokhina
 Yaroslavl, Russia

«DAY OF RYE EAR» AS A FORM OF A CHARITABLE FESTIVAL IN EARLY 20th CENTURY (case study of small towns of Yaroslavl Province)

Abstract. The object of this research is the historical processes connected with the history of establishment and development of both medical societies in Russia and local charitable organizations in the province in the late 19th and early 20th centuries. The subject of the research is the content and features of the formation and development of medical and charitable societies. The research is based on the sources and data from Yaroslavl province. The aim of the article is to consider in an integrated manner the history of population activities in small provincial towns. The solution of the research tasks was achieved both through the identification of the role of the above-mentioned societies in the education system and through depiction of the history of their activity. The study is based on the principles of historicism and objectivity. The methodological basis for the research is the dialectical method, which deals

with the basic principles of the study of reality in its development. The article considers reasons for the active development of socio-cultural charity in small provincial towns in Yaroslavl province in the early 20th century. The author analyses the socio-cultural initiatives of voluntary medical and charitable organisations, their membership and participation in the cultural activity of the society. The article includes a short history of this new initiative («Day of Rye Ear») in various big cities of the country. The study characterises the ear of rye as a symbol of the festival. Historical data is provided on the famine in Russia in the late 19th and early 20th centuries. It was proved that local intelligentsia played a key role in the development of new cultural environment in provincial towns. As a result, two models for the formation of medical and charitable societies in small provincial towns are represented in the article. First approach to the establishment of such associations is opening of branch offices in the province. The second is the formation of organisations due to the initiative of local population. The activity of these organisations was very important for the region, as the state policy in this field was insufficiently active.

Key words: small provincial town; charity; medicine; cultural environment; intelligentsia; famine; rye ear; leisure time.

About the author: Sofia Viktorovna Yerokhina, post-graduate student at the Department of Advertising and Public Relations of Yaroslavl State University. P. G. Demidov.

Place of employment: Uglich State Historical, Architectural and Art Museum.

Ерохина С. В. «День колоса ржи» как форма организации благотворительного праздника в начале XX в. (на примере малых городов Ярославской губернии) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 1. С. 24–31.

Yerokhina S.V. «Day of rye ear» as a form of a charitable festival in early 20th century (case study of small towns of Yaroslavl Province) // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No.. P. 24–31.

УДК 94(571)

И.А. Коновалов
Омск, Россия

РЕВИЗИЯ М.М. СПЕРАНСКОГО И БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В СИБИРИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Аннотация. Статья посвящена борьбе с коррупцией в Сибири в первой четверти XIX в. Возросший интерес к истории местного управления связан не только со стремлением историков более глубоко взглянуть в прошлое, но и сугубо практическими потребностями. Возвращаясь к забытым традициям регионального управления, важно полнее учитывать исторический опыт, который был наработан веками. Специфической чертой сибирского администрирования была большая самостоятельность государственного аппарата, чем в центре страны. Отличительной чертой сибирской бюрократии была также ее почти полная оторванность от местного общества. Главным источником средств к существованию для основной массы чиновников было получаемое за службу денежное довольствие, которое делало их зависимыми от государства, способствовало лояльному отношению к существующему политическому режиму и формированию верноподданнической психологии. Отсутствие в крае самоуправления, недостаточный контроль за государственными органами со стороны населения, почти полное отсутствие демократических свобод создавали основу для развития коррупции, порождали должностные злоупотребления и приводили даже к сращиванию криминала с административно-полицейской системой. Ситуация усугублялась несоответствием высокого статуса в местном обществе, который сообщался занимаемой должностью на государственной службе, и относительно невысокими зарплатами сибирских чиновников.

Ключевые слова: история Сибири; власть; местное управление; реформа; администрация; губернатор; полиция; полномочия; выборы; национальная политика.

Сведения об авторе: Игорь Анатольевич Коновалов, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.

Контактная информация: 644077, Россия, г. Омск, пр-т Мира, д. 55а; e-mail: konov77@mail.ru.

Социально-экономическое развитие Сибири в начале XIX в. и рост колонизации края вызывали потребность в более гибкой организации местного администрирования. Противоречие территориального и ведомственного

принципов управления и вызванная этим неразбериха настоятельно требовали создать способ объединения и унификации разрозненных местных учреждений. К реорганизации сибирской системы местного управления подталки-

вал также высокий уровень коррупции в регионе, ставший особенно заметным при генерал-губернаторах И.О. Селифонтове и И.Б. Пестеле.

Первым генерал-губернатором Сибири в XIX в. в 1803 г. стал И.О. Селифонтов, в 90-е гг. XVIII в. исполнявший должность тобольского вице-губернатора, а в 1796 г. назначенный иркутским генерал-губернатором, но так и не сумевший вступить в должность из-за ликвидации наместничеств (Андриевич 1889: 5). Следующий генерал-губернатор Сибири И.Б. Пестель пробыл в регионе в 1807 г. 10 месяцев и больше туда не возвращался, но еще 12 лет руководил краем. Он почти все время прожил в Санкт-Петербурге, предоставив право управлять краем гражданским губернаторам, давая тем самым повод для многочисленных острот и анекдотов. Пестель настоял на назначении губернатором в Иркутск лично ему преданного Н.И. Трескина, который стал «правой рукой, главным его сотрудником, образцом для других сибирских губернаторов, их наставником» (Вагин 1872: 9).

Генерал-губернатор И.О. Селифонтов прибыл в Иркутск с фавориткой мадам Бойе. Все сразу догадались, через кого можно решать самые щекотливые дела. Начальником генерал-губернаторской канцелярии стал П.В. Бакулин, который хозяйничал в регионе по собственному усмотрению. Другим ближайшим помощником Селифонтова, как отмечал декабрист В.И. Штейнгейль, стал секретарь канцелярии Ф.Ф. Белявский, который вел дела не только за Селифонтовым, но впоследствии за Трескиным, и даже Пестелем, человек «очень смысленный и большой проказник» (Штейнгейль 1992: 188–189). При генерал-губернаторе Пестеле жена Иркутского губернатора А.Ф. Трескина совершенно открыто занималась взяточничеством, ходили слухи, что через А. Третьякова она продавала назначения на должности. Агния Федорова поддерживала также тесные связи с сохранившим свою должность при новом генерал-губернаторе Белявским (Гурьев 1901: 34).

Пестель и Трескин «ужасными мерами уничтожали непокорных, все попали, если не в формальную, то политическую от них зависимость. Не исключая даже военных.... Пестель и Трескин строго держались правила: кто не с нами – тот против нас, а кто против нас того нужно душиить. И душили, как говорится, в гроб.... При чем они по совести думали, что душишат негодяев и злодеев для блага целого края» (Прутченко 1899: 105).

В начале XIX в. верховная власть пришла к пониманию необходимости создания для края особой модели сибирского администрирования. Эти идеи получили преломление в специфической организации местных сибирских органов власти. Назначенный в 1819 г. новым сибирским генерал-губернатором М.М. Сперанский имел огромный управленческий опыт и прекрасно понимал, что либеральные планы и благородные идеи в административной практике либо могут не осуществляться вовсе, либо будут осуществляться совсем не в том виде, как предполагал законодатель.

Приступив к своим обязанностям, М.М. Сперанский провел ревизию в регионе. Свою ревизию Сибири М.М. Сперанский начал с более благополучной Тобольской губернии, где под суд был отдан только ялutorовский исправник. В Томской губернии из-за глупости губернатора Илличевского, жадности его жены и строптивного характера его брата, губернского почтмейстера, положение дел было гораздо хуже (Гурьев 1901: 25). «Крестьяне деревни Жуковской жаловались на то, что исправник Попов в 1818 г. приказал им соблюдать чистоту, чего раньше не требовал, затем приказал казакам нарезать телегу прутьев и собрав крестьян всего селения, заставил казаков сечь их, принудил тем самым дать ему 500 рублей, больше чистоты не спрашивал и сказал, живите как хотите» (Прутченко 1899: 110). Однако настоящим гнездом коррупции оказалась Иркутская губерния. Нижнеудинский исправник Ф.Б. Лоскутов, тот самый, по приказу которого был высечен протоирей Орлов (Сукачев 1891: 25), перед приездом Сперанского отобрал в своем уезде все чернила и бумагу. Страх перед Лоскутовым был настолько велик, что присутствующие при аресте исправника крестьяне, думая что ревизоры бессильны перед ним, хватали Сперанского за руки и восклицали: «Батюшка, да ведь это Лоскутов!». В ходе выемок и обыска у Лоскутова кроме мехов и драгоценных металлов была изъята значительная сумма денежных средств – 138 тыс. руб. (Гурьев 1901: 26).

Однако даже такие репрессивные меры оказались недостаточными. Красноярские крестьяне сообщили М.М. Сперанскому, что к приезду ревизоров была приготовлена жалоба на местного земского исправника, но потом крестьяне решили, что новый исправник может быть еще хуже, так как негде взять достойного кандидата, к тому же от нового исправника достанется за жалобу; и наконец, старый ис-

правник уже сытый, а новый будет еще голодным. Жалоб на коррупцию было огромное количество, тогдашнее антикоррупционное законодательство было очень жестоким, поэтому Сперанский решил даже исключить термин «взятка» из материалов своей ревизии. Однако были и такие учреждения, работой которых Сперанский остался доволен, с похвалой и одобрением он отзывался о деятельности Тобольского губернского правления и в особенности советника Розинга (Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 ..: 104).

По итогам ревизии были отданы под суд 48 высокопоставленных чиновников, в том числе два гражданских губернатора, еще значительное количество чиновников, по мнению Сперанского, были достойны тюрьмы, но их не привлекли к юридической ответственности. Сумма взысканий достигала фантастических размеров – 3 млн руб. Было возбуждено 73 уголовных дела. Число обвиняемых достигло 680 человек, из них чиновников – 174 (свыше 50% всех сибирских чиновников МВД), тайшей, шуленг, зайсанов и лам – 236, купцов, разночинцев, мещан, волостных голов и старшин, казачьих урядников и казаков – 250. При этом нужно принять во внимание, что лишь упрощенные приемы следствия и недостаток у ревизоров времени и сил свели количество подследственных до 680 (Вагин 1872: 643).

Иркутский губернатор, действительный статский советник Трескин по решению Сибирского комитета в 1821 г. был предан суду Правительствующего Сената, лишен дворянства, чинов, знаков отличия, а тобольский гражданский губернатор Фанбрин, действовавший в Тобольске таким же образом, как Трескин в Иркутске, выполнявший противозаконные поручения Пестеля, по окончании ревизии не только избежал наказания, но и был возведен в достоинство сенатора. В конце карьеры сибирский генерал-губернатор Пестель был также привлечен к уголовной ответственности, против него было возбуждено следствие, но до суда дело не было доведено (Записки А.М. Тургенева 1895: 43).

По мнению М.М. Сперанского, «существующие органы управления краем способствовали злоупотреблениям не только пассивно, но и активно». Главную причину злоупотреблений Сперанский видел в отсутствии начал законности при осуществлении управления: «где не достаёт законов, там всем управляет личная власть. Отсюда в Сибири укоренилась привычка ничего не ожидать от закона, а надеяться на

чиновника, и следовательно в каждом деле прибегать к деньгам» (Прутченко 1899: 103).

Основные задачи реформы 1822 г. заключались в систематизации сибирского законодательства путем его кодификации, а также в правовой реорганизации местного управления. В результате законотворческой деятельности М.М. Сперанским были подготовлены 10 проектов нормативно-правовых актов по ключевым вопросам управления и правового регулирования жизнедеятельности региона. Однако реформы Сперанского создали в Сибири еще более бюрократическое, сверхцентрализованное администрирование. Бюрократизации края была значительно больше, чем в центральной части империи, поскольку на сибирской окраине не было сословного дворянского самоуправления. Отличительной чертой сибирской полицейской бюрократии была также ее почти полная оторванность от местного общества. Отсутствие в крае самоуправления, недостаточный контроль за правоохранительными органами со стороны населения, почти полное отсутствие демократических свобод создавали основу для развития коррупции, порождали должностные злоупотребления и приводили даже к сращиванию криминала с административно-полицейской системой. Полицейские, которые были известны превышением или неисполнением должностных полномочий, мздоимством, были защищены от судебных преследований вышестоящими полицейскими руководителями (Коновалов 2014: 149). Наказания были крайне редки и касались главным образом исполнителей, обходя руководящий состав (Гессен 1904: 35).

Огромная территория, неразвитость коммуникаций, слабая интенсивность социально-экономических и политических связей порождали бесконтрольную автономность в действиях местных чиновников, недостаточно обеспеченных соответствующей правовой базой. В Сибири, из-за ее размеров и отдаленности, произвол местных административно-полицейских властей мало чем мог быть ограничен. Ситуация усугублялась несоответствием высокого статуса в местном обществе, который сообщался занимаемой должностью на государственной службе, и относительно невысокими зарплатами сибирских чиновников. Квартальный надзиратель получал постоянный оклад, в среднем 143 руб. в год, частный пристав – 228 руб., городничий – 429 руб., полицмейстер – 572 руб. (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2327. Л. 31–35). Между тем стоимость жизни возрастала, что выражалось в относительном падении курса рубля и

росте цен на предметы первой необходимости. Пшеничная мука в Омске, например, с 1823 г. за двенадцать лет подорожала на 45 коп., масло – на 3 руб., мясо – на 80 коп., пара сапог – на 1 руб. (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1630. Л. 142; Ф. 9. Оп. 1. Д. 106. Л. 8). Это довольно сильно было по интересам полицейских, живущих на постоянном жалованьи, т. к. оклады большинства должностей, установленные еще в XVIII в., были неизменными почти на протяжении всего столетия.

Главным источником средств к существованию для основной массы государственных служащих было получаемое за службу денежное довольствие, которое делало их зависимыми от государства, способствовало лояльному отношению к существующему политическому режиму и формированию верноподданнической психологии. Воля непосредственного начальства, служебное усердие, личная предприимчивость были существенными факторами их жизни. В рассматриваемое время рядовые сотруд-

ники полиции не могли похвалиться высокими доходами и достойным материальным положением. По данным А.В. Ремнева, в 20-х гг. XIX в. земельные собственники составляли примерно 1% сибирских чиновников, имели собственные жилые дома около 6,5%. Необходимые месячные расходы неженатого служащего составляли около 48 руб. при зарплате от 15 до 20 руб. в месяц (Ремнев, 1995: 199). Это создавало дополнительные стимулы для существования коррупционной системы.

Для подтверждения своего высокого положения в обществе сибирские чиновники искали дополнительные источники доходов, занимаясь предпринимательством, казнокрадством и взяточничеством. Коронная власть, не имея возможности создать достойный прожиточный уровень местным государственным служащим, смотрела сквозь пальцы на коррупцию, которая процветала в сибирском регионе и преследовала лишь ее вопиющие и единичные случаи.

ЛИТЕРАТУРА

- Андриевич В. К.* 1889. Сибирь в XIX столетии. Ч. 2–3. СПб.: Типография и литография В. В. Комарова.
- Вагин В. И.* 1872. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. Т. 1–2. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии.
- Гессен В. М.* 1904. Вопросы местного управления. СПб.: Типография и литография А. Е. Ландау. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1630. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2327. ГИАОО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 106.
- Гурьев Н. А.* 1901. Сибирские чиновники былого времени // Дорожник по Сибири и Азиатской России. Кн. 5. Томск: Паровая типо-литография П.И. Иакушина.
- Записки А. М. Тургенева. 1895 // Русская старина. Т. 83. Вып. 6.
- Коновалов И. А.* 2014. Управление и полиция Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. М.: ИНФРА М.
- Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. 1884 / Сост. А. И. Дмитриевым-Мамоновым, К. М. Голодниковым. Издана по распоряжению Тобольского губернского статистического комитета. Тобольск: Типография Тобольского губернского правления.
- Прутченко С. М.* 1899. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. Т. 1–2. СПб.: Типография А.С. Суворина.
- Ремнев А. В.* 1995. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск: ОмГУ.
- Сукачев В. П.* 1891. Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. М.: Типография и литография высочайше утвержденного товарищества И.Н. Кушнерев и Ко.
- Штейнгейль В. И.* 1992. Сочинения и письма. Т. 2: Записки и статьи. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство.

REFERENCES

- Andrievich V. K.* Sibir' v XIX stoletii [Siberia in the 19th century]. Parts 2-3. SPb.: Tipografiya i litografiya V. V. Komarova, 1889. (In Russian).
- Vagin V. I.* Istoricheskie svedeniia o deiatel'nosti grafa M. M. Speranskogo v Sibiri [Historical information about the activities of Count M. M. Speranskii in Siberia]. Vol. 1-2. SPb.: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. kancelarii, 1872. (In Russian).
- Gessen V. M.* Voprosy mestnogo upravleniya [Issues of Local Governance]. SPb.: Tipografiya i litografiya A. E. Landau, 1904. (In Russian).
- The State Historical Archives of the Omsk Region. Fund 3. Inventory 1. Case 1630. (In Russian).

The State Historical Archives of the Omsk Region. Fund 3. Inventory 2. Case 2327. (In Russian).

The State Historical Archives of the Omsk Region. Fund 9. Inventory 1. Case 106. (In Russian).

Gur'ev N.A. In: *Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoy Rossii* [Guide to Siberia and Asian Russia]. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P.I. Iakushina. Bk. 5. (1901). (In Russian).

Zapiski A.M. Turgeneva // *Russkaya starina* [Notes by A.M. Turgenev// Russian antiquity]. Vol. 83, Is.6 (1895) (In Russian).

Kononov I.A. *Upravlenie i policiya Sibiri v dorevolucionnyi period: stanovlenie i razvitie* [The management and police of Siberia in the pre-revolutionary period: formation and development]. M.: INFRA-M, 2014 (In Russian).

Pamyatnaya knizhka Tobolskoi gubernii na 1884 god [Memorial book of the Tobolsk province for 1884]. Ed. by Dmitriev-Mamonov A. I., Golodnikovym K. M. Tobolsk: Tipografiya Tobolskogo gubernskogo pravleniya, 1884 (In Russian).

Prutchenko S. M. *Sibirskie okrainy. Oblastnye ustanovleniya svazanye s Sibirskim ucheregeniem 1822 g., v stroe upravleniya russkogo gosudarstva* [Siberian suburbs. Regional regulations associated with the Siberian institution in 1822 in the system of governance of the Russian state: Historical and legal essays]. Vol. 1-2. SPb.: Tipografiya A. S. Suvorina, 1899. (In Russian).

Remnev A. V. *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v pervoi polovine XIX v.* [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the 19th century]. Omsk: OmGU, 1995. (In Russian).

Sukachev V. P. *Irkutsk. Ego mesto i znachenie v istorii i kulturnom razvitii Vostochnoi Sibiri* [Irkutsk. Its Place and Role in the Development of Eastern Siberia] M.: Tipografiya i litografiya vysochaishe utverzhdenno go tovarishchestva I.N. Kushnerev i Ko, 1891. (In Russian).

Shteyngel V. I. *Sochineya i pis'ma* [Essays and letters]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo. Vol. 2 (1992). (In Russian).

I. A. Kononov
Omsk, Russia

REVISION OF M.M. SPERANSKY AND THE FIGHT AGAINST CORRUPTION IN SIBERIA IN THE FIRST QUARTER OF THE 19th CENTURY

Abstract. The article is devoted to the study of the fight against corruption in Siberia in the first quarter of the 19th century. The increased interest in the history of local government is connected not only with the desire of historians to look deeper into the past but with purely practical needs as well. Returning to the forgotten traditions of regional government, it is important to take a fuller account of the historical experience that has been developed over the centuries. The greater autonomy of the state apparatus as compared to the center of the country was the specific feature of the Siberian administration. A distinctive feature of the Siberian bureaucracy was its almost complete isolation from the local society. The main source of livelihood for most officials was the monetary allowance received for the service, which made them dependent on the state, thus fostering a loyal attitude to the existing political regime and the formation of the psychology of loyalty. Lack of self-government in the region, insufficient control over the state bodies by the population and almost complete absence of democratic freedoms laid the basis for the development of corruption; caused abuse of power, and even led to the merging of crime with the administrative-police system. The situation was exacerbated by the disparity of the high status in the local society, determined by the position in public service and relatively small salaries of Siberian officials.

Key words: History of Siberia; power; self-government; reform; administration; governor; police; authorities; elections; national policy.

About the author: Igor Anatolievich Kononov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law.

Place of employment: Dostoevsky Omsk State University.

Кононов И.А. Ревизия М.М. Сперанского и борьба с коррупцией в Сибири в первой четверти XIX в. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2018. № 2. С. 31–35.

Kononov I. A. Revision of M.M. Speransky and the fight against corruption in Siberia in the first quarter of the 19th century // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 1. P. 31–35.

«ЛИГА ОБРАЗОВАНИЯ» И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РОСТ СОЦИАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (на материалах Енисейской губернии)

Аннотация. Статья посвящена оформлению в сфере народного просвещения Енисейской губернии начала XX в. отделения общероссийской общественной организации «Лига образования», под которым мы понимаем процесс вызревания предпосылок, накопления фундаментальных знаний, прикладного и организационного опыта реализации этой гражданской инициативы, их становления и развития и последующей трансформации в условиях сибирской провинции, которые повлияли на рост социального самосознания местной либерально-демократической интеллигенции. Актуальность проблемы объясняется возросшим интересом педагогической общественности к истории Лиги в связи со столетием ее создания, а также желанием авторов проанализировать основные направления ее деятельности и сравнить их с целями и задачами современной Лиги образования, воссозданной в 2006 г. Всё вышесказанное определило задачи данной статьи: выявить основные общероссийские и региональные социально-экономические и социокультурные факторы и условия, повлиявшие на становление Лиги образования; раскрыть социально-политический состав руководящих органов; определить направления и характер деятельности с позиции определения возможности использования данного исторического опыта в современных условиях. Используются принципы историзма, системного подхода, объективности, попытки реконструировать деятельность негосударственных организаций с сфере пропаганды и развитие образования широких масс в провинциальных городах. На основе анализа различных оценок роль Лиги в развитии отечественного образования, приведенных в научной литературе, авторами обосновывается необходимость осмысления исторического наследия с целью изучения феномена проявления активной гражданской инициативы выдающихся ученых, педагогов и представителей политических организаций как центральной России, так и провинций, в частности, Енисейской губернии. Возрождение Лиги образования в первой четверти XXI в. благодаря сотрудничеству с ведущими научными учреждениями, вузами и школами-лидерами нацелено на формирование потенциала для аналитической деятельности, прогнозирование и моделирование личных заказов граждан на образование, комфортной среды оказания образовательных услуг населению, способных повлиять на изменение отношения к образованию.

Ключевые слова: Лига образования; народное просвещение; гражданские инициативы; провинциальная интеллигенция; Енисейская губерния.

Сведения об авторах: Ирина Николаевна Ценюга¹, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории; Сергей Николаевич Ценюга², доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики.

Место работы: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева^{1,2}.

Контактная информация: 660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89, e-mail: ¹irina.tsenyuga@yandex.ru; ²serzen1958@yandex.ru.

В последние десятилетия отечественная педагогическая общественность в поисках осмысления и разрешения принципиальных для современной педагогики проблем теории и практики все чаще обращает внимание на историческое наследие рубежа XIX–XX вв., связанное с феноменом проявления активной гражданской инициативы выдающихся ученых, педагогов, представителей политических организаций, объединившихся в «Лигу образования» с целью противостояния свертыванию либеральных реформ и снижения социальной напряженности в России через построение основ демократического общества, его развитие и процветание посредством культурно-просветительской и благотворительной деятельности. К сожалению, долгие годы, в силу ряда объективных причин, эти знания и опыт были исключены из поля научного изучения. Тем не менее, в

2006 г. идея возрождения Лиги образования как движения активных, мыслящих и оригинально творящих граждан вновь становится востребованной. Формирование организационных структур и содержания и направлений деятельности движения приобретает былой размах и социально-политическое звучание как на общероссийском, так и региональном уровнях. В современных условиях исследовательский интерес к выявлению и непредвзятому осмыслению идей и опыта функционирования этой организации в отечественной истории представляется оправданным. Лишь только с возвращением памяти прошлого возможно приступить к поиску путей в будущее.

В период до 1917 г. вопросы становления и развития Лиги образования в отечественной историографии специально не изучались. Немногочисленные публикации непосредствен-

ных участников этого общественно-педагогического движения затрагивали различные аспекты разработки идейных, прикладных и организационных проблем в ее развитии (С.А. Венгеров, П.Ф. Каптерев, П.Н. Милуков, Г.А. Фальборк, В.И. Чарнолуцкий и др.). При существенном разбросе идейных воззрений и полемической форме их выражения во взглядах на вопросы текущей деятельности «Лиги образования» прослеживалось культурное влияние русской научной традиции (Арзамасцева 1999; Антология по истории ... 2000: 384).

К сожалению, в советский период в силу идеологических директив в исследованиях, посвященных истории образования и общественно-педагогической мысли дореволюционной России, тематика, связанная с процессом становления и развития Лиги образования, не затрагивалась. В течение семи десятилетий она была негласно изгнана из поля исторического знания. Ученые охотнее обращались к общим проблемам развития народного просвещения в России (А.Ф. Доброва, Н.А. Константинов, Ф.Ф. Королев и др.) или к обзору общекультурной жизни регионов Восточной Сибири (Бердников 1996: 360; Мешалкин 1988: 43; Федорова 2015: 244).

В постсоветский период знания и опыт Лиги образования вновь становятся востребованными, а с 1990-х гг. выступают объектом научного интереса (Л.С. Арзамасцева, Б.М. Бим-Бад, А.П. Толочко, А.В. Тыркова-Вильямс, В.В. Шелохаев). К проблемам формирования институтов гражданского общества в Приенисейском крае и истории школы и педагогической мысли этой сибирской провинции обращались Т.Б. Соломатина, Б.К. Тебиев, Л.Э. Мезит, В.И. Федорова, И.Н. Ценюга, С.Н. Ценюга, В.В. Чернышев, А.И. Шилов, В.В. Бибикина и др. (Бибикина 2011: 364; Соломатина 2015: 76; Тебиев 1996: 145; Чернышев 2008; Шилов 2011: 238).

Вышеприведенный обзор публикаций последних десятилетий позволяет зафиксировать исследовательский интерес и, как следствие, рост количества научных трудов. Среди них пока нет работ, специально посвященных генезису Лиги образования как общественно-педагогического феномена. Выявленное обстоятельство определило задачи данной статьи: выявить основные общероссийские и региональные социально-экономические и социокультурные факторы и условия, повлиявшие на становление Лиги образования; раскрыть социально-политический состав ее руководящих

органов; определить направления и характер деятельности с позиции нахождения возможности использования данного исторического опыта в современных условиях.

Открытие отделений Лиги образования в сибирской провинции предшествовала достаточно протяженная цепь исторических событий. Россия рубежа XIX–XX вв. пожинала плоды контрреформ 1870–80-х гг. На фоне роста промышленности и машинного производства, изменений политического устройства и местного самоуправления, социальной структуры, успехов отечественной науки, культуры, народного образования, трансформации общественной психологии стали проявляться признаки постепенного втягивания российского общества в очередную мировоззренческий кризис (Ценюга 2012: 121). Существование «маленького человека» обрело черты сложной экономической, социальной и педагогической проблемы. Мучительный поиск ответа на извечный вопрос русской жизни «Кто виноват и что делать?» повсеместно обнаруживал знаки общественного беспокойства, идейного раскола и полифонию голосов непрерывной полемики: о всеобщем падении нравственности; о средствах сдерживания опасного «революционного вольнодумства» молодого поколения; о путях обращения народа в разумную силу, полную самообладания, способную самостоятельно думать и быть справедливой; о воспитании из грядущих поколений честных людей и добрых граждан. Предпринятые царским правительством усилия не привели к их купированию, а лишь ухудшили ситуацию. На смену оптимистическим либерально-демократическим умонастроениям отечественной интеллигенции постепенно пришло щемящее чувство смятения от правых инициатив правительства, приближающих смутное будущее, и страха перед предстоящими катаклизмами в судьбе страны. Существовая в таком раздвоенном состоянии, выход из создавшегося положения активная часть научно-педагогической общественности как в центральных губерниях, так и в провинции видела в широкой пропаганде конституционно-правовых идей и формировании адекватного им национального самосознания, призванного стать заслоном как для правительственной политики контрреформ, так и для «революционного экстремизма». По мнению Т.А. Сабуровой, в означенный период значительная часть общества жаждала деятельности, выходящей из тесного круга личных интересов, потому что сознавала себя способной и, следовательно,

нравственно обязанной к такой работе (Сабурова 1995: 124).

Все вышесказанное оформилось в идею объединения усилий активных и лояльных власти представителей либерально-демократического сообщества на благо национального возрождения. Ее реализация спонтанно вылилась в учреждение «Комитетов грамотности» в обеих столицах и ряде центральных губерний России. Начавшийся процесс вызвал резонанс и постепенно нашел отклик в сибирской провинции. Первый опыт изучался, обобщался в периодической печати, материалах многочисленных педагогических съездов. Однако почти сразу обнаружилась «национальная» специфика реализации любых гражданских инициатив на территории Российской империи: неудовольствие и противодействие со стороны властей и «вечная славянская рознь» во взглядах и подходах исполнителей к их реализации. Так, если в большинстве европейских стран исследуемого периода оформление подобных инициатив проходило в условиях известного идейного единства, а уже затем формировались отдельные его направления, то в России, в силу ряда причин, социальные инициативы реализовывались в условиях мировоззренческой разобщенности воззрений их участников, находящихся в известной оппозиции друг к другу (I Всероссийский педологический съезд 1927: 243). Примиряющей пестроту воззрений на профессиональной почве гражданского служения оказалась своевременная публикация правительством «Городового положения» (1890 г.), предлагавшего сообществам городских и сельских обывателей принять посильное участие в попечении о народном образовании и народном здравии, призрении бедных и прекращении нищеты. Несомненным правовым условием к созданию Лиги образования стал и октябрьский Манифест Николая II, провозгласивший свободу слова, печати, собраний.

На этой волне в 1895 г. в Петербурге инициативной группой представителей расформированных правительством «Комитетов грамотности» была создана Всероссийская Лига образования. Учредителями нового общественного движения выступили сотрудники «Комитетов грамотности» Москвы и Санкт-Петербурга, члены Вольного экономического общества и ряда научных учреждений. Идеологами новой структуры стали писатель и общественный деятель Г.А. Фальборк, а также видный представитель народного просвещения В.И. Чарнолусский. За идейную, методологическую

и организационно-структурную основу отцы-основатели взяли «французский опыт» образца 1866 г. Затем, под влиянием объективных обстоятельств, возникла динамическая пауза. Провести учредительное собрание и принять проект устава удалось только в марте 1906 г. Столь длительный перерыв возник в связи с затяжным выходом Российского государства из мирового экономического кризиса, нерешенностью большинства внутренних политических и социокультурных проблем, усугубленных результатами Русско-японской войны, и грянувшей следом Первой революцией (1905–1907).

Правление Лиги возглавил Г.А. Фальборк. В оргкомитет вошли: выдающийся народный учитель Вячеслав Яковлевич Аврамов; академик Петербургской АН Николай Николаевич Бекетов; член-корреспондент Петербургской Академии наук Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ; русский литературный критик, историк литературы Семен Афанасьевич Венгеров; педагог, организатор первой в России школы взаимного обучения Яков Иванович Герд; издатель и общественный деятель Лонгин Федорович Пантелеев; общественница Стоюнина Мария Николаевна; писатель Генрих Адольфович Фальборк; один из лидеров женского движения в 1860–80-х гг. Анна Павловна Философова; видный представитель общественно-педагогического движения в России Владимир Иванович Чарнолуский и педагог Петр Федорович Каптерев, выпускник Московской духовной академии, член столичного Комитета грамотности и др. Секретарем Лиги образования был избран историк и публицист П.Н. Милоков. В справочное бюро вошли Шаховской и Челноков (члены ЦК кадетов).

Своей целью правление провозгласило объединение и координацию деятельности педагогических и просветительных организаций на территории всей России, их идейную и методическую поддержку, основание новых структурных подразделений. В 1907–1908 гг. таковых образовалась целая сеть: «Общество школьного просвещения», которое ставило своей задачей формирование новых идеалов школьного образования и нового типа единой трудовой школы; «Общество содействия внешкольному просвещению», которое было основано для объединения сил общественности в деле организации публичных библиотек, музеев, народных университетов, вечерних курсов, лекций. Позже из него выделилось «Общество изящных искусств», проводившее работу по оформлению художественных выставок, осно-

ванию малых галерей, народных театров и т. п. В числе его членов были художники Б.М. Кустодиев, Е.Е. Лансере, С.К. Маковский, Н.К. Рерих и др. А также «Университетское общество», организованное для теоретической и практической разработки вопросов открытия негосударственных высших школ и частных университетов. Его активными участниками стали В.М. Бехтерев, В.Н. Верховский, И.М. Гревс, О.А. и А.А. Добиаш, А.С. Лаппо-Данилевский, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, П.Ф. Лесгафт, С.Ф. Ольденбург и др. Отыскание антропологических оснований преодоления детской дефektivности и пресечения процесса «национального вырождения» привело к организации «Всероссийского общества образования и воспитания ненормальных детей». В 1901 г. образовались педологическая комиссия приват-доцента Г. Белкина и педологическая лаборатория А.П. Нечаева для изучения «детской природы», были открыты педологические курсы для всех желающих. В 1908 г. открыта Педагогическая академия. Ее выпускники разворачивали структуры общества на местах.

Реализуя заявленные цели Лиги образования, члены правления развернули активную деятельность. Так, по инициативе Г.А. Фальборка был поднят вопрос об открытии сети публичных библиотек, создан «Союз взаимопомощи русских писателей». В разные годы Г.А. Фальборк выступал активным участником «Невского общества народных развлечений», сменил несколько направлений его работы, связанных с музейной, издательской деятельностью. Как отмечал Д.В. Шевченко, с 1910 по 1917 гг. он редактировал и издавал педагогический еженедельник «Школа и жизнь». Общими усилиями с В.И. Чарнолуским написал серьезную монографию «Народное образование в России», вышедшую в свет в Санкт-Петербурге в 1899 г., а также трехтомник «Настольная книга по народному образованию». Книги получили высокую оценку научно-педагогической общественности и практикующих педагогов. Их коллега и единомышленник Н.Н. Бекетов за пять лет работы в Лиге и других общественных организациях создал «Общество опытных наук» и открыл при нем доступную лабораторию (Шевченко). Известный педагог П.Ф. Каптерев, войдя в Учредительное собрание Лиги образования, показал себя талантливым организатором первых в России педагогических съездов.

Так усилиями многих знакомых, а зачастую неизвестных научно-педагогическому обществу специалистов создавалась сеть цен-

тральных органов Лиги образования, ее региональных отделений, выстраивалось вертикальное и горизонтальное их соподчинение, устанавливались каналы сотрудничества. Формированию цельного пространства реализации гражданских инициатив способствовало проведение педагогических съездов, формирование филиалов на местах, выработка и координация планов их участия в общероссийском движении, налаживание связей между регионами и центром, обмен идеями и опытом, межличностные контакты (Ценюга 2010: 21).

Идейная эволюция взглядов участников движения носила напряженный характер, сопровождалась открытой полемикой и «стихийно» шла по разным направлениям, часто уклоняясь в сферу политических требований, не находя, впрочем, живого отклика у властей и обывателей. Так, состоявшийся 28–31 декабря 1908 г. 1-й общероссийский съезд потребовал от правительства снять ограничения на устройство просветительных обществ, проведение народных чтений и публичных лекций, постановку спектаклей народных театров. Для освещения и трансляции уже наработанного опыта предлагалось: начать издание собственного печатного органа взамен вышедшей в 1907–1908 гг. и закрытой властями газеты «Жизнь и школа»; подготовить выпуск ежегодников и библиографических материалов по вопросам образования; приступить к организации областных, всероссийских и международных педагогических выставок и съездов; изыскать возможности создания справочно-педагогического бюро. На одном из заседаний делегаты рассмотрели и одобрили разработанный специальной комиссией проект школьного закона о введении всеобщего обучения и его финансовом обеспечении. Итоговый документ с внесенными поправками был представлен депутатам второй Государственной думы к рассмотрению, однако думское большинство его единогласно отклонило. Впрочем, как и ходатайство о прекращении преследований учителей по политическим мотивам, возвращении в школы тех, кто подвергся репрессиям.

В первое десятилетие XX в. сложились благоприятные условия развития сети отделений Лиги образования вширь, от центра в губернии Российской империи и вглубь, от общего теоретизирования к решению насущных проблем, от просвещения людей к решению повседневных нужд «маленького человека». Новые отделения самоорганизовывались на правах автономии, с собственным уставом и

членскими взносами. Это положение нашло отклик на местах. В 1906 г. отделения были открыты в Москве, Вильне, Саратове, в 1907 г. – в Красноярске, в 1908 г. – в Омске. К середине лета 1908 г. возникло 5 всероссийских и 17 провинциальных обществ. Центральное правление осуществляло функцию координатора.

В Енисейской губернии, под впечатлением событий первой русской революции, заметно усиливается политизация местной интеллигенции. Возникают различные профессиональные, общественные и родительские организации широкого политического спектра. В их программах, вне зависимости от идейных установок, требования скорейшей модернизации системы школьного образования увязывались с необходимостью общей либерализации жизни. Этот факт десятилетие спустя был отмечен на Иркутском областном съезде представителей школ Восточной Сибири (11–23 июня 1917 г.) (МУ АГМ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 302. Л. 14). Делегаты обнаружили в данном требовании педагогической общественности полное единодушие. В то же время на съезде обнаруживалось полное несовпадение взглядов на ряд явлений, порожденных революцией. Так, в выступлениях ряда делегатов, представителей педагогов, родительских комитетов и городской общественности отмечалось, что неожиданно для себя они обнаружили пропасть между идеалами отцов и духом детского сообщества. Большая часть учащихся гимназий и школ уже давно погрязли в трясину духовного оскудения, национализма и аморальности, а многие из них активно работают в различных политических партиях. Докладчиков встревожило и даже напугало, что именно молодежная «вольница» в событиях 1905 г. выступила причиной и отзвуком «страстей толпы», слепым орудием реализации «революционного экстремизма».

В данной ситуации представлялось излишним только рассуждать о преднамеренном разрушении вековых нравственных традиций россиян и целенаправленном погружении молодежи в трясину аморальности, а страны в хаос. Необходимо было искать рецепт излечения от свалившихся напастей и того, кто может взвалить на себя столь неподъемную ношу. Идея нашла поддержку, прежде всего, у представителей неправительственных организаций, меценатов, связанных с благотворительностью, школьных учителей и, неожиданно, у местного чиновничества, возбудив всеобщий интерес к объединению усилий всех институтов государства, гражданского сообщества и частных инициатив

в активной, созидательной и творческой деятельности на благо социального умиротворения. По мнению Л.Э. Мезит, особо активно в эту работу включились: «Синельниковское общество благотворителей и попечения сирот» в Красноярске; «Общество попечения бедных» в Минусинске; «Общество пособия бедным евреям» в Енисейске. С 1870-х гг. XIX в. по 1916 г. в городах и волостях губернии функционировало тридцать три очага реальной социальной заботы о нуждающихся (Мезит 2017: 169).

После решения Министерства народного просвещения о введении всеобщего начального образования поле для реализации социальных инициатив расширилось. В то же время царское правительство всячески пыталось сдерживать проявления гражданской энергии, направив ее в русло верноподданнической любви к порядку и чувству долга. Еще 28 мая 1905 г. Енисейский губернатор Н.А. Айгустов получил циркулярное предписание министра внутренних дел А.Г. Булыгина о предоставлении генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам права самостоятельно, по своему усмотрению разрешать на вверенной им территории деятельность обществ, учрежденных с общепольными целями. По утверждению В.В. Чернышева, к таковым были отнесены: общественные собрания и клубы; художественные общества и певческие, музыкально-драматические, фотографические кружки; общества трезвости; спортивные общества – автомобильные, гимнастические, шахматные; медицинские общества и общества содействия физическому воспитанию детей; общества покровительства животным и ветеринарные общества; библиотечные общества (Чернышев *Общественная жизнь* ...).

Для регистрации коллективных инициатив и союзов граждан чиновники губернских и уездных учреждений Министерства внутренних дел (МВД) подготовили проект устава, который должен быть подписан учредителями в числе не менее 5 человек. На его основе делалось заключение о соответствии того или иного общества законодательству Российской империи. При этом сама процедура носила достаточно формальный характер. Так, 1 февраля 1907 г. ее успешно прошла Красноярская Лига образования, в уставе которой было четко прописано, что организация имеет целью поддержку становления и распространения школьного и внешкольного образования в губернии на основах, соответственных «вполне развитому демократическому строю общества». Прокурор Красноярского окружного суда в своем заключении

отмечал, что таковое не могло иметь место в политическом строе России. К тому же, по сведениям губернского жандармского управления, один из учредителей Лиги врач Козлов привлекался к дознанию в 1903 г. по обвинению в государственном преступлении. Активными членами партии кадетов были: учитель И.П. Петров; чиновник Чеканинский; топограф Мазинг; помощник управляющего государственных имуществ В.Т. Волков; члены окружного суда П.С. Троицкий и В.Н. Скорняков. А канцелярский служащий переселенческого управления А.Ф. Сальстрем еще в 1907 г. входил в состав местного комитета партии социалистов-революционеров.

В соответствии с уставом совет Красноярской Лиги образования избирался ежегодно на общем собрании его членов. Первым председателем был избран титулярный советник Иосиф Абрамович Ицын, членами правления – упомянутые выше учредители. Численность новой организации вскоре выросла до 200 человек. Ее отделения появились 3 июня 1907 г. в Ачинске, 7 июня в Канске, 19 декабря в одном из районов Красноярска. Ядро организации составляли активисты местной кадетской партии, которые вопреки уставу, официально напечатанному в газете «Сибирская жизнь», попытались предать деятельности политическую направленность. В своей работе они сочетала множество различных средств и приемов (ГАКК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 30. Л. 5; Д. 38. Л. 2 об., 15; Д. 39. Л. 5, 6, 13; Д. 40. Л. 4, 12; Д. 41. Л. 15, 20 об.).

При Лиге образования создавались различные комиссии, занимавшиеся: разработкой школьных программ; вопросами взаимоотношения семьи и школы; изучением постановки учебно-воспитательной работы в учебных заведениях; организацией Центральной педагогической библиотеки и передвижного Музея школьных пособий. Результатом их продуктивной работы явился весьма прогрессивный учебный план по основным предметам, принятый к исполнению на территории Восточной Сибири Иркутским областным съездом представителей школ Восточной Сибири (11–23 июня 1917 г.) (МУ АГМ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 302. Л. 14). Коллективом мужской гимназии было разработано специальное досье, представляющее сведения о «социальном портрете» каждого ученика и позволяющее выработать адресные действия администрации, учителей и семьи при оказании помощи и коррекции поведения. Правление Красноярского отделения предпри-

няло попытку слияния с «Обществом попечения о начальном образовании» (основано в 1884 г.). С этой целью собирались денежные взносы в его пользу. Енисейский театр давал спектакли. Силами актива устраивались любительские спектакли, гуляния за городом, в парках и на реке, публичные лекции, организовывались лотереи «Аллегри», пятачковые сборы и прочие мероприятия, дающие доход в казну. По утверждению Л.С. Чуруксаевой, полученные деньги расходовались на содержание учениц младших отделений I и II приходских училищ, хозяйственные нужды женского училища, выплату жалованья учительницам рукоделия. Из тех же средств беднейшим ученикам бесплатно раздавали обувь, теплую одежду и учебники (Чуруксаева Общество попечения ...). Идея объединения была отвергнута.

Стремление членов Красноярского отдела Лиги образования осуществлять агитационно-пропагандистскую деятельность было обнаружено жандармскими управлениями в конце 1908 г. Ее целью выступало уже не просвещение народных масс, а воспитание агитаторов и пропагандистов, подготовка и организация революционных брожений. Следуя указаниям Департамента полиции, сибирская администрация приложила максимум усилий к недопущению открытия новых инициатив граждан, препятствовала любым проявлениям их активности: запрещалось проведение съездов, выставок, публичные чтения и т. д. В 1913 г. правительство волевым порядком изменило устав Лиги образования с целью ограничения ее деятельности и ослабления организующей роли. Началась агония движения, приведшая к прекращению его деятельности в 1917 г.

Новая, неудачная попытка возрождения общественной инициативы в культурно-образовательной сфере была предпринята по инициативе Совета рабочих, солдатских, крестьянских депутатов Восточной Сибири в марте 1917 г. (ГАКК. Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 3. Л. 14). Опыт был скоротечным и непродуктивным. Масштабность и быстрота политических и социокультурных перемен, происходивших в стране, не позволила данным организациям развернуть свою деятельность. После прихода к власти большевиков большая часть общественных организаций была просто распущена.

Только в 2006 г., после 100-летнего перерыва в постсоветской России была возобновлена деятельность Лиги образования как общественного и педагогического движения. Инициатором этого выступило руководство Профсою-

за работников народного образования и науки Российской Федерации и Ассоциации профсоюзов работников непроектной сферы. Президентом была избрана председатель и одновременно вице-президент этих организаций Галина Меркулова. Помимо представителей профсоюзной и педагогической общественности, деятелей науки и культуры в возрождении и развитии структурной сети Лиги образования оказались заинтересованы и предприниматели, и чиновники от образования. Как и в далеком прошлом, возрождаемое их общими усилиями движение берется за поддержание любых частных инициатив в сфере реконструкции отечественного образования в рамках требований так называемого Болонского процесса и в условиях реализации либерального «реформаторского зуда» «птенцов Джорджа Сороса гнезда» в тогдашнем Министерстве образования и науки. Своим лозунгом она избрала три глагола: «**объединять, исследовать и вдохновлять**», взятых в единстве и взаимодействии. В члены Лиги вошли как общественные объединения, так и коммерческие структуры, известные деятели образования. Их активность направлена на глубокое познание достижений образовательных систем страны и мира; аккумуляцию новых идей, подготовку инновационных предложений по совершенствованию институтов современного образования. При этом часто бездумно и механически, без глубокого анализа. Широкая дискуссия в периодической печати и научно-педагогических изданиях по актуальным про-

блемам отсутствует. Однако, благодаря сотрудничеству с ведущими научными учреждениями, вузами и школами-лидерами Лига стремится накапливать потенциал для аналитической деятельности, прогнозирования и моделирования личных заказов граждан на образование, пробует организовать оказание образовательных услуг населению. И, наконец, Лига стремится **вдохновлять** людей, от которых зависят выдающиеся изменения в образовании, лидеров общественного мнения, способных повлиять на изменение отношения к образованию (Лига образования ...).

Сегодня в Красноярском крае, да и в стране в целом, в условиях коренных изменений всех государственных институтов и становления гражданского общества, в отношении Лиги образования сложилась ситуация, во многом (но не во всем) схожая с положением дел в этой сфере рубежа XIX–XX вв., в связи с чем этот исторический опыт становится вновь востребованным. При этом в историко-педагогических исследованиях, теориях, содержании и методиках деятельности, организационных структурах современной Лиги образования присутствуют неоднозначные оценки опыта деятельности Лиги образования на общероссийском и региональном уровнях и перспектив ее развития. Между тем в нынешней России появились новые задачи, новые вызовы. В свете сказанного слепое копирование без четкого осознания и анализа видится контрпродуктивным.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАКК** – Красноярское государственное казенное учреждение «Государственный архив Красноярского края»
МУ АГМ – муниципальное учреждение «Архив г. Минусинска»

ЛИТЕРАТУРА

- I Всероссийский педологический съезд. Москва. 1927–28 гг. 1928. Москва; Ленинград: Наркомпрос РСФСР.
- Антология по истории педагогики в России (первая половина XX века): Учебное пособие для студ. педагогических учебных заведений. 2000 // Овчинников А. В., Беленчук Л. Н., Лыков С. В. (сост.). Москва: Академия.
- Арзамасцева Л. С. 1999. Российские академики – основатели Лиги образования и Педагогической академии // Тропп Э. А. (отв. ред.) Петербургская Академия наук в истории академий мира: Материалы международной конференции: к 275-летию Академии наук (28 июня–4 июля 1999 г.). Т. 3. Санкт-Петербург: [б.и.].
- Бердников Л. П. 1996. Вся красноярская власть: Очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1916). Факты, события, люди. Красноярск: Красноярское книжное издательство.
- Бибикова В. В. 2011. Педагогические кадры в Приенисейском крае в 20-е годы XX века: Красноярск: Версо.
- Быконя Г. Ф., Федорова В. И., Безруких В. А. 2012. Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX века). Красноярск: Растр.
- ГАКК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 28.
- ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 269. Л. 16.
- ГАКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 5. Л. 28.

- ГАКК. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 2304. Л. 113.
ГАКК. Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.
ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.
ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 38. ЛЛ. 2 об, 15.
ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 39. ЛЛ. 5, 6, 13;
ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 40. ЛЛ. 4, 12;
ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 41. Л. 15, 20 об.
ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 42. Л. 16.
ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 47. Л. 7, 14 об, 22, 34.
ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 49. Л. 7об.
ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 74. Л. 5.
Государство, общество, образование в контексте цивилизационного подхода. 2015. // Соломатина Т. Б. (гл. ред.). Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс».
- Ищенко О. В.* 2008. Учащаяся молодежь Сибири в период первой российской революции 1905-1907 годов: характер протестных движений // Вестник Челябинского государственного университета 34, 148-160.
- Лига Образования 1910. // Ежегодник внешкольного образования. Чарнолуский В. И. (под ред.) Вып. 2. Москва: т-во И. Д. Сытина
- Лига образования: Официальный сайт // <http://eleague.ru/ru/informatsiya/> (2018. 15 янв.).
- Лига Образования. 1907. // Ежегодник внешкольного образования. Чарнолуский В. И. (под ред.) Вып. 1. Москва: т-во И. Д. Сытина.
- Лига Образования. Первый общий очередной съезд 28-31 дек. 1908 г. Доклады правления. 1909. № 1-17. СПб.
- Мезит Л. Э.* 2017. Формирование институтов гражданского общества в начале XX в. (на материалах Енисейской губернии) // Genesis: исторические исследования 3, 167-171.
- Мешалкин П. Н.* 1988. Красноярск: очерки истории города. Красноярск: Книжное издательство.
МУ АГМ Ф. 44. Оп. 1. Д. 302. Л.14.
- Отчет о деятельности Лиги Образования за 1907-1908 г. 1909. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза».
- Попов Д. В.* 2006. Культурно-просветительские организации и либерально-оппозиционное движение в Сибири в 1907-1914 гг. Омск: ОмГУ.
- Проект школьного закона с приложением примерного исчисления стоимости введения всеобщего образования в России: Принят Правлением Лиги Образования. 1908. Санкт-Петербург: Разум.
- Сабурова Т. А.* 1995. К вопросу о духовных интересах омской интеллигенции на рубеже XIX – нач. XX вв. // Проблемы истории Сибири XIX - начала XX вв. Омск: Омский государственный педагогический университет.
- Тебиев Б. К.* 1996. На рубеже веков: Правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России конца XIX - начала XX в. Москва: Интеллект.
- Толочко А. П.* 1989. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910-1914 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та.
- Тыркова-Вильямс А. В.* 1998. То, чего больше не будет: Воспоминания известной писательницы и общественной деятельницы А. В. Тырковой-Вильямс (1869-1962) // Тевекелян Д. (гл. ред.) / Предисл. В. Шелохаева / Комментар. В. Шелохаева, С. Шелохаева. М.: Слово/SLOVO. (Русские мемуары)
- Федорова В. И.* 2015. Школа – учитель – общество. Из истории народного образования Енисейской губернии XIX – начала XX в. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.
- Харусь О.А.* 1996. Либерализм в Сибири начала XX в. Идеология и политика. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Ценюга С. Н.* 2010. Становление и развитие теории и практики педологической работы в народном образовании Приенисейского края второй половины XIX-первой трети XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Красноярск.
- Ценюга С.Н.* 2012. Педологическая работа в народном образовании Приенисейского края. Конец XIX-первая треть XX вв. Саарбрюккен: Palmarium Academic Publishing.
- Чернышев В. В.* Общественная жизнь Красноярска после первой русской революции. По документам КГКУ «Государственный архив Красноярского края» // <http://xn----7sbbimrdkb3alvdfgd8eufwc.xn--p1ai/gosudarstvennyi-arkh/users/articles/561> (2018. 15 янв.)
- Чуруксаева Л. С.* Общество попечения о начальном образовании в Енисейске // http://xn----7sbbimrdkb3alvdfgd8eufwc.xn--p1ai/articles/stati_arhivistov/591 (2018. 15 янв.)
- Шевченко Д. В.* Вне политики. В ногу с прогрессом. Лига образования // <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text=&etext=1527> (2018. 15 янв.)
- Шелохаев В. В.* 1994. Либералы и массы (1907-1914 гг.) // Вопросы истории 12, 46-63.

Шилов А. И. 2011. Очерки истории образования Восточной Сибири в конце XIX начале XX вв. Красноярск: Государственный педагогический университет им. В.П.Астафьева.

REFERENGES

I Vserossijskij pedologicheskij s'ezd. Moskva.1927–28 [The first all-Russian pedagogical Congress. Moscow. 1927–28]. Moskva; Leningrad: Narkompros RSFSR, 1928. (In Russian).

Antologiya po istorii pedagogiki v Rossii (pervaya polovina XX veka): Uchebnoe posobie dlya stud. pedagogicheskikh uchebnykh zavedenij. [Anthology on the History of Pedagogy in Russia (first half of XX century): Textbook. A manual for students of teacher training institutions/ Comp. Ovchinnikov A. V., Belenchuk L. N., Lykov S. V.]. M.: Academia, 2000. (In Russian).

Arzamastseva L. S. In: Peterburgskaya Akademiya nauk v istorii akademij mira: Materialy mezhdunarodnoj konferencii (28 iyunya – 4 iyulya 1999 g) [St. Petersburg Academy of Sciences in the history of the academies of the world: Proceedings of the international conference (28 June – 4 July, 1999)] Ed. by Tropp E. A. SPb., Vol.3 (1999). (In Russian).

Berdnikov L. P. Vsy krasnoyarskaya vlast': Ocherki istorii mestnogo upravleniya i samoupravleniya (1822–1916). Fakty, sobytiya, lyudi [All Krasnoyarsk authorities: Essays on the history of local and self-governments: Facts, events, people]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatelstvo, 1996. (In Russian).

Bibikova V. V. Pedagogicheskie kadry v Prienisejskom krae v 20-e gody XX veka [Educational personnel in Yenisei region in 1920s]. Krasnoyarsk: Verso, 2011. (In Russian).

Bykonya G. F., Fedorova V. I., Bezrukikh V. A. Illyustrirovannaya istoriya Krasnoyariya (XVI – nachalo XX veka) [An illustrated history of Krasnoyarsk region (XVI – the early XX century)]. Krasnoyarsk: Rastr, 2012. (In Russian).

The State Archives of Krasnoyarsk region Fund 6. Inventory 1. Case 5. P 28. (In Russian).

The State Archives of Krasnoyarsk region Fund 827. Inventory 1. Case 269. P 16. (In Russian).

The State Archives of Krasnoyarsk region Fund 9. Inventory 1. Case 5. P 28. (In Russian).

The State Archives of Krasnoyarsk region Fund P-161. Inventory 1. Case 2304. P 113. (In Russian).

The State Archives of Krasnoyarsk region Fund P-258. Inventory 1. Case 3. P 14. (In Russian).

The State Archives of Krasnoyarsk region Fund P-6. Inventory 1. Case 30. P 5. (In Russian).

The State Archives of Krasnoyarsk region Fund P-6. Inventory 1. Case 38. P 2. (In Russian).

The State Archives of Krasnoyarsk region Fund P-6. Inventory 1. Case 39. P 5, 6, 13. (In Russian).

The State Archives of Krasnoyarsk region Fund P-6. Inventory 1. Case 40. P 4, 12. (In Russian).

The State Archives of Krasnoyarsk region Fund P-6. Inventory 1. Case 41. P 15, 20. (In Russian).

The State Archives of Krasnoyarsk region Fund P-6. Inventory 1. Case 42. P 16. (In Russian).

The State Archives of Krasnoyarsk region Fund P-6. Inventory 1. Case 47. P 7, 14. (In Russian).

The State Archives of Krasnoyarsk region Fund P-6. Inventory 1. Case 49. P 7. (In Russian).

The State Archives of Krasnoyarsk region Fund P-6. Inventory 1. Case 74. P 5. (In Russian).

Gosudarstvo, obshchestvo, obrazovanie v kontekste civilizacionnogo podhoda: kollektivnaya monografiya / gl. red. Solomatina T. B. [State, society, and education in the context of the civilizational approach / Ed. by Solomatina T. B.]. Cheboksary: CNS «Interactiv plus», 2015. (In Russian).

Ishchenko O. V. In: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]. No. 34 (2008): 148–160. (In Russian).

Liga Obrazovaniya // Ezhegodnik vneshkol'nogo obrazovaniya [League of Education // Yearbook of out-of-school education]. // Ed. by Charnolusky V. I. Vol. 2. Moscow: t-vo I. D. Sytina, 1910. (In Russian).

Liga Obrazovaniya // Ezhegodnik vneshkol'nogo obrazovaniya [League of Education // Yearbook of out-of-school education]. // Ed. by Charnolusky V. I. Vol. 1. Moscow: t-vo I. D. Sytina, 1907. (In Russian).

Liga Obrazovaniya [League of Education]. Available at: // <http://eleague.ru/ru/informatsiya/> (Accessed on 2018. 15 Jan.) (In Russian).

Liga Obrazovaniya. Pervyj obshchij ocherednoj s'ezd 28–31 dek. 1908 g. Doklady pravleniya [League of Education. First regular Congress 28–31 December, 1908. Reports of the Board]. N 1-17 (1909). (In Russian).

Mezit L. E. In: Genesis: istoricheskie issledovaniya [Genesis: Historical Research]. No. 3 (2017): 167–171. (In Russian).

Meshalkin P. N. Krasnoyarsk: ocherki istorii goroda [Krasnoyarsk: essays on the history of the city]. Krasnoyarsk: Knizhnoe izdatelstvo, 1988. (In Russian).

Municipal Establishment «Architecture of Minusinsk» Fund 44. Inv. 1. Case 302. P.14. (In Russian).

Otchet o deyatelnosti Ligi Obrazovaniya za 1907–1908 g. [Report on the activities of the League of Education for 1907–1908]. St. Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya polza», 1909. (In Russian).

Popov D. V. Kul'turno-prosvetitel'skie organizacii i liberal'no-oppozicionnoe dvizhenie v Sibiri v 1907–1914 gg [Cultural and educational organisations and liberal-opposition movement in Siberia in 1907–1914]. Omsk: OmGU, 2006. (In Russian).

Proekt shkol'nogo zakona s prilozheniem primernogo ischisleniya stoimosti vvedeniya vseobshchego obrazovaniya v Rossii: Prinyat Pravleniem Ligi Obrazovaniya [Draft law on schools with the inclosure of approximate cost estimate of the introduction of universal education in Russia: Adopted by the Board of the League Of Education]. St. Petersburg: Razum, 1908. (In Russian).

Saburova T. A. K voprosu o duhovnyh interesah omskoj intelligencii na rubezhe XIX – nach. XX vv. // Problemy istorii Sibiri XIX – nachala XX vv. [On the question of *spiritual interests* of *Omsk intelligentsia* at the turn of the 19th centuries. *Problems of the history of Siberia in 19th – early 20th centuries*]. Omsk: Omskii gosudarstvennii pedagogicheskii universitet, 1995. (In Russian).

Tebiev B. K. Na rubezhe vekov: Pravitel'stvennaya politika v oblasti obrazovaniya i obshchestvenno-pedagogicheskoe dvizhenie v Rossii konca XIX – nachala XX v. [At the turn of the century: Government policy in the field of education and socio-pedagogical movement in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. Moscow: Intellect, 1996. (In Russian).

Tolochko A.P. Politicheskie partii i bor'ba za massy v Sibiri v gody novogo revolyucionnogo pod"ema (1910–1914 gg.) [Political parties and struggle for the masses in Siberia in the years of new revolutionary rise (1910–1914)]. Tomsk: Izd-vo Tom.un-ta, 1989. (In Russian).

Tyrkova-Williams A. V. To, chego bol'she ne budet: Vospominaniya izvestnoj pisatel'nicy i obshchestvennoj deyatel'nicy A. V. Tyrkovej-Vil'yams (1869–1962) [What will be no more: Memories of famous writer and social activist A. V. Tyrkova Williams (1869–1962) // Ed. by Tavakilian D. M: Word/SLOVO. (Russian memoirs) (In Russian).

Fedorova V. I. Shkola – uchitel' – obshchestvo. Iz istorii narodnogo obrazovaniya Eniseiskoi gubernii XIX – nachala XX v. [School – teacher – society. From the history of public education in Yenisei province in the late 19th and early 20th centuries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii pedagogicheskii universitet im. V. P. Astafyeva, 2015. (In Russian).

Harus O. A. Liberalizm v Sibiri nachala XX v. Ideologiya i politika [Liberalism in Siberia in the early XX century. Ideology and politics]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEN), 1996. (in Russian)

Tseniuga S. N. Stanovlenie i razvitie teorii i praktiki pedologicheskoi raboty v narodnom obrazovanii Prieniseiskogo kraia vtoroi poloviny XIX – pervoi treti XX vv [Formation and development of the theory and practice of pedological work in public education in Yenisei region in the second half of the 19th and first third of the 20th centuries: An author's abstract of the thesis for the degree of Doctor of Pedagogical Sciences]. Krasnoyarsk 2010. (In Russian).

Tseniuga S. N. Pedologicheskaja rabota v narodnom obrazovanii Prieniseiskogo kraia Konets XIX-pervaia tret XX vv [Pedological work in public education in Yenisei region. The end of the 19th and first third of the 20th centuries]. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. (In Russian).

Chernyshev V. V. Obshchestvennaya zhizn' Krasnoyarska posle pervoj russoj revolyucii. Po dokumentam KGKU «Krasnoyarskij gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja» [Public life in Krasnoyarsk after the first Russian revolution. According to the documents of the State Archive of Krasnoyarsk Krai]. Available at: <http://xn---7sbbimrdkb3alvdfgd8eufwc.xn--p1ai/gosudarstvennyi-arkh/users/articles/561> (Accessed on 15.01.2018) (In Russian).

Churuksaeva L. S. Obshchestvo popecheniya o nachal'nom obrazovanii v Enisejske [Society for Elementary Education Care in Yeniseisk]. Available at: http://xn----7sbbimrdkb3alvdfgd8eufwc.xn--p1ai/articles/stati_arhivistov/591 (Accessed on 15.01.2018) (In Russian).

Shevchenko D. V. Vne politiki. V nogu s progressom. Liga obrazovaniya [Out of politics. Keeping pace with the progress. The League of education] Available at: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text=&etext=1527> (Accessed on 15.01.2018) (In Russian).

Shelokhayev V. V. In: Voprosi istorii [Questions of History]. No. 12 (1994): 46–63. (In Russian).

Shilov A. I. Ocherki istorii obrazovaniya Vostochnoj Sibiri v konce XIX nachale XX vv. [Essays on the history of education in Eastern Siberia in the late 19th - early 20th centuries]. Krasnoyarsk: Gosudastvennii pedagogicheskii universitet im. V. P. Astafyeva, 2011. (In Russian).

I. N. Tsenyuga, S. N. Tsenyuga
Krasnoyarsk, Russia

LEAGUE «EDUCATION» AND ITS IMPACT ON THE GROWTH OF SOCIAL CONSCIOUSNESS OF THE PROVINCIAL INTELLIGENTSIA (on materials of the Yenisei province)

Abstract. The article is devoted to the history of the establishment and development of a non-governmental organisation the «League of Education» with the purpose of celebrating its 100th anniversary. It was necessary not only to analyze the main areas of the organizational practice but also to compare its goals and objectives with the current «League of Education» which was founded in 2006. Therefore, the main tasks of this article were determined as follows: to identify the main national and regional socio-economical and socio-cultural factors and conditions that influenced the formation of the «League of Education»; to describe the socio-political composition of the

governing bodies; to determine the directions and nature of work with the view of using this historical experience in the current conditions. The following principles were used in the research: historicism, systematic approach and objectivity. Attempts were made to reconstruct the activities of non-governmental organisations in the sphere of propaganda and development of mass public education in provincial towns. After reviewing the database and following the analysis of scientific literature which explicitly or implicitly depicts the role of the «League of Education», the necessity of reflexion on the historical heritage becomes reasonable. Comprehension of the historical heritage is essential to study the phenomena of civil initiatives of outstanding scholars, educators and representatives of political organisations of both the Central Russia and provinces, the Yenisei province in particular. The revival of the League of Education in the first quarter of the 21st century became possible due to the cooperation of the leading scientific institutions, universities and school leaders. Its aim is the formation of analytical skills, forecasting and modeling of citizens' personal demands for education and comfortable educational environment, capable to change general attitude towards education.

Key words: League of Education; national education; civic initiatives; provincial intelligentsia; the Yenisei province.

About the authors: Irina Nikolaevna Tsenyuga¹, Candidate of historical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Russian History; Sergei Nikolaevich Tsenyuga², Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy.

Place of employment: Krasnoyarsk State Pedagogical University by V. P. Astafiev^{1,2}.

Ценюга И. Н., Ценюга С. Н. Лига образования» и ее влияние на рост социального самосознания провинциальной интеллигенции (на материалах Енисейской губернии) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2018. № 1. С. 36–46.

Tsenyuga I. N. Tsenyuga S. N. League «education» and its impact on the growth of social consciousness of the provincial intelligentsia (on materials of the Yenisei province) // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 1. P. 36–46.

УДК 94:504.03(571.1/5)''19''

А. В. Шмыглёва
Новокузнецк, Россия

ПРОЕКТ «ЮЖСИБРЕКИ» И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Аннотация. Одним из важнейших аспектов экологической истории является история освоения и преобразования водных экосистем, которые играют важную роль в жизни человека и являются важнейшим условием стабильного существования любого государства. На протяжении десятилетий в СССР прорабатывались идеи комплексного использования воды и предлагались различные схемы перераспределения водных ресурсов. В связи с обострением Арало-Каспийской проблемы внимание специалистов было обращено к огромной территории Обь-Иртышского междуречья, которая обладала необходимыми характеристиками. В статье рассматривается один из наиболее масштабных проектов перераспределения речного стока в народнохозяйственных целях - проект Южсибреки, предложенный А. Миллером-Шульгой. Он предусматривал сложную многоступенчатую систему переброски воды из рек Обь, Иртыш, Ишим, Томь, Чулым, Енисей, Ангара, Лена в Арало-Каспийский регион. По замыслу А.Миллера-Шульги, данный проект должен был привести к формированию «новой социалистической озерно-речной сети».

Большинство публикаций, связанных с перераспределением речного стока Сибирских рек, имеет эмоциональную окраску и зачастую не опирается на источники. Автором данной статьи предпринята попытка сравнения различных проектов на основе опубликованных и неопубликованных материалов с целью выявления их сходства и различий. С точки зрения автора, важно проследить динамику в процессе постановки и решения проблемы обеспечения водными ресурсами народного хозяйства, а также особенности восприятия проблемы переброски рек собственно разработчиками проектов.

Ключевые слова: проекты перераспределения водных ресурсов; Южсибрека; реки Сибири; Арало-Каспийский регион; экологическая история.

Сведения об авторе: Анна Владимировна Шмыглёва, кандидат исторических наук, доцент, директор Института фундаментального образования, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин

Место работы: Сибирский государственный индустриальный университет.

Контактная информация: 654007, Россия, г. Новокузнецк, ул. Кирова, д. 42;
e-mail: alisa-umka@yandex.ru.

В условиях глобального изменения климата в общественном сознании в последние годы наблюдается возобновление интереса к проблеме перераспределения части водных ресурсов Сибири в регионы Центральной Азии и Приуралья. Поиски путей рационального водопользования осуществлялись учеными СССР на протяжении всей его истории. С первых лет Советской власти вопросом «переброски» воды занимались как отдельные специалисты: Д. Букин (1920–1930 гг.), В. Монастырев (1923 г.), Н. Ботвинкин (1924–1934 гг.), А. Миллер-Шульга (1936–1950 гг.), М.М. Давыдов (1946–1955 гг.), так и крупные организации: институт Гидроэнергопроект (1949–1956 гг.), институт Гидропроект им. С.Я. Жука (1956–1968 гг.) и другие.

Несмотря на то, что СССР занимал первое место в мире по обеспеченности водными ресурсами, их неравномерное распределение внутри страны вызвало необходимость разработки различных схем, в частности, связанных с перераспределением водных ресурсов. Начиная с 1920-х гг. советские специалисты пытались решить Арало-Каспийскую проблему, прорабатывая схемы передачи воды, различающиеся пунктами водозабора, объемами и трассами водотоков (Воропаев, Бостанджогло 1984: 14–16). Учитывая проблему недостаточности водных ресурсов в районах Средней Азии, Казахстана, Калмыкии, Заволжья, Зауралья и Западной Сибири, ученые прогнозировали дальнейший рост потребности в воде и возрастание водного дефицита. Снабжение этих территорий было предложено рассматривать «в качестве общегосударственной перспективной задачи, на службу которой в основном и должна быть поставлена схема перераспределения наших водных богатств» (Миллер-Шульга 1938: 284).

В 1930-е гг. перед учеными Советского Союза были поставлены следующие задачи, связанные с развитием водопользования:

- развитие ирригации (орошение засушливых земель водами Днепра, Дона, Кубани, Терека, Волги, Белой, Урала, Ишима, Иртыша, Оби и др.);

- сельскохозяйственное обводнение крупных земельных массивов, испытывающих недостаток пресной воды (Южное Приднепровье, Северный Крым, Донбасс, Ставрополье, Калмыкия, Ишимская степь, левобережье Иртыша, Кулунда, Западная Туркмения и др.);

- обеспечение водоснабжения промышленных узлов и железнодорожного транспорта

(Москва, Магнитогорск, Сталиногорск, Донбасс, Караганда, Западно-Сибирская железная дорога);

- развитие гидроэнергетики;
- расширение водного транспорта;
- развитие рыбного хозяйства;
- компенсационное питание некоторых морских бассейнов (Арал, Каспий, Балхаш).

Рассматривая вопрос об использовании водных ресурсов в перспективном плане, специалисты выделяли три основных экономико-географических района: бассейн Волги, Среднюю Азию с Казахстаном и Западную Сибирь (Давыдов 1949: 102–104). Огромная территория Обь-Иртышского междуречья, обладающая подходящими гипсометрическими, геоморфологическими, геологическими, гидрогеологическими, гидрологическими и другими характеристиками, была признана учеными в качестве наиболее оптимальной для решения проблемы обеспечения водой Арало-Каспийского региона (Николаев, Пучкова 1980: 30–34). Вся территория Обь-Иртышского междуречья условно разделена на три части: южную, центральную и северную. Южная часть Обь-Иртышского междуречья включает бассейны рек Алей, Барнаулка, Касмала, Кулунда, Бурла, Карасук, Баган и др., центральная часть – Васюгана, Туя, Шиша, Уя и Тары, в состав северной части входят бассейны Туртаса, Демьянки, Салыма и Югана. Данные, полученные в результате исследований Обь-Иртышского междуречья, позволили поставить вопрос о комплексном использовании водных ресурсов этого региона для обводнения засушливых районов Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии с одновременным осушением его сильно переувлажненной территории. Специалисты выдвигали следующие аргументы: Западная Сибирь богата водными ресурсами и одним лишь стоком Енисея и Оби можно наполнить за год Аральское море; для орошения земель в Западной Сибири необходимо 10 % воды одной Оби; для нужд судоходства достаточно оставить 30 км³ годового стока Енисея и Оби (Давыдов 1949: 104). «В нижнем течении Оби и Енисея имеются большие излишки речного стока, бесполезно стекающего в Карское море... Сколько же воды уходит по этим рекам «зря!»» – писал инженер Гидроэнергопроекта Министерства Электростанций СССР М.М. Давыдов.

Характеризуя ситуацию, которая сложилась в середине 1930-х гг. в сфере проектирования водохозяйственных схем, А. Миллер-Шульга отмечал, что ранее создавались отдель-

ные, не связанные между собой в гидрологическом отношении водохозяйственные узлы и «решались задачи использования гидроресурсов отдельных речных участков». Поэтому «планирование водного дела в этот период было представлено участковой проблематикой, складывавшейся из гидрологически никак не связанных между собой хозяйственных мероприятий». Под влиянием развития народного хозяйства появилась «необходимость ориентироваться уже не на отдельные точки, а на группы гидроузлов... В современных условиях вопрос об изъятиях и перебросках значительно усложняется. Возрастает общее количество воды, забираемых из естественных водоемов, увеличивается круг потребителей и растет дальность перебросок». Новые масштабы заставляют рассматривать всю хозяйственную тематику в широком межхозяйственном разрезе, под углом зрения общегосударственных интересов». В связи с этим в стране начали разрабатываться схемы пространственного перераспределения водных ресурсов «в масштабах, до сих пор еще не применявшихся в практике даже передовых капиталистических стран» (Миллер-Шульга 1938: 278).

Эти задачи предполагалось решать путем разработки бассейновых и районных схем. Однако, по мнению А. Миллера-Шульги, все предложенные проекты перераспределения речного стока проводились «совершенно бессистемно - от случая к случаю, без какой-либо объединяющей общей идеи и без надлежащей углубленной проверки их с точки зрения общегосударственных интересов всего, взятого в целом, водного хозяйства страны... В результате в ряде случаев мы имеем противоречащие друг другу или альтернативные решения, а в остальных случаях - отсутствие сколько-нибудь твердой уверенности в полноте и безошибочности выдвинутых схем» (Миллер-Шульга 1938: 282). В качестве примера он приводил проекты, направленные на орошение Заволжья, Кулундинской степи, по обводнению Западной Туркмении, в которых для одних и тех же целей предполагалось использовать либо различные водоисточники, либо различные участки одной и той же реки. Так, для орошения Кулундинской степи были предложены различные варианты схем, предусматривающие использование как Иртыша, так и Оби. Аналогичную идею высказывал М.М. Давыдов, по мнению которого, следовало «связать все эти разрозненные проекты и схемы в единый комплекс, с осуществлением которого между разобщенными ны-

не речными бассейнами устанавливается тесная взаимосвязь, обуславливающая рациональное использование их водных ресурсов в народном хозяйстве нашей родины» (Давыдов 1949: 105).

По мнению А. Миллера-Шульги, «выбор решения по проблемам изъятий и перебросок представляет чрезвычайно сложную и ответственную комбинационную задачу общетерриториального, межрайонного масштаба. Правильное решение этой задачи может быть найдено лишь в рамках общегосударственной генеральной схемы перераспределения водных ресурсов». Ее содержание должно определяться количественной характеристикой и местоположением главных водопотребителей, а так же количественной характеристикой и географической локализацией водных ресурсов. Как писал А. Миллер-Шульга, «выявленный между ними разрыв будет служить мерой, определяющей направление схемы перераспределения водных ресурсов» (Миллер-Шульга 1938: 283–284).

В качестве одного из основных источников воды для переброски в Арало-Каспийский бассейн он предлагал использовать реки Обь-Иртышского бассейна. Учитывая топографические условия передачи стока Обь-Иртышского бассейна в Арало-Каспийскую замкнутую впадину, осуществить переброску воды на юг было возможно лишь с применением насосных установок, поднимающих воду на высоту 30–40–50 м (Миллер-Шульга 1938: 282). Схема планируемой переброски выглядела следующим образом: создание плотин в устье р.Тобол, на р.Оби в районе Новосибирска и на р.Томи в районе Кемерово должно привести к направлению воды в р.Иртыш через Кулундинские степи. Сток Оби и Иртыша, переброшенный через Тургайский водораздел, по долине Тургая самотеком будет направлен в систему озер Челкар – Тениз. Приток воды должен вызвать подъем уровня озер до отметок, за которыми начинается падение высот по направлению к Аральскому морю. Далее вода самотеком будет направляться в Аральское море, а затем в Сарыкамышскую котловину и далее в русло Узбоя. Кроме того, в междуречных низинах самого Обь-Иртышского бассейна планировалось образование новых озерных поверхностей, создание больших оросительных площадей и обводнение территории Кулундинских, Барабинских, Прииртышских и Ишимских степей. В общей сложности планировалось изъять из стока Оби и Иртыша до 180 км³.

Районные и побассейновые схемы, предложенные в проектах-предшественниках, пред-

назначались для удовлетворения потребностей крупных водопользователей: гидроэнергетики, ирригации, водного транспорта, коммунально-бытовых и производственных потребителей, рыбного хозяйства. Указывая на необходимость создания общегосударственной схемы, А.Миллер-Шульга предложил рассматривать ее задачи шире – в контексте перспективы изменения климата. Он считал, что при разработке генеральной схемы перераспределения водных ресурсов необходимо перенести акцент с водохозяйственного аспекта на климатический, и в процессе планирования гидротехнических мероприятий запроектировать мероприятия для мелиорации общего влагооборота страны, а водохозяйственные вопросы решать попутно (Миллер-Шульга 1938: 285).

Выступая 23–24 января 1951 г. на заседаниях Российского Географического общества, А.А. Миллер-Шульга отмечал: «Неотложные хозяйственные задачи, стоящие перед районами Урала, Сибири и Казахстана, требуют развертывания уже в ближайшее время большого

гидротехнического строительства на ряде сибирских рек. Масштаб предстоящего водохозяйственного строительства на сибирских реках превзойдет namного размах первых строек коммунизма, осуществленных на реках, впадающих в наши южные моря. Первоочередные объекты могут быть в данном случае правильно намечены и верно запроектированы лишь в рамках общего плана использования водных и гидроэнергетических ресурсов Сибири» (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 265. Л. 2).

Для выработки наиболее оптимального решения он предлагал обратиться к опыту своих предшественников, проанализировать достоинства и недостатки предложенных ими проектов и реализовать на практике тот, который с одной стороны, будет удовлетворять потребностям всех крупных водопользователей, а с другой - будет экономически обоснован. Описание наиболее важных, по мнению Шульги, проектов содержится в его докладе. Сведения о каждом из описанных проектов можно кратко представить в виде таблицы.

Проект	Автор	Технический замысел	Предполагаемый результат
Енисей-Обь-Арало-Каспийского водохозяйственный комплекс	Я.Г. Демченко, 1924 г.	Плотина на Оби ниже устья Иртыша с напором около 75 м. Смотечный водозабор из залива в долине р. Тобола. Глубокий прокоп Тургайского водораздела. Пропуск сибирских вод по руслу Тургая, через Аральское море, Узбой в Южный Каспий. Увеличение объема водной площади в Арало-Каспийской низменности.	Использование сибирских вод на орошение, обводнение, новые водные пути, рыбное хозяйство. Улучшение климата (увлажнение) через несколько лет.
Енисей-Обь-Каспийский водохозяйственный комплекс	Н.Н. Ботвинкин, 1924-1934 гг.	Переброс Сибирских рек в Арало-Каспийский бассейн. Создание вблизи Урала водохранилища для сибирских вод с подпорной отметкой 80 м. Смотечный водозабор из залива в долине р.Тобол в глубокий прокоп, сооружаемый через весь Тургайский водораздел. Выход в низовья Тургая на отметку около 65 м. Компенсационное питание Аральского моря и подъем его уровня (г.в. 57 м). Пропуск вод через Сары-Камыш (г.в. 50 м) и Узбой. Компенсационное питание Каспия (около 75 км ³ в год).	Сохранение рыбохозяйственного, транспортного и климатического значения Каспийского и Аральского морей. Создание мощной энергетики на северном склоне и на Южном Арало-Каспийском склоне. Насосно-механическое орошение и обводнение нескольких десятков миллионов га Туранских земель, Облесение Средней Азии. Водный путь Енисей-Обь-Арал-Южный Каспий. Преобразование климата, смягчение суховея, облесение Средней Азии и Казахстана.
Енисей-Кеть-Обской гидроэнергетический комплекс	А.Макаров	Переброска в пределах Карского бассейна. Мощная высоконапорная ГЭС на северном склоне, на нижней	Использование: выработка энергии на мощной ГЭС на нижней Оби (ниже устья Иртыша) для снабжения про-

		Оби, выше устья Иртыша. Захват Енисея высоконапорной плотиной в рай устья Подкаменной Тунгуски. Енисейское водохранилище с г.в. около 110 м. Переброска Енисея через Кеть-Красовский водораздел в Кеть и далее в Обь.	мышленности Урала и на ГЭС на р. Кеть для снабжения промышленности Западной Сибири. Новый водный путь Енисей-Обь.
Енисей-Обь-Арало-Каспийский водохозяйственный комплекс	Гидроэнергопроект Министерства Электростанций СССР (руководитель проекта инженер М.М. Давыдов)	<u>Часть А: Переброска в пределах Карского бассейна.</u> Мощная высоконапорная ГЭС на северном склоне, на нижней Оби (ниже устья Иртыша). Захват Енисея высоконапорной плотиной в районе устья Подкаменной Тунгуски. Енисейское водохранилище с г.в. ок 110 м. Переброска Енисея через Кеть-Красовский водораздел в Кеть и далее в Обь.	<u>Часть А:</u> Выработка энергии на мощной ГЭС на Оби (ниже устья Иртыша) для снабжения промышленности Урала и на ГЭС на р.Кеть для снабжения промышленности Западной Сибири. Новый водный путь Енисей-Обь
		<u>Часть Б: Переброска сибирских вод в Арало-Каспийский бассейн.</u> Технический замысел: Создание вблизи Урала водохранилища для сибирских вод с подпорной отметкой 75 м. Самотечный водозабор из залива в долине р.Тобол в глубокий прокоп, сооружаемый через весь Тургайский водораздел. Выход в низовья р.Тургай на отметку 65 м. Компенсационное питание Аральского моря и подъем его уровня (г.в.50 м). пропуск вод через Сары-Камыш (г.в. 51 м) и Узбой. Компенсационное питание Каспия (около 75 км ³ в год).	<u>Часть Б:</u> Переброска сибирских вод в Арало-Каспийский бассейн. Сохранение рыбохозяйственного, транспортного и климатического значения Каспийского и Аральского морей. Создание мощной гидроэнергетики на Аральско-Каспийском склоне для насосно-механического орошения и обводнения нескольких десятков миллионов га Туранских земель и в Приаралье. Водный путь Енисей-Обь-Арал-Южный Каспий. Преобразование климата. Смягчение суховея. Облесение Средней Азии и Казахстана.
Водный путь Семипалатинск-Тургайский перевал-Маньчи-Ростов	В.А. Монастырев, 1924	Забор 10–12 км ³ вод из Иртыша в районе Семипалатинска и 2 км ³ стока из Ишима в район горы Чабанай.	Орошение 1300 тыс. га в Северном Казахстане. Использование стока Иргиза и Тургая для орошения 350 тыс. га в низовьях Тургая.
Водный путь из Семипалатинска в Северный Каспий через Тургайский перевал	Д.Д. Букинин, 1922 г.	Забор воды из Ишима и Иртыша, глубокий прокоп через Усть-Урт в долину р. Чеган и в Комсомольский залив Северного Каспия.	Орошение 500 тыс. га в бассейне Тургая водами Ишима и создание водного пути из Иртыша от Семипалатинска через Тургайский перевал, по руслу р. Тургай в Арал, затем в Каспий

Самим автором в разные годы было предложено несколько схем. Схема территориального перераспределения речного стока, разработанная в Энергетическом институте АН СССР в 1936 г., предусматривала переброску в Иртыш через Кулундинскую степь, по долине р. Бурлы стока Верхей Оби и Ини (от Новоси-

бирска) и Томи (от Кемерово через Унгу и Иню). Планировалось построить плотину на Иртыше у Тобольска, осуществить насосный подъем 120 км³ в год Иртыш-Обь-Томских вод из залива в долине р.Тобол (г.в. 70 м) на Тургайский перевал (г.в. водораздельного бьефа

118 м). Воду планировалось использовать комплексно для следующих целей:

- энергоснабжения Западной Сибири и Северного Казахстана,
- орошения и обводнения Кулундинских, Прииртышских и Ишимских степей. Для этого предусматривалось изъятие 60 км³ воды.
- развития глубоководного транспорта, связывающего Кузбасс с Уралом (через Иню, Верхнюю Обь и Казахстан) (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 265. Л. 5).
- водоснабжения Туркмении и всего приаральского региона, новой ирригации в бассейне Тургая, низовьях Сырдарьи, Амударьи и на восточном побережье Каспия,
- рыбопромышленного освоения новых озер.

Схема 1938 г. включала создание высоконапорной плотины в низовьях Енисея (р-н Игарки), Нижне-Енисейского водохранилища (г.в. около 100 м), переброску стока всего Енисейского бассейна (около 500 км³) через ГЭС на р.Кеть в р.Обь. На Нижней Оби (ниже устья Иртыша) планировалось построить высоконапорную плотину и ГЭС, Нижнеобское водохранилище с г.в. около 70 м. По сравнению с предшествующей схемой, в проект 1938 г. было включено энергоснабжение Урала от высоконапорной ГЭС на Нижней Оби (ниже устья Иртыша) и расширено орошение Аральско-Каспийского района в соответствии с планируемым увеличением водосбора со 120 до 275 км³ в год (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 265. Л. 5). Схема 1938 г. достаточно подробно была описана А.А. Миллером-Шульгой в статье, опубликованной в 1938 г. (Миллер-Шульга 1938: 278–312).

Оценивая разработки своих предшественников, А.А. Миллер-Шульга отмечал оригинальные идеи «пионеров» - Демченко, Ботвинкина и Макарова - научное наследие которых оказало большое влияние на всех исследователей и проектировщиков. Под воздействием работ Ботвинкина и Макарова создавались схемы Энергетического института АН СССР (1936–1938 гг.), разработанные под руководством самого А.А. Миллера-Шульги. Их идеи также были положены в основу проекта, осуществленного Гидроэнергопроектом под руководством инженера М.М. Давыдова (Давыдов 1949: 102–111).

По мнению А.А. Миллера-Шульги, в военных разработках Энергетического института АН СССР присутствовали три наиболее важных новых предложения:

1) о переброске в Обь стока всего бассейна Енисея при помощи Игарской плотины;

2) о переброске Томи через Уньгу и Иню в Обь и о переброске последней вместе с Томью через Кулундинскую степь к Иртышу;

3) о переброске больших объемов Сибирского стока через перевальные отметки Тургайского водораздела.

В то же время, в описанных выше схемах А.А. Миллер-Шульга отмечал ряд недостатков:

- сооружение высоконапорной плотины ниже устья Иртыша,
- высокие подпоры в обжитых долинах Иртыша, Тобола и их притоков,
- глубокий Тургайский прокоп,
- глубокий Усть-Уртский прокоп,
- подъем уровня и сохранение Арала за счет сибирских вод и другие.

Все неудачные предложения, по мнению автора, являлись следствием одной общей методологической ошибки, допускавшейся авторами проектов. Он сформулировал эту ошибку так: «Большинство схем конструировалось на основе априорной, т.е. наперед задуманной технической концепции переброски сибирского стока в Арало-Каспийскую низменность. При этом первоначальный технический замысел не был увязан с экономическими критериями и требованиями потребителей воды» (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 265. Л. 7).

Именно указанные недостатки проектов привели к разработке новой концепции, которая нашла отражение в схеме Южсибреки, которая была предложена А.А. Миллером-Шульгой и одобрена Советом по изучению производительных сил (СОПСом) АН СССР. Генеральный план проекта использования сибирских рек, по замыслу разработчиков, должен был стать единым для главнейших речных бассейнов Сибири и соответствовать следующим требованиям:

а) экономическая обоснованность. По мнению Шульги, «природно-географические и геотехнические моменты не должны служить определяющим началом «водного ГОЭЛРО». Они лишь должны быть учтены и когда это экономически целесообразно, использованы, или же наоборот, преодолены и преобразованы» (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 265. Л. 7).

б) комплексность, согласованность между важнейшими водопотребителями (отраслями и районами);

в) расчлененность на самостоятельные строительные-эксплуатационные части;

г) перспективность.

А.А. Миллер-Шульга считал, что первоочередные и перспективные требования народного хозяйства могут быть удовлетворены уже в скором времени за счет рек Сибири. К первоочередным задачам он относил:

1. Снабжение водой районов неустойчивого и недостаточного увлажнения Западной Сибири, Казахстана, Южного Урала, Юго-Восточного Заволжья и Средней Азии.

2. Обеспечение гидроэнергией водного хозяйства Сибири, Урала, Казахстана, Северной части Средней Азии. Размещение основных потребителей электроэнергии — металлургия, электрохимия, тяжелое машиностроение, строительная индустрия, железная дорога.

3. Усиление роли водного транспорта. Разгрузка железной дороги и передача на воду главнейших массовых грузов Сибири, Казахстана, Урала, Средней Азии (лес, уголь, руды, металлургия, строительные материалы, нефть, зерно). Создание глубоководного пути с выходом к металлургическим центрам Южного Урала, в Среднюю Азию, Северный Каспий.

4. Экономический комплекс Каспия. Развитие рыбных промыслов.

5. Экономический комплекс Арала. Проблема комплексного использования усыхающего моря. Нецелесообразность подъема уровня моря за счет сибирских рек.

6. Рыбный промысел - создание новых высокопродуктивных бассейнов и развитие озерных внутренних водоемов.

7. Преобразование климата (в частности ликвидация пустынных очагов суховея, запыленности юго-востока) (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 265. Л. 8).

Для решения перечисленных задач он предлагал осуществить «коренное преобразование сибирских рек», которое должно включать «перехват речного стока плотинами и водохранилищами, создание новых рек, озер, новых источников гидроэнергии, создание подпор и каскадов, преобразование естественного неупорядоченного режима стока в режим хозяйственный (зарегулированный)».

Новизну проекта, его радикальные отличия от предшественников, Миллер-Шульга обосновывал так: «Все эти гидро-географические преобразования являются взаимосвязанными сторонами, моментами планомерного, экономически целеустремленного созидания новой социалистической озерно-речной сети Союза. Новой прежде всего по своему народнохозяйственному назначению. Новой по форме, а также по качественным и количественным

своим характеристикам» РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 265. Л. 9). Действительно, схема Южсибреки имела существенные отличия от других проектов, поскольку она, по замыслу авторов, «создает новое, рациональное размещение водных и гидроэнергетических ресурсов на значительной части СССР, контролирует, объединяет, регулирует, перераспределяет и изменяет по высотному положению сток трех крупнейших речных бассейнов Союза - Обского, Енисейского и Ленского, в сумме в несколько раз превосходящей водоносность Волги». Суммарная выработка электроэнергии должна была составить 120 млрд. квт/час.

Реализация столь амбициозного и глобального по своим масштабам проекта должна была осуществляться последовательно и включала несколько независимых этапов формирования Южсибреки:

1. Обь-Иртышский
2. Томский
3. Верхне-Ленский
4. Нижне-Енисейский
5. Верхне-Ленский
6. Нижне-Ленский (заполярный).

В основу проекта был положен принцип последовательного подключения одной за другой рек, превращаемых в притоки Южсибреки: Ишима, Иртыша, Верх Оби, Томи, Чулыма, Верховьев Енисея, Ангары, Лены. С оптимизмом Шульга описывал перспективу реализации проекта: «долины всех рек будут заперты плотинами, плотины образуют водохранилища, которые задержат, поднимут и зарегулируют речной сток. Каналы свяжут между собой эти долинные водоемы. Вновь созданные озера станут системой водных ступеней (бьефов), последовательно спускающихся с высоких отметок на востоке на более низкие отметки сначала на запад (к Уралу), а затем к югу (в Сев Прикаспийскую и Туранскую низменности).

Таков общий технический замысел Южно-Сибирской реки, передающей свои воды и заключенную в ней гидравлическую энергию к Уралу, на перевальные отметки Тургайского и Усть-Уртского водоразделов и отсюда в Северную прикаспийскую и Туранскую низменности» (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 265. Л. 10). Завершая картину, А. Миллер-Шульга напомнил о том, что схема Южсибреки «осуществляется в эпоху смены советским обществом социалистического уклада и перехода к строительству развернутого, полнокровного коммунизма».

За длительный срок проработки Обь-Арало-Каспийской проблемы было предложено

несколько проектов ее практической реализации. Кроме проекта «Южсибреки», были предложены схемы строительства высоких или низких плотин в долинах рек Обь и Иртыш с самоотечным или механическим подъемом воды до максимальных абсолютных отметок Тургайского водораздела. Один из вариантов передачи сибирской воды в Арало-Каспийскую низменность был одобрен в 1949 г. правительственной комиссией, однако в 1951 г. работы по его реализации приостановили из-за возникших сомнений в экологической безопасности проекта.

В заключении отметим, что поиски путей решения проблемы продолжались во второй половине XX в. Учеными были предложены проекты переброски части стока сибирских рек через Урал в бассейны Печоры, Камы, Волги и далее по каналам в р. Урал и в Среднюю Азию, их осуществление предполагало забор воды из Оби у г. Салехарда. В результате длительного обсуждения было принято решение о том, что за основу разработки единой системы перераспределения речного стока Западной Сибири следует принять проект «антиреки». Его реализация предусматривала забор воды из Оби ниже устья Иртыша у с. Белогорье. Между с. Белогорье и г. Тобольском на р. Иртыше планировали возведение ряда низконапорных плотин нового типа с целью образования каскада водохранилищ. Затем мощными насосами обскую воду планировалось перекачивать из одного водохранилища в другое до района г. Тобольска. От последнего пункта до максимальной отметки Тургайского водораздела воду собирались поднять системой насосных станций, а от его греб-

ня - пустить самотеком в засушливые районы Казахстана и Средней Азии.

По мнению авторов, основное достоинство этого проекта заключалось в том, что он должен сохранить потенциальные запасы водных ресурсов бассейнов верхнего и среднего течения Оби и Иртыша для орошения южных равнин Западной Сибири (Николаев, Пучкова 1980: 34). Таким образом, проект «антиреки» должен был свести перераспределение речного стока Западной Сибири к решению единственной задачи – обводнению южных районов Среднего региона СССР. Задача орошения сельскохозяйственных областей Ишимской степи, Барабы и Кулунды и проблема осушения центральной части Западно-Сибирской равнины должна была решаться областными мелиоративными организациями, которые не имели необходимых ресурсов для выполнения такого масштабного проекта.

По мнению специалистов, реализация проекта «антиреки» вызвала бы затопление и заболачивание больших территорий Нижнего Прииртышья, ухудшение условий судоходства, нарушение естественных условий для воспроизводства рыбы и многие другие нежелательные изменения природных условий центральной зоны Обского бассейна. Поэтому было принято решение продолжать поиски более рациональных решений в проектной проработке Обь-Каспийской проблемы: должен быть одобрен «только тот проект, который одновременно может обеспечить эффективное использование природных ресурсов Средней Азии, Казахстана и Западной Сибири на основе взаимной выгоды» (Николаев, Пучкова 1980: 34).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- РГАЭ** – Российский государственный архив экономики
ГОЭЛРО – государственный план электрификации РСФСР
СОПС АН СССР – Совет по изучению производительных сил Академии Наук СССР.

ЛИТЕРАТУРА

- Воропаев Г. В., Бостанджогло А. А.* 1984. Проблема изъятия, переброски и распределения части стока сибирских рек для районов Западной Сибири, Урала, Средней Азии и Казахстана. М.: ИВП АН СССР.
- Давыдов М. М.* 1949. Обь будет впадать в Каспийское море (Енисей-Обь-Арал-Каспийская водохозяйственная и энергетическая проблема) // Сибирские огни 2, 102–111.
- Миллер-Шульга А. А.* 1938. О территориальном перераспределении водных ресурсов (К проблеме единой водохозяйственной схемы Союза) // Энергетические ресурсы СССР. Т.2. Под общей ред. Г. М. Кржижановского. М.: Изд-во АН СССР, 278–312.
- Николаев В. А., Пучкова Д. В.* 1980. Пути комплексного использования водных ресурсов Обь-Иртышского междуречья в решении Обь-Каспийской проблемы // Сакс В. Н. (отв. ред.) Влияние перераспределения стока вод на природные условия Сибири. Новосибирск: Наука, 30–34.
- РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 265. Л. 2.
 РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 265. Л. 5.
 РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 265. Л. 7.

РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 265. Л. 8
 РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 265. Л. 9
 РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 265. Л. 10.

REFERENCES

Voropayev G. V., Bostandzhoglo A. A. Problema iz'yatiya, perebroski i raspredeleniya chasti stoka sibirskikh rek dlya rayonov Zapadnoy Sibiri, Urala, Sredney Azii i Kazakhstana [The problem of withdrawal, transfer and redistribution of part of the Siberian rivers runoffs for the regions of Western Siberia, the Urals, Central Asia and Kazakhstan]. M.: IVP AN SSSR, 1984. (In Russian).

Davydov M. M. In: *Sibirskiye ogni* [Siberian Lights]. Vol. 2. (1949): 102–111. (In Russian).

Miller-Shul'ga A. A. O territorial'nom pereraspredelenii vodnykh resursov (K probleme yedinoi vodokhozyaystvennoy skhemy Soyuzu) // *Energeticheskiye resursy SSSR. T.2.* [On territorial redistribution of water resources (To the problem of the united water management scheme of the Union) // *Energy resources of the USSR*]. (Ed. by) Krzhizhanovskiy G.M. M.: Izd-vo AN SSSR, Vol. 2, 1938. Pp. 278–312. (In Russian).

Nikolayev V. A., Puchkova D. V. In: *Vliyaniye pereraspredeleniya stoka vod na prirodnyye usloviya Sibiri* [Influence of redistribution of water run-offs on the natural environment of Siberia. Ed.by Saks V.N.] Novosibirsk: Nauka, 1980. Pp. 30–34. (In Russian).

Russian State Archive of Economics. Fund 399. Inventory 1. Case 265. Page. 2.

Russian State Archive of Economics. Fund 399. Inventory 1. Case 265. Page. 5.

Russian State Archive of Economics. Fund 399. Inventory 1. Case 265. Page. 7.

Russian State Archive of Economics. Fund 399. Inventory 1. Case 265. Page. 8.

Russian State Archive of Economics. Fund 399. Inventory 1. Case 265. Page. 9.

Russian State Archive of Economics. Fund 399. Inventory 1. Case 265. Page. 10.

A. V. Shmygleva
Novokuznetsk, Russia

«YUZHIBREKI» PROJECT AND ITS PREDECESSORS

Abstract. One of the most important aspects of environmental history is the history of the development and transformation of aquatic ecosystems, which play an important role in human life and represent an essential condition for any stable state. In the USSR ideas for integral water resources management were studied for decades and various schemes of water resources reallocation were proposed. As the Aral-Caspian problem worsened/, specialists focused on the vast territory of the Ob-Irtysh interfluvium which had the necessary characteristics. The article considers one of the most ambitious projects on the river runoff redistribution for economic purposes, i.e. the Yuzhsibreki project developed by A. Miller-Shulga. The project suggested a complex multi-stage water transfer scheme from the Ob, Irtysh, Ishim, Tom, Chulym, Yenisei, Angara and Lena to the Aral-Caspian region According to A. Miller-Shulga this project was to result in the creation of a «new socialist lake-river network».

Most publications dealing with the Siberian rivers runoff redistribution have an emotional connotation and are often not based on primary sources. The author makes an attempt to compare different projects on the basis of published and unpublished materials in order to identify their similarities and differences. From the author's point of view, it is important to track the dynamics in the process of setting and solving the problem of supplying the national economy with water resources, as well as to consider the perception of river reversal problem by the project developers themselves.

Key words: projects for water resources redistribution; Yuzhsibreka; rivers of Siberia; the Aral-Caspian region; environmental history.

About the author: Anna Vladimirovna Shmygleva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director of Institute of Fundamental Education, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines.

Place of work: Siberian State Industrial University.

Шмыглёва А. В. Проект «Южсибреки» и его предшественники // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 1. С. 46–54.

Shmygleva A. V. «Yuzhsibreki» project and its predecessors // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 1. P. 46–54.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 93/94

М. В. Барабанов
Москва, РоссияИНТЕРЕСЫ И ДИВИДЕНДЫ ЗАПАДА В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ
В КОНЦЕ 60-х – 70-е ГОДЫ XX ВЕКА

Аннотация. В статье делается попытка вскрыть глубинные интересы Запада в разворачивании экономического сотрудничества с социалистическими странами в годы «разрядки», а также выявить дивиденды, которые получали западные страны от интенсификации связей со странами социализма в экономической сфере. Подчеркивается, что разворот в сотрудничестве Запада с Востоком был предопределен тяжелыми обстоятельствами, возникшими в мировой рыночной экономике еще в первой половине 60-х гг. XX века. Решение экономических проблем Запада возможно было только в обстановке безопасности и сотрудничества на европейском континенте и в мире в целом. Встав на путь «разрядки», политического и экономического сотрудничества с восточным блоком, западные страны свое позитивное отношение к этому сотрудничеству представляли своей и мировой общественности и как «благотворительность», и как необходимость, якобы вытекающая из объективного процесса интеграции двух экономических моделей, и как инструмент укрепления мира и безопасности. При этом они стремились скрыть свои политические интересы. Выявление этих глубинных интересов, а также дивидендов, которые получали западные страны от интенсификации связей в экономической сфере со странами социализма в годы «разрядки», авторы проводят на основе различных статей и аналитических материалов зарубежных исследователей, вышедших по «горячим следам» – в 70-е – начале 80-х гг. XX века. В заключение делаются выводы и обобщения, проводятся исторические параллели, а также говорится об уроках, вытекающих из анализа рассмотренной страницы новейшей истории.

Ключевые слова: «разрядка»; Запад; Восток; социалистические страны; восточный блок; экономическое и политическое сотрудничество; Совет экономической взаимопомощи; Координационный комитет по экспортному контролю; санкции, модернизация.

Сведения об авторе: Максим Валерьевич Барабанов, кандидат политических наук, магистр истории, независимый исследователь.

Контактная информация: 117513, Россия, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 123; e-mail: maxim112007@yandex.ru.

Во многих отечественных и зарубежных исследованиях «разрядку» в международных отношениях связывают с 70-ми годами XX века; это не совсем точно – уже во второй половине 60-х годов были налицо признаки этой «разрядки».

В большом пласте научной и политической литературы, посвященной времени разрядки международной напряженности, можно увидеть различные точки зрения и подходы. Одни исследователи и аналитики видят в «разрядке» продолжение «холодной войны» иными средствами, другие – своеобразную «передышку», третьи рассматривают «разрядку» через призму реализации Западом и Востоком собственных геополитических и идеологических приоритетов.

Масштабы экономического сотрудничества Запада и Востока и его основные направления довольно обстоятельно изложены на страницах научных и политических изданий.

Нашей задачей является вскрытие глубинных интересов Запада в разворачивании экономического сотрудничества, в выявлении дивидендов, которые получали западные страны от интенсификации связей с социалистическими странами в экономической сфере в годы «разрядки».

Нужно заметить, что вопреки существующей точке зрения, приписывающей инициативу «разрядки» западным лидерам, термин «разрядка» впервые появился в документах КПСС. В Постановлении Пленума ЦК КПСС от 29 июня 1957 г. «антипартийной группе» Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича, В.М. Молотова инкриминировалось выступление против линии партии «на разрядку международной напряженности в целях обеспечения прочного мира» (Постановление Пленума ЦК КПСС 1986: 184–189). Правда, внешняя политика СССР при этом не была последовательной; советское руководство, прибегая к риторике

«разрядки», не уходило, тем не менее, от политики конфронтации. И лишь в конце 60-х – начале 70-х гг. ушедшего века лидеры двух противостоящих общественно-политических систем – СССР и США – предпринимают первые шаги в направлении «разрядки».

В предшествующие «разрядке» годы происходят важные изменения в европейской и мировой экономике: резко меняется соотношение цен на сырье и промышленные изделия. Начиная с 1950 г., мировые цены на сырье сохранялись примерно на одном и том же уровне. В то же время цены на промышленные товары постоянно повышались, хотя и весьма умеренными темпами. В результате этого реальные доходы промышленно развитых стран возросли примерно на 20%. Наряду с этим ухудшились «условия торговли» развивающихся стран-экспортеров сырья.

Именно в этот период Европа и западный мир в целом вступают в полосу глубоких кризисных потрясений: их экономику охватила стагнация, массовая безработица и т. п. Это был исторический период конца эры дешевого сырья, возрастания технологического отставания и зависимости от США и поиска решения проблемы энергетической независимости. Усиливаются противоречия западноевропейских стран с Соединенными Штатами Америки, которые по-прежнему считали необходимым следовать политике дискриминации в отношении социалистических стран, требуя от своих западноевропейских партнеров исходить из необходимости «подчинения политики торговли с Востоком общей политической стратегии» (Жириков 2017: 103).

Несмотря на это давление, политическая элита и бизнес-элита западноевропейских стран во второй половине 60-х гг. начинают искать пути выхода из сложившегося тупика и находят один из этих выходов – курс на расширение и интенсификацию экономических отношений с социалистическими странами Восточной Европы.

Мотивами, побуждающими западноевропейские компании к сотрудничеству с социалистическими странами, западногерманский экономист В. фон Лингельсхайм-Зайбике считал растущие издержки производства, особенно на персонал (наряду с ограничением импорта иностранной рабочей силы); возможность сохранения в ассортименте товаров, ставших нерентабельными; более низкие цены на сырье и энергию в социалистических странах; возможность избежать дорогостоящих капиталовложений

путем создания так называемой «удлиненной рабочей скамьи», т. е. стремление снизить издержки производства или удержать их неизбежный рост в определенных границах и др. (Lingelsheim-Seibike 1974: 37).

Со второй половины 60-х гг. XX в. восточноевропейский социалистический регион становится предметом пристального внимания Запада, обсуждения в широких научных и политических западных кругах; да и бизнес все чаще стал определять свои перспективы (особенно в рамках Европейского экономического сообщества) с учетом восточноевропейского потенциала.

Интерес Запада и его лидера – США – хорошо просматривается в материалах Американской ассамблеи и Фонда Форда, заседания которых прошли в конце апреля 1967 г. В этих материалах отмечалось: «Восточная Европа была и остается одним из решающих районов на Земном шаре. Она представляет собой существенную часть Европейского континента и является по-прежнему одним из центров мировой культуры, экономической и военной мощи, политической и интеллектуальной активности. В этом районе проживают более 120 млн человек... этот регион занимает жизненно важное стратегическое положение в Европе и во всем мире... Соединенные Штаты должны помочь создать европейскую или атлантическую ассоциацию, в рамках которой могли бы существовать и государства Восточной Европы» (Орлик 1974).

В упомянутых материалах Американской ассамблеи и Фонда Форда отмечалось также, что в Восточной Европе имеются внушительные источники квалифицированной рабочей силы, растущие промышленные мощности, значительный сельскохозяйственный потенциал и большие запасы дефицитного сырья (Орлик 2009: 3–9).

Начало 70-х гг. укрепило западные страны в правильности экономического курса. В это время структура цен полностью изменилась. Цены на большинство сырьевых товаров выросли в разы. В 1973–1974 гг. последовало четырехкратное увеличение цен на нефть. Одновременно с этим цены на готовые изделия западных промышленно развитых стран повысились примерно на 50%. В целом, торговые преимущества, полученные западными странами в предшествующие 15–20 лет, исчезли всего за 3–4 года (Saunders 1975: 1).

Указанные экономические проблемы требовали от ведущих стран Запада пойти по

пути улучшения политических отношений со странами социализма, к созданию обстановки безопасности и сотрудничества на европейском континенте в мире, в целом. Таким образом, как справедливо отмечает российский исследователь И.Г. Жиряков, в основе разворота Запада к Востоку лежат его политические и экономические интересы (Жиряков 2016: 62).

Будет уместным заметить, что о политических интересах в экономическом сотрудничестве, а точнее, в торговле с Россией, Запад размышлял, по мнению итальянского промышленника и финансиста Джованни Агнелли, задолго до появления Советской власти; еще во времена Великого княжества Московского Польша предупреждала английских купцов о том, что их торговля с Москвой укрепляет могущество москвитян – «врагов всех свобод» (Agnelli 1980: 1016–1044).

Появление СССР и неохотное признание его капиталистическими государствами привело к возникновению нового подхода к экономическим связям с Востоком, сформулированного в 1920 г. Ллойд Джорджем: «Если Россию не удалось спасти от большевиков силой, то ее следует образумить посредством торговли» (Agnelli 1980: 1018).

В годы «разрядки» США и их ведущие европейские союзники, не скрывая, заявляли, что «в условиях острой советской заинтересованности расширение торговли без выдвижения политических условий будет являться подарком для русских», а этого допустить нельзя (Agnelli 1980: 1020).

Более того, западные страны, комплиментарно характеризуя значимость экономического сотрудничества, в реальной политике сравнивали это сотрудничество с «экономическим оружием»! Этим оружием, учил бывший французский министр Ж.-Ф. Денио, «нужно уметь пользоваться» (Deniau 1982: 102). Он считал, что экономическое оружие гораздо более эффективно, чем даже собственно военная сила, и полагал, что одно из главных достоинств этого «экономического оружия» – возможность дозировать его применение в зависимости от ситуации и потребности.

Ж.-Ф. Денио полагал, что эффективность экономического оружия в значительной степени зависит от его массированного и максимально точного применения. Те, кто использует это оружие, замечал политик, должны реально себе представлять, «что оно может сделать, а чего – нет» (Deniau 1982: 116). «Как и все другие виды оружия, – продолжал рассуждать Ж.-

Ф. Денио, – оно может быть неэффективным, если неудачно выбрана мишень, а стрельба плохо направляется» (Deniau 1982: 117).

Встав на путь экономического сотрудничества с восточным блоком, западные страны позитивное отношение к этому сотрудничеству представляли своей и мировой общественности не иначе, как необходимость, якобы вытекающая из объективного процесса интеграции двух экономических моделей (Radice 1975:1), как инструмент укрепления мира и «разрядки».

При этом они понимали, что изоляция СССР и других стран социализма будет для них чревата последствиями, поскольку, по их мнению, эта изоляция вызовет у социалистических стран «неизбежный возврат к жесткой, воинственной доктрине» (Deniau 1982: 101–117).

Выявлению глубинных интересов Запада в разрывании экономического сотрудничества с социалистическими странами Восточной Европы, а также дивидендов, которые получали западные страны от интенсификации связей в экономической сфере со странами социализма в годы «разрядки», помогают различные статьи и аналитические материалы зарубежных исследователей, вышедшие по «горячим следам» – в 70-е гг. XX в.

Некоторые западные авторы пытались рассмотреть некие идеологические аспекты разрядки напряженности. Один из них – О. Зиман, сотрудник университета в американском штате Огайо – рассуждал о степени влияния политики «разрядки» на человеческие ценности, которые выражаются, по его мнению, в категории «справедливость». Он писал, что в реальных условиях существования суверенных государств «попытка осуществления абсолютной справедливости рассматривается другими как абсолютная несправедливость, требование общей безопасности одними государствами оборачивается общей небезопасностью для других. Трения неизбежны между ценностями, ...что неизбежно ведет к компромиссу». Компромисс, подчеркивал О. Зиман, – это попытка сбалансировать потерянные ценности с выгодой, полученной в результате этой жертвы. Слишком большая жертва может привести к потере направления и целей, особенно, если выгода иллюзорна (Zinam 1975: 54–78).

Наверное, трудно не согласиться с рассуждениями американского аналитика, только на его выводы можно посмотреть иначе: О. Зиман делал предупреждение США о возможной опасности; сегодня видно, что СССР и его союзники не смогли, выражаясь языком

О. Земана, «сбалансировать потерянные ценности и выгоды» от сотрудничества с Западом, тем более что выгоды для соцстран оказались действительно «иллюзорными».

Австрийский аналитик Х. Нойхолд отмечал, что экономическое сотрудничество Запада и Востока может служить дальнейшей стабилизации существующих восточных режимов, «повышению жизненного уровня людей, упрочению в их глазах легитимности и популярности этих режимов». Но это же сотрудничество, по его мнению, может «привести к противоположным результатам, если при этом с самого начала ставится целью изменение существующих систем в соответствии с универсалистской идеологией или если при отсутствии сознательной стратегии просто выбирается удобный момент, чтобы продемонстрировать преимущества противоположной системы» (Neuhold 1979: 153–165).

Дж. Агнелли, рассуждая о воздействии торговли Восток – Запад на внутреннюю политику СССР, отмечал, что эта торговля «в определенной степени способствует росту внутри советского общества сил, ориентирующихся на установление более миролюбивых отношений с окружающим миром» и выступающих «за большую гибкость в управлении экономикой» (Agnelli 1980: 1026). Но он предполагал, что в советской «иерархии власти» могут появиться «экономические и технократические группы», которые по экономическим соображениям будут выступать в пользу укрепления связей с Западом (Agnelli 1980: 1027).

Одним из условий налаживания сотрудничества социалистических стран с Западом в более крупных масштабах является обеспечение некоторых интересов западного партнера – прямо заявлял западногерманский экономист В. фон Лингельсхайм-Зайбике. Он говорил о неких «минимальных требованиях» к Востоку для долгосрочного сотрудничества с западными коллегами. Предполагалось, например, участие западных партнеров в решении технических и коммерческих вопросов восточноевропейских компаний (в частности, об использовании средств производства, о возможности перевода своей доли прибыли в свободно конвертируемую валюту, о гарантиях трансферов капитала и т. п.) (Lingelsheim-Seibike 1974: 130).

Западные страны, развивая экономическое сотрудничество, способствуя учреждению совместных компаний, не скрывали своей мечты об участии «в собственности социалистического предприятия» (Lingelsheim-Seibike 1974:

130). Они возлагали большие надежды на «привязывание» экономик соцстран к многонациональным компаниям (МНК), призванным «осуществить более эффективную интеграцию» и обеспечить трансформацию социалистической экономической модели (Gutman, 1974: 520, 525).

Встав на путь экономического сотрудничества с Востоком, Запад в то же время выдвигал препятствия для расширения этого сотрудничества. Лидером в этом деле были США, которые использовали Координационный комитет по экспортному контролю (КОКОМ) для перекрытия социалистическим странам доступа к передовым технологиям и высокотехнологичной продукции. Комитет разработал стратегию «контролируемого технологического отставания», согласно которой техника и технологии могли продаваться в социалистические страны не раньше чем через четыре года после их серийного выпуска. КОКОМ вел три списка товаров и технологий: первый – с полным запретом на экспорт, второй – с экспортом в ограниченном количестве и третий – без ограничений экспорта, но с контролем за конечным использованием. КОКОМ прекратил свою деятельность лишь в 1994 г. (Санкции Запада против СССР. Досье ТАСС 2016).

В начале 60-х гг. в СССР началось строительство трубопровода «Дружба», по которому должны были пойти нефть и газ в Европу. США расценили активное продвижение СССР на нефтегазовом рынке как «военную угрозу». Для противодействия строительству нефтепровода американская администрация организовала давление на своих западноевропейских союзников, которым были крайне необходимы советские энергоносители, и которые ранее обязались поставлять в СССР трубы большого диаметра. Потребовалось немало усилий, чтобы снять этот запрет. В начале 1970-х гг. с помощью системы трубопроводов «Дружба» был налажен экспорт советских нефти и газа в капиталистические государства.

В 1974 г. были приняты печально известные поправки Джексона–Вэника к Закону о торговле США. По инициативе сенаторов в закон была внесена поправка, отменяющая режим наибольшего благоприятствования в торговле, а также предоставление кредитов и кредитных гарантий для стран, которые ограничивают право своих граждан на эмиграцию. Кроме того, поправкой предусматривалось применение дискриминационных тарифов в отношении то-

варов, импортируемых в США из стран с нерыночной экономикой.

На закате «разрядки» 4 января 1980 г. США вводят зерновое эмбарго в СССР в ответ на ввод советских войск в Афганистан 25 декабря 1979 г.; президент США Джими Картер объявил о расторжении зернового контракта на поставку 17 млн тонн. Помимо ограничений на продажу зерновых была прекращена выдача лицензий на продажу высоких технологий СССР, ограничен экспорт американских товаров, заморожены все совместные экономические мероприятия, а советским судам было запрещено заниматься рыбным промыслом в водах США (Санкции Запада против СССР. Досье ТАСС 2016).

Западные страны пытались использовать различные методы, создающие большие проблемы социалистическим странам в развернувшемся экономическом взаимодействии. С одной стороны, они выступали против «низких» процентов и «больших» сумм кредитов, выдаваемых СССР и другим странам социализма и используемых ими на технологическое перевооружение своих предприятий (Davy 1975: 111), с другой – подталкивали соцстраны к новым займам, связанным с обслуживанием импорта товаров; это загоняло социалистические страны в долговую ловушку. Динамика роста долгов была такова: к концу 1973 г. сумма предоставленных кредитов составляла более 10 млрд долларов против 45 млн долларов в 1963 г. На конец 1974 г. прирост составил 3 млрд долларов. В 1979 г. сумма долга исчислялась уже в 74,8 млрд долларов (Герман Ван дер Вее 1994: 156–157). Более половины всех кредитов приходилось на долю СССР, на втором месте шла Польша (*Les perspectives du commerce entre la GEE et les pays de l'Est* 1975: 26).

Подытожить вышеприведенное можно словами французского политика и аналитика Жана Дави: «Политическая специфика торгово-экономических отношений Восток–Запад» проявлялась в том, что «правительства капиталистических стран часто прибегали к давлению, обструкции, различного рода маневрам» (Davy 1975: 107–115).

Что касается экономических дивидендов, полученных Западом от экономического сотрудничества с социалистическими странами, то они раскрываются во многом, в частности, в увеличении занятости с наращиванием мощностей западными компаниями. Расширение экспорта приносило западным компаниям немалую прибыль; причем надо признаться, что на

восточноевропейские рынки направлялась в основном продукция, зачастую невостребованная на внутреннем рынке. Очевидны были экономические выгоды, получаемые западными странами от сырьевых поставок из социалистических стран, от расширения сотрудничества в области энергетики с Советским Союзом и другими странами социализма в Восточной Европе (Жиряков 2016: 63).

Завершая анализ экономического сотрудничества Запада с Востоком в конце 60-х – 70-е гг. прошлого века через призму поставленных в настоящей статье целей, приходится признавать, что Запад, говоря языком Ж.-Ф. Денио, хорошо продемонстрировал свое умение владеть «экономическим оружием»; им удачно была «выбрана мишень», и «стрельба» велась довольно профессионально и выверенно.

Известный российский экономист В. Катасонов, характеризуя экономическую политику западных стран в отношении СССР и других социалистических стран вообще и в годы «разрядки» в частности, называет эту политику «экономической войной», которая привела, по его мнению, в конечном счете, к развалу социалистического лагеря и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) (Катасонов «Экономическая война ...»).

Уже в конце 70-х – начале 80-х гг. западноевропейские страны, ведомые США, сворачивают свой курс на политическое и экономическое взаимодействие с странами «социалистического лагеря». Они меняют тактику, теперь уже отказываясь от экономического сотрудничества со странами социализма, полагая, что это поставит всю социалистическую систему перед лицом глубокого экономического и политического кризиса, вынудит руководство соцстран уделять больше внимания своим внутренним проблемам и пойти на соответствующие внутривнутриполитические, социальные и экономические реформы, окажет сдерживающее воздействие на внешнюю политику СССР и ослабит его активность в международных делах, побудит снизить расходы на военные цели и, в конечном счете, ослабит влияние СССР на его восточноевропейских союзников (Vogel 1984: 43). Эти ожидания во многом сбылись.

В конце 80-х гг. XX в. ведущие западные страны, несмотря на некоторое сужение торгово-экономических связей, сохранили свои позиции в трансформирующейся экономике большинства восточноевропейских стран, а затем в период слома социалистического режима и создания новой рыночной модели стали од-

ним из главных субъектов этой создаваемой модели. Всё это, наряду с позитивными изменениями, привело в конечном счете к тому, что бывшие восточноевропейские страны социализма стали экономической периферией Европы.

В заключение будет уместным, на наш взгляд, провести некоторые исторические параллели, сопоставив прежний исторический опыт с сегодняшними реалиями. Применительно к нашей стране можно увидеть следующее: тогда властвовали идеи интеграции, сегодня – идеи глобализации; тогда Запад был готов к расширению экономических отношений, но в замен требовал политических уступок, сегодня Запад демонстрирует то же самое; тогда западные страны наказывали «неуступчивый социалистический режим» всевозможными торгово-экономическими ограничениями, сегодня –

санкциями; тогда главным интересом Запада было ослабить СССР, сегодня – остановить процесс становления и развития внутреннего и внешнего суверенитета современной России.

И последнее: один из уроков, который можно извлечь из анализа заявленной исторической темы, заключается в необходимости своевременной модернизации. Содержание этой модернизации включает в себя и процесс совершенствования экономической деятельности, тесно связанный с инновационными преобразованиями, и качественные изменения в обществе, что должно соответствовать новой системе интересов, ценностей и приоритетов. Игнорирование или сдерживание такой модернизации приводит к необратимым негативным процессам.

ЛИТЕРАТУРА

- Van der Vee G. 1994. История мировой экономики. 1945–1990. М.: Наука.
- Жириков И. Г. 2016. Европейское сообщество и Совет экономической взаимопомощи в 70-е г. XX в. в контексте отношений Запад–Восток // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки 4, 59–68.
- Жириков И. Г. 2017. Запад и Восток в конце 1940-х – 1960- гг.: экономические отношения в контексте «холодной войны» // Локус: люди, общество, культуры, смыслы 2, 96–106.
- Катасонов В. Ю. Экономическая война с поздним СССР // Свободная пресса, 2015, 3 апреля // <http://www.zavtra.ru/content/view/eta-goryachaya-holodnaya-vojna/> (2017. 01 сент.).
- Орлик И. И. 1979. Политика западных держав в отношении восточноевропейских социалистических государств (1965-1975). Москва: Наука.
- Орлик И. И. 2009. Центрально-Восточная Европа: от СЭВ до Евросоюза // ННИ 2, 3–9.
- Постановление Пленума ЦК КПСС от 29 июня 1957 г. «Об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.». 1986 // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Изд. 9. В 15 т. Т. 9. 1956–1960. Москва: Политиздат, 184–189.
- Санкции Запада против СССР. Досье ТАСС. 2016 // <http://tass.ru/info/2728444> (2017. 01 сент.).
- Agnelli G. 1980. East- West trade: European View // Foreign affairs 58, 1016–1044.
- Davy J. 1975. Ou en sont les échanges Est-Ouest? // Economie et politique. Pt. 248, 107–115.
- Deniau J.-F. 1982. L'arme économique dans les relations Est – Ouest // Politique internationale. Pt. 15, 101–117.
- Gutman P. 1974. Arkwright F. Multinationalisation et pays de l'Est // Politique étrangère. Pt. 4–5, 517–538.
- Les perspectives du commerce entre la GEE et les pays de l'Est // Problemes économiques. 1975. No. 1413. 12 mars, 26.
- Lingelsheim-Seibike B. von. 1974. Kooperation mit Unternehmen in Staatshaadelsländern Osteuropas. Einführung in die Praxis. Köln: Deutsch.Wirtschaftsdienst (Freycud).
- Neuhold H. 1979. Military, economic and ideological ambiguities of détente: Theory and reality // Studia diplomatica 2, 153-165.
- Radice H. 1975. Industrial cooperation between Eastern and Western Europe // Conference on economic cooperation and interdependence as an element of European security. March 14–15. Belgrad: [s.n.], 7.
- Saunders C. 1975. New issues for international economic policy // Conference on economic cooperation and interdependence as an element of European security. March 14–15. Belgrad: [s.n.], 6.
- Vogel H. 1984. Western security and Eastern bloc economy // Washington Quarterly. Vol. 7. No. 2, 43.
- Zinam O. 1975. Economic and political implications of US-USSR détente // Rivista internazionale di scienze economiche e commerciali I, 54–78.

REFERENCES

- Van der Vee G. Istoriya mirovoj ehkonomii. 1945–1990. [History of the World Economy. 1945–1990]. Moscow: Nauka, 1994. (In Russian).
- Zhiryakov I. G. In: Vestnik MGOU. Seriya: Istoriya I politicheskie nauki [Bulletin of the Moscow Region State university. Series: History and political Sciences]. No. 4 (2016): 59–68. (In Russian).

Zhiryakov I.G. In: LOKUS: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly [LOCUS: people, society, cultures, meaning]. No. 2 (2017): 96-106 (In Russian).

Katasonov V. Yu. In: Svobodnaya pressa [Free Press]. 2015, 3 April. Available at: <http://www.zavtra.ru/content/view/eta-goryachaya-holodnaya-vojna/> (Accessed on 2017. 01 Sept.). (In Russian).

Orlik I. I. Politika zapadnyh derzhav v otnoshenii vostochnoevropskikh socialisticheskikh gosudarstv (1965–1975) [Policy of Western powers towards the East European socialist states (1965–1975)]. Moscow: Nauka, 1979. (In Russian).

Orlik I. I. In: Novaya i novejschaya istoriya [Modern and Current History] No. 2 (2009): 3–9. (In Russian)

Postanovlenie Plenuma CK KPSS ot 29 iyunya 1957 g. «Ob antipartijnoj gruppe Malenkova G. M., Kaganovicha L. M., Molotova V. M.» // KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s'ezdov, konferencij i plenumov CK (1898–1986) [Decision of the Plenum of the Central Committee of the CPSU on June 29, 1957 «On the anti-Party group of Malenkov G. M., Kaganovich L. M., Molotov V. M.» // The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986)]. Moscow: Politizdat. Vol. 9 (1986): 184–189. (In Russian).

Sankcii Zapada protiv SSSR. Dos'e TASS [Sanctions of the West against the USSR. The TASS file], 2016. Available at: <http://tass.ru/info/2728444> (Accessed on 2017.01 Sept.) (In Russian).

Agnelli G. East-West trade: European View // Foreign affairs N 58 (1980): 1016–1044.

Davy J. Ou en sont les échanges Est-Ouest? // Economie et politique. Pt. 248 (1975): 107–115.

Deniau J.-F. L arme économique dans les relations Est – Ouest // Politique internationale. Pt. 15 (1982): 101–117.

Gutman P. Arkwright F. Multinationalisation et pays de l'Est // Politique étrangère. Pt. 4–5 (1974): 517–538.

Les perspectives du commerce entre l'Est et les pays de l'Est // Problemes économiques. No. 1413 (1975) 12 mars, 26.

Lingelsheim-Seibike B. von. Kooperation mit Unternehmen in Staatshaadelsländern Osteuropas. Einführung in die Praxis. Köln: Deutsch.Wirtschaftsdienst (Freycud), 1974.

Neuhold H. Military, economic and ideological ambiguities of détente: Theory and reality // Studia diplomatica. N 2 (1979): 153–165.

Radice H. Industrial cooperation between Eastern and Western Europe // Conference on economic cooperation and interdependence as an element of European security. March 14-15. Belgrad: [s.n.], 1975: 7.

Saunders C. New issues for international economic policy // Conference on economic cooperation and interdependence as an element of European security. March 14-15. Belgrad: [s.n.], 1975: 6.

Vogel H. Western security and Eastern bloc economy // Washington Quarterly. Vol. 7. No. 2 (1984): 43.

Zinam O. Economic and political implications of US-USSR détente // Rivista internazionale di scienze economiche e commerciali I, 1975: 54–78.

M. V. Barabanov
Moscow, Russia

THE INTERESTS AND DIVIDENDS OF THE WEST FROM THE COOPERATION IN THE ECONOMIC SPHERE WITH THE SOCIALIST COUNTRIES IN THE LATE 60s – 70s OF THE 20th CENTURY

Abstract. The article attempts to uncover the deep-seated interests of the West in the development of economic cooperation with socialist countries in the years of «détente», as well as to reveal the dividends that Western countries received from the intensification of ties with socialist countries in the economic sphere. It is emphasized that the «pivot» in the West–East cooperation was predetermined by severe circumstances that arose in the global market economy in the first half of the 1960s. The resolution of West economic problems was possible only in the atmosphere of security and cooperation on the European continent and in the world in general. Having *set out* on the path of 'détente', political and economic cooperation with the Eastern bloc, Western countries showed the world and their own community their positive attitude to this cooperation both as a «charity» and as a necessity, allegedly stemming from the objective process of the integration of two economic models, as well as an instrument for strengthening peace and security. At the same time they sought to hide their political interests. The authors reveal these deep interests, as well as the dividends that Western countries received from the intensification of economic ties with the socialist countries during the years of détente. The analysis was made on the basis of various articles and analytical materials of foreign researchers that appeared "hot on the trail" in the 1970s and early 1980s. The author draws conclusions, generalizations and historical parallels and speaks about the lessons emerging from the analysis of this page of the recent history.

Key words: détente; West; East; socialist countries; Eastern Bloc; economic and political cooperation; Council for Mutual Economic Assistance; Coordinating Committee for Multilateral Export Controls; sanctions; modernization.

About the author: Maxim Valer'evich Barabanov, Candidate of Political Sciences, Master's degree in History, independent researcher.

Барабанов М. В. Интересы и дивиденды запада в сотрудничестве с социалистическими странами в экономической сфере в конце 60-х – 70-е годы XX века // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 1. С. 55–61.

Barabanov M. V. The interests and dividends of the west from the cooperation in the economic sphere with the socialist countries in the late 60s – 70s of the 20th century // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 1. P. 55–61.

УДК 94(430).084

Л. Н. Беспалова
Нижневартовск, Россия

ВЛИЯНИЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье представлена дискуссия ученых, общественных и политических деятелей Германии XVIII–XIX в. о необходимости социальных реформ, начало которой положила Великая французская революция 1789 г.

Особое внимание уделено процессу индустриализации, который, безусловно, следует рассматривать как модернизационный. При этом модернизационные процессы всегда были тесно связаны с социокультурными трансформациями. Социальные тенденции Германии ознаменовали собой качественно новый этап в общественно-политическом и социально-экономическом развитии данной страны и ее регионов. Он был связан с формированием и дальнейшим успешным функционированием такого государственного устройства нового типа, каковым является «социальное государство».

В то же время промышленный переворот и урбанизация вызвали резкое увеличение в Германской империи рабочего класса, незащищенного в экономическом, правовом и социальном плане, и стал причиной возникновения промышленных революций. По мнению автора, кровопролитные события 1848–1849 гг. в первую очередь вызвали у представителей просвещенной интеллигенции, в том числе в консервативных кругах, понимание неизбежности общественных преобразований и привели к разработке концепций постепенного, ненасильственного изменения политических и общественных отношений.

В статье анализируются труды В. фон Гумбольдта, И.Г. Фихте, А. Мюллера, Л. фон Штейна, К.И. Родбертус-Ягцеова и др.

Ключевые слова: Отто фон Бисмарк; индустриализация; рабочий класс; промышленная революция; социальная реформа; социальная политика; социальное государство; философия.

Сведения об авторе: Людмила Николаевна Беспалова, старший преподаватель кафедры документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижневартровский государственный университет.

Контактная информация: 628605, Россия, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: (3466)273510, e-mail: biespalova_80@mail.ru.

В Германской империи социально-политические идеи стали актуальными в результате обострения «рабочего вопроса» в ходе индустриализации. Кровопролитные события революции 1848–1849 гг., движущей силой которой стал рабочий класс, в первую очередь вызвали у представителей просвещенной интеллигенции понимание неизбежности общественных преобразований.

С середины XIX в. Германская империя переживала период бурного экономического роста, охвативший в первую очередь рейнские провинции Пруссии. Экономическому развитию в стране благоприятствовало формирование единого таможенного пространства, финансовой системы, почтовой службы, железно-

дорожного законодательства. Конституция Германской империи 1871 г. гарантировала свободу предпринимательской деятельности, что также создавало мощный политический фундамент экономическому буму (Лохова 2016: 41–42).

Вкладом в успешное развитие промышленности стало и введение Берлином в 1879 г. протекционистских пошлин. Рейхсканцлер О. Бисмарк проводил осторожную налоговую политику, игнорируя призывы усилить финансовое бремя на предпринимателей. Он понимал, что высокие налоги окажут лишь негативное влияние на развитие народного хозяйства страны (Бисмарк 1940: 188).

Процесс индустриализации в Германии, вызвав, с одной стороны, экономический рост в будущей империи, привел, в то же время, к негативным социальным последствиям. Именно промышленный переворот стал главной причиной массового пауперизма, охватившего к середине 1840-х гг. 50–60% населения немецких городов. Городскую бедноту в основном составил резко увеличившийся в империи рабочий класс. Только за 13 лет, с 1882 по 1895 гг., его численность выросла с 10,7 млн до 12,8 млн человек. Согласно статистике, представленной в статье И.В. Лоховой (Лохова 2015: 49), к 1900 г. 39% самодеятельного населения Германии было занято в промышленности, что почти равно показателю в сельском хозяйстве (40%).

Нищета и неустроенность немецкого рабочего класса не была, конечно, всеобщей. Немногочисленные квалифицированные рабочие по уровню дохода и жизни часто не уступали представителям среднего класса. Зарплата квалифицированного каменщика, например, могла составлять свыше 40 марок в неделю. Разница в доходах между обученным и необученным рабочим доходила от 20 до 55%, в зависимости от сферы производства. Самую низкую заработную плату получали работники ткацких фабрик – около 8,8 марок (Stürmer 1983: 308), хотя благодаря присоединению Эльзаса и Лотарингии в результате победы над Францией именно текстильная промышленность получила в Германии наибольшее развитие в первой половине XIX в. (Волгин 2010). Но сама организация ткацкого производства находилась здесь на той стадии, на какой стояла Франция более чем полвека назад. К середине 40-х гг. XIX в. ткацкие предприятия представляли собой сочетание централизованной мануфактуры с домашней промышленностью. С мануфактурами было связано множество ткачей-кустарей, работавших на дому на собственных станках и продолжавших при этом заниматься сельскохозяйственным производством. Горнорабочими были также преимущественно крестьяне, занимавшиеся горным делом как отхожим промыслом.

Система организации труда в промышленном производстве в данный период была направлена на максимальное получение прибыли, поэтому рабочие подвергались беспощадной эксплуатации, какой не знали тогда Англия и Франция. Основную пищу рабочих составляли хлеб и картофель. Внешний вид населения ткацких районов, по свидетельствам современников, был нищенским. Рабочие десятилетиями не могли приобрести новую одежду,

поэтому ходили в «отрепьях». Преобладание рассеянной мануфактуры задерживало концентрацию рабочих в городах и понижало их способность к сопротивлению эксплуатации. Этому способствовало и отсутствие трудового законодательства в Германской империи. Кроме того, незащищенность рабочих и дешевизна их труда были обусловлены переизбытком рабочей силы. При падении интенсивности труда работника его можно было быстро заменить новым, готовым работать на любых условиях. Рабочий день нередко составлял 18 часов. Гибель кормильца неизбежно приводила членов его семьи к нужде. Чтобы улучшить свое положение, жена и дети умершего должны были трудиться, нередко на тяжелом производстве (Görtemaker 1987: 156–157).

Большая концентрация рабочих в городах обострила и жилищный вопрос. В 60–80-е гг. XIX в. большая часть рабочих проживала в тяжелых условиях, в переполненных, сырых, зловонных помещениях, похожих на «убогие лачуги средневековых крестьян». Так, по данным городского инспектора, «в 1871 г. в Берлине в одном небольшом доме проживало 250 семей, в одном коридоре 36 жилищ... По данным объединения социальной политики, [...] в 1880 г. в Берлине 38% домохозяйств, которые давали приют ночлежникам, занимавшим место в квартире только по ночам, оставляли в свое распоряжение лишь одно помещение, в котором семья проживала вместе с детьми» (Scholockow 1876: 23).

Несмотря на то, что к середине XIX в. рабочий класс не был организованной силой, тяжелые условия его существования вызвали в середине 40-х гг. стихийную реакцию. В 1844 г. силезские ткачи из округа Рейхенбах подняли восстание, разгромив ряд мануфактур и домов владельцев предприятий. Лишь правительственным войскам удалось внести в ткацкий район «успокоение». Восстание ткачей, не имевшее ни политической, ни экономической программы, вызвало, тем не менее, серьезную озабоченность как в правительственных кругах, так и в среде интеллигенции.

Растущее количество населения, которое переселялось из сельской местности в города, связанная с этим нехватка жилья, жизнь на прожиточный минимум, результатом чего стал женский и детский труд, предприниматели, которые выплачивали фабричным рабочим минимальную заработную плату при тяжелых условиях труда, – это лишь основные из трудностей нарождающихся капиталистических от-

ношений, с которыми необходимо было бороться государству. Социальный вопрос охватывал сумму экономических проблем, которые стали результатом промышленной революции и, тем самым, определяли буржуазную жизнь в XIX в.

Пиком промышленной революции в Германии, как и во всей Европе, стал революционный взрыв 1848–1849 гг., ускоренный двумя экономическими кризисами: аграрным, связанным с неурожаем 1845–1847 гг., и промышленным – в 1847 г. Перед европейскими государствами стояли 3 основных задачи: образование национальных государств, демократизация политической системы и социальные преобразования. В условиях территориальной и политической раздробленности в Германии каждая из этих задач была для нее одинаково важна. Поэтому начавшаяся 22 февраля 1848 г. Французская революция, результатом которой стали свержение монархии и формирование республиканских органов власти, не могла не вызвать волнений в Германской империи. Начавшись в Бадене (юго-западная Германия), где сконцентрировалась сильная социал-демократическая оппозиция во главе с Ф.Ф.К. Геккером и Г. фон Струве, революционные события распространились в Гессен-Дармштадте, Вюртемберге, Баварии, Саксонии, Рейнской провинции Пруссии, а затем перекинулись на центральные и северные германские государства (Бонвеч и др. История Германии 2008: 448).

В начале революции в Германии главной формой протестного движения были собрания, на которых вырабатывались требования к властям, так называемые «мартовские петиции». Основные пункты требований: неограниченная свобода печати; суд присяжных; немедленный созыв общегерманского парламента.

На смену петиционной кампании пришли демонстрации, столкновения с войсками, баррикадные бои. Наиболее трагичными эпизодами стали бои на баррикадах в Берлине 18–19 марта 1848 г., в ходе которых около 400 человек погибли и более 1 000 были ранены.

Первыми значимыми результатами революции стали отмена цензуры, расширение избирательного права, введение суда присяжных.

Особенностью европейской революции 1848–1849 гг. было активное участие в ней рабочего класса – ремесленников, наемных рабочих мануфактур, формирующегося промышленного пролетариата. Свои социально-экономические интересы немецкий рабочий класс смог выразить в двух основополагающих тре-

бованиях: увеличение заработной платы и сокращение длительности рабочего дня. Данные требования были адресованы работодателям и могли быть решены на этом же уровне. Так, на заводах Борзига в Пруссии для квалифицированных рабочих был установлен 10-часовой рабочий день и минимальный размер оплаты труда. На многочисленных рабочих собраниях выдвигались также требования всеобщего народного образования и помощи инвалидам труда. В целом решение социальных проблем и в первую очередь проблемы занятости представители рабочих организаций видели в создании министерства труда по французскому образцу (История Германии 2008: 448–452).

Перед национальным собранием в этот период в качестве главных задач стояли объединение страны и выбор формы управления будущим национальным государством. Поэтому рабочий вопрос не был предметом специального обсуждения, хотя депутаты левой направленности предлагали принять меры по улучшению положения рабочих, в том числе создать министерство труда. Но эта идея была отвергнута со ссылкой на Францию, где признание права на труд рабочего класса привело к дальнейшим волнениям и новым социалистическим требованиям (История Германии 2008: 452).

В этих условиях представители просвещенной интеллигенции первыми осознали необходимость преобразований, которые позволили бы избежать дальнейшей радикализации общественных отношений и кровопролитной гражданской войны.

Собственно, начало дискуссии о необходимости социальных реформ положил даже не промышленный переворот, а Великая французская революция 1789 г. Вначале просвещенные представители немецкого общества восприняли ее как «духовную революцию», «революцию идей». Ф. Шиллер, И. Кант, И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегель увидели в ней начало эпохи, в которой человечество победит, наконец, бесправие и угнетение. Но уже спустя 3 года писатель и теолог, ведущий деятель позднего просвещения И.Г. Гердер, являвшийся изначально горячим сторонником французской революции, писал, что не знает ничего отвратительнее, чем «безумный народ с его безумной властью», а единственным результатом революционных событий является «ужасающий беспорядок». Поэт, философ, профессор истории Ф. Шиллер после казни Людовика XVI назвал Францию страной, где правит «закон гильотины», а

французских революционеров – «жалкими живодерами» (История Германии 2008: 408).

Стремясь избежать кровавой гражданской войны, в которую уже погрузилась Франция, представители немецкой интеллигенции разрабатывали различные концепции постепенного, ненасильственного и предсказуемого изменения политических и общественных отношений.

В своем труде «О пределах государственной деятельности» свидетель революции 1789 г., философ, государственный деятель, дипломат, избранный почетным гражданином Французской республики, В. фон Гумбольдт (1767–1835) выражает свое восхищение борьбой народа за свободу: «Какое же это прекрасное, возвышающее душу зрелище, видеть народ, который с полным сознанием прав человека и гражданина разбивает свои оковы». Но «несравненно прекраснее и возвышеннее» для него выглядит монарх, который «сам разрывает оковы и предоставляет свободу народу, и это дело он рассматривает не как плод своей благотворительности, а как исполнение своей первой негласной обязанности». Таким образом, несмотря на проповедуемые В. Гумбольдтом просветительские идеи свободы, он явно отвергает революцию как «модернизационный путь истории» из-за «отрицательных последствий». При этом под «реформой» он подразумевает постепенные, инсценированные сверху преобразования (Reidegeld 2006: 62). Схожие аргументы выдвинул в 1792 г. теолог И.Г. фон Гердер (1744–1803). Он видел в «разумной эволюции вещей» средство «вернее всего» предупредить возникновение революции.

На исходе XVIII в. философ И. Кант (1724–1804) определил, в каком порядке следует лучше всего ожидать прогресса: «... не через ход событий снизу вверх, а сверху вниз», согласно четко обдуманному плану верховной государственной власти, «в котором, вероятно, должно быть предусмотрено, чтобы государство время от времени реформировалось, вместо революции пытаясь путем эволюции постоянно прогрессировать к лучшему» (Reidegeld 2006: 62).

В «Реальной энциклопедии для образованных сословий», изданной в 1830 г., утверждается, что политические революции или, точнее, государственные перевороты «... неизбежны, если слишком велико несоответствие сил, от чьего гармоничного взаимодействия зависит политическая жизнь народа... Избежать революций в этом случае можно только

путем постепенных и соответствующих времени изменений, благодаря которым устройство и управление государством будут соответствовать уровню культуры и исходящим из этого потребностям народа» (Allgemeine deutsche Real-Encyclopädie ...: 234–236).

Вышеупомянутые авторы конца XVIII – начала XIX вв. понимали реформы как проводимые государством ненасильственные «... меры по совершенствованию общественной жизни, дальнейшему развитию и повышению материальной и духовной культуры народа». Антиреволюционный характер и в этом смысле «консервативный инстинкт» реформаторских дебатов определяется тем, что революция ассоциируется с насилием, нарушением прав и конституции. Ученые были убеждены, что реформа по своему содержанию «... не что иное, чем улучшение и усовершенствование в конституции, правительстве и управлении, которые требуются в зависимости от успехов народа по всем направлениям его образования и воспитания». Легальная реформа отличается тем, что она проводится «осведомленными авторитетными лицами» в «конституционной форме», «... чтобы они в ее содержании соблюдали меру и довольствовались тем, чтобы действительно устаревшее устранить, а еще жизнеспособное в нынешних условиях пощадить и сохранить...». Проведение реформы для того, чтобы сделать революцию ненужной, рассматривается ими как «профессия» правительства, «первейшая обязанность государственного деятеля» (Reidegeld 2006: 64–65).

Эти высказывания относительно революции и реформы в Германии периода после эпохальных событий Французской революции 1789 г. отчетливо показывают, что взгляд этих авторов направлен преимущественно на состояние и действия государства, в котором господствуют феодальные силы.

Немецкий анонимный сочинитель 1840-х гг. уже описывает немецкое общество не в сословных категориях, а как зарождающееся классовое. Он предвосхищает марксистское представление об «исторической закономерности» и интерпретирует историю как «историю борьбы классов». Он пишет: «Само содержание истории таково, что как только одно крупное социальное противоречие исчезает или смягчается, сразу возникает новое. Так, в раннее время всеобщее противостояние богатых и бедных, в особенности капиталистов и работодателей с одной стороны и промышленных рабочих всех классов с другой, стало жестче и ощути-

мее, и из этого возникла оппозиция, которая из-за усиливающегося прироста промышленного населения приобретает все более грозный характер. ... Осуществление активного государственного гражданского права связывается с владением определенным имуществом или с цензом, который почти везде так высоко поднят, что не только неимущие пролетарии, но и большая часть образованных и экономически самостоятельных отказались отброшены в образовавшийся новый класс политических илютов. Это предпочтение материального состояния, это современное поклонение золотому теленку в государстве и его посредством ... неизбежно должно было вызвать к жизни то коммунистическое учение, которое отвергает любую частную собственность как противоестественную привилегию. Этому новому грозному злу пытались препятствовать путем различных реформ... Но достаточно ли этого, чтобы предотвратить повторяющиеся вспышки недовольства? Реформы, которые предшествовали Французской революции, не смогли ей воспрепятствовать» (Allgemeine deutsche Real-Encyclopädie ...: 736).

Если рассматривать труды знаменитых теоретиков, разработывавших учения о государстве и обществе, то уже некоторые высказывания немецкого философа И.Г. Фихте (1762–1814) можно расценивать как социально-политические. В опубликованном им в 1800 г. под влиянием меркантилистских идей труде «Geschlossenen Handelsstaat» («Замкнутое торговое государство») он признает вредное влияние «беспощадной конкуренции». Он требует «права на работу» и гарантированного государством прожиточного минимума для представителей рабочего класса. Приводя аргументы, основанные на теории «государственного социализма», И.Г. Фихте рассматривает эти «социальные права» как предпосылку и гарантию общественной и государственной стабильности (Reidegeld 2006: 65).

Представитель браденбургского дворянства, немецкий публицист Адам Мюллер критикует осознаваемые им изменения в общественной жизни как кризисные явления. Будучи представителем богословской, или, как ее еще именовали, противореволюционной школы и последователем теории политического романтизма, А. Мюллер противопоставляет революционным идеям вечный нравственный порядок, исходящий от Бога, а в религии видит основу общежития. В качестве политического идеала он рассматривает средневековый сословно-

религиозный быт. Не ограничиваясь частными отношениями властвующих и подчиненных, он понимает государство как цельный организм, обнимающий всю человеческую жизнь. Укрепление сословного общества он рассматривает в качестве «вечной схемы» любого «истинного государственного устройства» и гарантию его долговечности и власти. Эти взгляды он развивал в лекциях, которые читал с 1808 на 1809 г., а затем издал под заглавием «Элементы политического искусства» («Die Elemente der Staatskunst»). В опубликованных в 1820 г. «Сочинениях по философии государства» («Schriften zur Staatsphilosophie») он уже опасается распада общества на облагаемый налогами «рабочий люд» и «праздных капиталистов». А именно в искажении аристократического элемента как хранителя преданий и закона вследствие преобладания своекорыстных целей над общественным служением он видел разрушение государственного быта (Чичерин 2008).

Особо следует выделить позицию Г.В.Ф. Гегеля в данной дискуссии. Высказанные им в изданной в 1821 г. «Философии права» идеи явно связаны с кризисами и волнениями, охватившими ощутившее свободу «новое общество». Г. Гегель описывает «буржуазное общество» как «систему потребностей», сформированную из «противоречий». В этом обществе, отмечает он, «из противоречий и их столкновения разыгрывается представление об излишествах и нищете, и то и другое развращает нравственно и физически». Также Г. Гегель описывает новое общество как разделенное на классы на основе их функциональных принципов. Он видит в нем «борьбу общественных классов за внутреннюю правомерность существующего политического и социального порядка». Образовавшийся рабочий класс мыслитель характеризует как «чернь» (der Pöbel), обосновывая свою позицию следующим образом: «Бедность сама по себе никого не делает чернью: к этому определенно приводит связанное с бедностью сознание, внутреннее возмущение по отношению к богатым, обществу, правительству». «Сумбурное состояние» буржуазного общества, по его мнению, могло бы «прийти к своей гармонии» только через государственную помощь (Reidegeld 2006: 65).

Огромное значение для развития социально-политических идей имеют труды немецкого философа-гегельянца, историка, экономиста Лоренца фон Штейна (1815–1890). Ему принадлежит приоритет в разработке первой теоретической концепции социального госу-

дарства. Для своего времени взгляды данного философа на возможности и средства государственной политики были новаторскими. Л. фон Штейн исходил из того, что любая монархия должна стать монархией социальных реформ.

Реализацию этого принципа – добиться легитимации общественного и политического порядка не столько через конституцию, сколько через «эффективное государственное управление, направленное на социальное обеспечение» – фон Штейн связывает с историческим королевством, которое он видит поставленным в «современное общество». Оно могло бы избежать свержения, если бы стало «королевством социальных реформ»: «истинное, могущественное, долговечное и любимейшее королевство это королевство общественных реформ... Любое королевство станет впредь или пустой тенью или деспотией, или погибнет, став Республикой, если не будет иметь высокого нравственного мужества, стать королевством социальных реформ» (Reidegeld 2006: 66–67).

Заложенные им основы теории социальной монархии в итоге трансформировались в теорию социального государства. Теория фон Штейна наиболее последовательно изложена в его труде «История социального движения Франции с 1789 г.». В качестве своей главной цели он определил поиск «возможности устранить классовые противоречия, неизбежно возникающие в буржуазном обществе, средствами самого государства». Он был убежден, что именно с помощью государственной власти неимущие классы (прежде всего рабочий класс) смогут «изменить свое зависимое положение, обусловливаемое природой труда, в положение независимое, материально-свободное» (Кочеткова 2008: 70). На примере развития Франции он описывает «*Vaugesetz*» (закон внутреннего устройства) и связанные с ним линии развития, определяющие социально-политическую действительность, построенную на принципах революции 1789 г. (Reidegeld 2006: 66).

Исходя из противоположности интересов двух крупных общественных классов, «капитала» и «труда», и их борьбы за осуществление собственных общественных целей, фон Штейн приходит к выводу, что оба класса должны стремиться к тому, чтобы подчинить себе государственную власть. Но социальная классовая борьба неизбежно становится политической, причем с губительными последствиями. И если бы «класс несобственников», как называет рабочих фон Штейн, пришел к власти в государстве, то класс собственников стал бы их «есте-

ственным и непримиримым врагом», и наоборот. Выход из этой ситуации заключается, по мнению ученого, в том, чтобы «класс собственников» мобилизовал органы государственного управления для «улучшения участи рабочих, для их обучения и получения ими возможности пусть даже постепенного приобретения капитала...». В этом случае «неимущий класс» стал бы безразличен к форме государственного устройства. При таком использовании системы государственного управления королевская власть, диктатура, аристократия и демократия стали бы одинаково приемлимы» (Reidegeld 2006: 67–68).

Теория социального государства Л. фон Штейна не только стала набором новых методов государственного управления, но и явилась парадигмой деятельности государства на определенном этапе своего развития.

Немецкий экономист, выразивший интерес к обуржуазившемуся прусскому дворянству, историк и политик К.И. Родбертус-Ягцов (1805–1875) также является одним из основоположников теории «государственного социализма». Имея репутацию убежденного консерватора и националиста, под конец жизни он стал искать сближения с радикалами и социалистами для совместной борьбы против политики прусского правительства. Разочаровавшись в политике, он считал понятия консерватизма и демократизма устаревшими и не видел блага в политической свободе. В то же время и монархия, и даже национальность для К.И. Родбертуса – это лишь средства к достижению социальных целей. Его общественным идеалом являлось спокойное и непрерывное развитие, связанное с упорядочением социальных отношений и с устранением социальных неравенств, грозящих опасностью культуре. Видя главное условие прогресса в его преемственности, он был противником любого насильственного переворота. Но при этом он был готов примириться с любым государственным порядком, способным внести улучшение в социальный строй общества. В 1848 г. он возлагал все надежды на тот строй, представителем которого был франкфуртский общегерманский парламент; объединение Германии Гогенцоллернами заставило его надеяться, что «германское государство, разрешив национальный вопрос, призвано взяться за разрешение социального вопроса». Считая прусскую монархию способной провести социальную реформу, он начинает воспринимать конституционную свободу как препятствие для проведения в жизнь

этой реформы, а затем, не увидев в монархии Гогенцоллернов и О. Бисмарка то «социальное королевство», о котором мечтал, он начинает связывать реализацию своих идеалов с деятельностью социал-демократической партии.

Экономические воззрения и социальные идеалы К.И. Родбертуса наиболее четко выражены в написанной им в 1837 г. под впечатлением от чартистского движения статье «Die Forderungen der arbeitenden Klassen» (Rodbertus 1837: 27) (напечатана только в 1885 г.). В ней он признает основным недостатком современного социального строя то, что при постоянно растущей производительности общественного труда рабочему классу достается все меньшая доля его продукта, между тем как доли поземельной ренты и прибыли непрерывно растут; вследствие этого расстояние между классами все больше увеличивается, а результаты свободы создают для рабочих, по его мнению, нечто противоположное самой свободе, препятствуя распространению в массах просвещения и нравственного воспитания и являясь угрозой для общественного союза.

Среди прочего, из-за уровня заработной платы представителей рабочего класса он относится отрицательно к созданию социального страхования с обязательным вступлением и обязательными вкладами. Именно заработная плата, а не субъективные факторы, утверждал он как экономист, обуславливает проблему пауперизма. Он подчеркивает: «В то время как материальное положение рабочего класса не меняется, их правовой и политический статус следует общему развитию, и то и другое находятся сейчас в резком противоречии друг с другом...». Это противоречие обязано, на его взгляд, разрешить государство (Reidegeld 2006: 71).

К.И. Родбертуса можно назвать теоретиком идеалистического социализма, социализма органической государственной идеи, разработанной в философской области Ф.В. Шеллин-

гом и Г.В.Ф. Гегелем. Он выводит свои социальные требования не из прав индивида, а из обязанностей государства. Государство для него – центральная организация социального целого, носитель идеи непрерывного прогресса человеческого рода. Неравенство, по его мнению, нарушает гармонический ход общественного развития, приводя в результате к общественной дезорганизации. Радикальная социальная реформа была бы лишь «возвращением государству его прав в области народного хозяйства, ныне отвоєванных у него индивидуализмом»; она придала бы организации государства присущие ему «единство и твердость» (Rodbertus 1842: 31–33).

Таким образом, идея социального государства родилась в Германии и впервые оформилась в трудах немецких консерваторов в период индустриализации. Именно они провозгласили новую роль государства, берущего на себя ответственность осуществлять не свойственные ему ранее, но в дальнейшем становящиеся для него главными, социальные функции. Исходным пунктом этого течения всегда была установка на недопустимость революционных перемен, угрожавших основам существующего режима. Чем острее и очевиднее проявлялась опасность общественного потрясения, чем более активизировалась либеральная и социалистическая мысль, тем решительнее становилась готовность немецких консерваторов к социальному реформаторству. После революционных выступлений 1848 г., волной прокатившихся по Европе, безальтернативность политики социальных реформ стала очевидной. Поэтому неудивительно, что канцлер О. Бисмарк, имевший репутацию ярого консерватора, стал уже в 60-е гг. XIX в. проявлять интерес к социальной политике, заимствовав многие социально-политические идеи из трудов знаменитых теоретиков первой половины XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

- Бисмарк О. 1940. Мысли и воспоминания: В 3 т. Т. 2. Москва: Соцэкгиз.
- Волгин В. П. 2010. Социальное учение Вейтлинга // Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и Век Просвещения // <http://istmat.info/files/uploads/28561/weitling.pdf> (2017. 22 февр.).
- История Германии. 2008 / Бонвеч Б., Галактионов Ю.В. (ред.). Т. 1. С древнейших времен до создания Германской империи. Москва: КДУ.
- Кочеткова Л. Н. 2008. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество 3(51), 69–79.
- Лохова И. В. 2015. Положение рабочих в Германии в последней трети XIX – начале XX вв. и отношение политической элиты страны к решению рабочего вопроса // Гуманитарные и юридические исследования 4, 49–56.
- Лохова И. В. 2016. Социальная политика Германии и Австрии в последней трети XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ.

Чичерин Б. Н. 2008 История политических учений. Т. 2. Санкт-Петербург: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии.

Allgemeine deutsche Real-Encyclopädie für die gebildeten Stände (Conversations-Lexikon). 1830. Bd. 9. Leipzig: Brockhaus.

Görtemaker M. 1987. Deutschland im 19 Jahrhundert / Schriftreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. B. 203. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.

Reidegeld E. 2006. Staatliche Sozialpolitik in Deutschland. Bd. I. Von den Ursprüngen bis zum Untergang des Kaiserreichs 1918. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.

Rodbertus K.J. 1837. Die Forderungen der arbeitenden Klassen. Berlin: Taschenbuch.

Rodbertus K.J. 1842. Zur Erkenntniss unsrer staatswirthschaftlichen Zustände. Neubrandenburg: Varnewitz.

Schollockow J. 1876. Der oberschlesische Industrie-Bezirk mit besonderer Rücksicht auf seine Kultur – u. Gesundheitsverhältnisse. Berlin: Grieben.

Stürmer M. 1983. Das ruhelose Reich. Deutschland 1866–1918. Berlin: Severin & Siedler.

REFERENCES

Bismark O. Mysli i vospominaniya: v 3-h t. [Thoughts and Memories]. M.: Socekgiz. V. 2 (1940). (In Russian).

Volgin V. P. Social'noe uchenie Veitlinga // Veb-publikaciya: biblioteka Vive Liberta i Vek Prosveshcheniya [Social Doctrine of Weitling // Web-based publication: library Vive Liberta and Vek Prosveshcheniya], 2010. Available at: <http://istmat.info/files/uploads/28561/weitling.pdf> (Accessed on 22.02.2017). (In Russian).

Istoriya Germanii [History of Germany] // Bonvech B., Galaktionov Yu.V. (red.). M.: KDU. V 3 t. T.1: S drevnejshih vremen do sozdaniya Germanskoj imperii, 2008. (In Russian).

Kochetkova L. N. In: Filosofiya i obshchestvo [Philosophy and Society], No. 3(51) (2008): 69–79. (In Russian).

Lohova I. V. In: Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya [Humanities and law studies]. No. 4 (2015): 49–56. (In Russian).

Lohova I. V. Social'naya politika Germanii i Avstrii v poslednej treti XIX – nachale XX vv. [Social policy of Germany and Austria in the last third of the 19th and early 20th centuries: Thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences] Vladikavkaz, 2016. (In Russian).

Chicherin B.N. Istoriya politicheskikh uchenij [History of political doctrines]. St.Petersburg: Izdatel'stvo Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. Vol. 2 (2008). (In Russian).

Allgemeine deutsche Real-Encyclopädie für die gebildeten Stände (Conversations-Lexikon). Leipzig: Brockhaus. Bd. 9. 1830.

Görtemaker M. Deutschland im 19 Jahrhundert / Schriftreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. B. 203. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1987.

Reidegeld E. Staatliche Sozialpolitik in Deutschland. – Bd. I: Von den Ursprüngen bis zum Untergang des Kaiserreichs 1918. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006.

Rodbertus K. J. Die Forderungen der arbeitenden Klassen. Berlin: Taschenbuch, 1837.

Rodbertus K. J. Zur Erkenntniss unsrer staatswirthschaftlichen Zustände. Neubrandenburg: Varnewitz, 1842.

Schollockow J. Der oberschlesische Industrie-Bezirk mit besonderer Rücksicht auf seine Kultur – u. Gesundheitsverhältnisse. Berlin: Grieben, 1876.

Stürmer M. Das ruhelose Reich. Deutschland 1866–1918. Berlin: Severin & Siedler, 1983.

L. N. Bespalova
Nizhnevartovsk, Russia

THE IMPACT OF INDUSTRIALIZATION ON THE DISSEMINATION OF SOCIO-POLITICAL IDEAS IN THE GERMAN EMPIRE IN THE 19th CENTURY

Abstract. The article presents a discussion of scholars, public and political figures of Germany in the 18-19th centuries on the necessity of social reforms, which had began with the French Revolution in 1789.

Special attention is paid to the process of industrialization, which certainly should be regarded as a modernization. At the same time, modernization processes have always been closely connected with sociocultural transformations. Social trends in Germany marked a qualitatively new stage in the socio-political and socio-economic development of this country and its regions. This stage was connected with the formation and further successful functioning of such a new state system as a 'social state'.

Meanwhile, the industrial revolution and urbanisation in the German Empire caused a sharp increase in the working class that was economically, legally and socially insecure. All these factors led to industrial revolutions. According to the author, the bloody events of 1848–1849 made the representatives of intelligentsia, including conservative circles, understand the inevitability of social changes and led to the development of the concepts of gradual and non-violent change of political and social relations.

The article analyzes works of W. von Humboldt, J. G. Fichte, A. Müller, L. von Stein, K. I. Rodbertus-Jagetzow, etc.

Key words: Otto von Bismarck; industrialisation; the working class; the industrial revolution; social reform; social policy; social state; philosophy.

About the author: Ludmila Nikolaevna Bespalova, Senior Lecture at the Department of Records Management and General History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Беспалова Л. Н. Влияние индустриализации на распространение социально-политических идей в Германской империи XIX века // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 1. С. 62–70.

Bespalova L. N. The impact of industrialization on the dissemination of socio-political ideas in the German empire in the 19th century // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 1. P. 62–70.

УДК 94(495)

А. М. Болгова
Белгород, Россия

ЯМВЛИХ – СХОЛАРХ АПАМЕЙСКОЙ ШКОЛЫ

Аннотация. В процессе перехода от Античности к Средневековью важнейшую роль сыграла сфера образования, высшая школа. Она стала одним из важнейших звеньев культурного континуитета между эпохами, обеспечив трансляцию знания и классического наследия. Высшая школа Ранней Византии строилась на трех уровнях – грамматика, риторика, философия. Специальные науки, прежде всего медицина и юриспруденция, соответствовали уровню риторики. Христианское богословие считалось выше философии, но было не общим, а внутрицерковным. В целом, высшее образование в Ранней Византии сохранило светский характер в христианизированном обществе. Даже содержание обучения осталось преимущественно традиционным античным (классическим), исключая языческие теургические практики. Школа Ямвлиха в Апамее стала одной из первых философских школ Поздней Античности, где помимо изучения неоплатонизма оформился комплекс теургических практик как религиозно-культурного выражения заключительной фазы существования классической философской высшей школы. Сам Ямвлих (ок. 250–320 гг.) – ключевая фигура в трансляции неоплатонизма из Рима в Восточное Средиземноморье – будущую Византию.

Ключевые слова: Поздняя Античность; Ранняя Византия; школа; Ямвлих; философия; схолярх; преподаватели; студенты.

Сведения об авторе: Анна Михайловна Болгова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры всеобщей истории.

Место работы: Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Контактная информация: 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, тел. 8(4722)30-18-83, e-mail: bolgova@bsu.edu.ru.

Ямвлих Халкидский (ок. 250–325 гг.)¹ был главным представителем сирийского неоплатонизма, третьим крупнейшим философом этого направления после Плотина и Порфирия. События его жизни, как и религиозные верования, известны лишь фрагментарно² (Месяц 2008а: 67–78; Cameron 1968: 374–376), однако основные взгляды, принципы и философские убеждения могут быть установлены из его сохранившихся сочинений, а также биографических очерков Евнапия (325–420 гг.) и Суды.

По Евнапию (Еупар.VS 458) (также: Penella 1990: 43–48), Ямвлих родился в Халкиде³

(совр. Кинасрин), 25 км к юго-западу от Берои (совр. Алеппо = 80 км к юго-востоку от Антиохии) в Сирии, иначе Chalcis ad Belum⁴ (Dillon

---

7), интересной тем, что здесь в 41–92 гг. (а ранее – и в I в. до н.э.) существовало вассальное иудейское царство во главе с младшими Иродидами (Аристокл, Береника). Дж. Вандерспоэл утверждает, что родина Ямвлиха – как раз Халкида в Ливане (Vanderspoel 1988: 125–128). Р. Пенелла упоминает, что ямвлихова Халкида находилась в Келесирии (Penella 1990: 45); с IV в. Келесирией стала называться не Южная Сирия, а Северная, отсюда возникает путаница между двумя Халкидами.

⁴ Город никогда не подвергался систематическим археологическим раскопкам. Городище локализуется на западном берегу речки Куэйк. От середины VI в. известно несколько греческих надписей с городища, сирийских надписей нет (Bowersock 2002: 47–55).

¹ По (PLRE I, 450–451). Даты жизни здесь определены как 250–325 гг.

² Дата рождения особенно дискуссионна.

³ Не путать с другой Халкидой – в Итурее (совр. Анджар в долине Бекаа), на полпути между Дамаском и Бейрутом, «у Ливанских гор» (Wilson 2004:

1973: 4; Dillon 1987: 868–909). В позднеантичное время важная дорога соединяла Халкиду и Берию (Алеппо). Район Халкиды – одна из наиболее плодородных равнин всей Сирии (Phenix 2008: 52–55)⁵.

Ямвлих был выходцем из богатой прославленной семьи и, как сообщает Дамаский (Damas. Vit. Is. 9), потомком царей-жрецов Эмессы (совр. Хомс) (имя – калька с сирийского «мелек» – царь), среди которых многие носили имя «Ямвлих» и чье правление было упразднено Домицианом (Месяц 2008: 66–67).

Сначала Ямвлих учился у Анатолия⁶ (ученика Порфирия), а затем, возможно, продолжил учиться у Порфирия Тирского (Smith 1974), ученика Плотина, скорее всего, в Риме. Правда, этот факт вызывает сомнения у некоторых специалистов (А. Марру, А. Момильяно⁷). Однако Евнапий ясно сообщает об обучении Ямвлиха именно у Порфирия, а также о том, что талантливый ученик «почти во всем превзошел учителя», кроме красоты слога (Eunap. VS 458)..

Временем обучения Ямвлиха в Риме С.В. Месяц считает 280–290 гг. (Месяц 2008: 72), полагая его в этот период 35–40-летним. Однако это ошибка, поскольку, отталкиваясь от принятой ею же даты рождения Ямвлиха (240 г.), его возраст должен был составить в эти годы от 40 до 50 лет, что для ученичества явно не подходит. Более признанная дата рождения (250 г.) дает возраст 30–40 лет.

Порфирий определенно был в Риме в 263–268 гг., затем на Сицилии. В 270 г. он принимает школу Плотина в качестве схоларха, но с 271 г. ведет мобильный образ жизни, периодически уезжая из Рима на Восток или в Карфаген. В этот период Ямвлих и обучается у Порфирия.

В 269 г. ученик Плотина Амелий (Zoumpos 1956) привез библиотеку учителя в Апамею и основал здесь школу неоплатонизма, одну из первых философских школ Восточного Средиземноморья. Апамея⁸ (Balty 1984) расположена южнее Антиохии, вверх по Оронту, в 60 км северо-западнее Эпифании (Хамы), на холме над Оронтом. В II–IV вв. она была одним из круп-

нейших городов Сирии, уступая лишь Антиохии, с V в. – столицей провинции Сирия II.

После смерти Амелия, предположительно в 290 г.⁹, Ямвлих возглавил его школу, возвратившись из Рима. Правда, существует мнение, основанное на одном месте Иоанна Малалы (XII, 47), о том, что в конце III в. он, возможно, перенес ее в пригород Антиохии Дафне¹⁰, однако затем, приблизительно с 304 г., школа продолжила свое существование снова в Апамее (Barnes 1978: 105; Dillon 1973: 11–13), где она определенно работала в 320-е гг. (Lib. Or. 52, 21; Ps.-Jul. Ep. 183, 184). Более вероятно предположить непрерывное существование школы в Апамее, а споры о том, какую Дафну имел в виду Малала¹¹, умозрительны, тем более, что Либаний ни разу не упоминает о нахождении Ямвлиха близ Антиохии.

У Ямвлиха был сын Аристон, который женился на Амфиклее, женщине из круга Плотина (O'Meara 2003: 16; Porph. Vit. Plot. 9). Она была значительно старше Аристона, так как ей в момент смерти Плотина в 270 г. не могло быть менее 20 лет (Порфирий ясно пишет: «при нем были женщины, преданные философии» – не «девушки»). При самой ранней дате рождения Аристона – около 270 г. (в период обучения Ямвлиха в Риме у Плотина), этот брак не мог быть заключен ранее 290 г., когда Амфиклее должно было быть около 40 лет. Поэтому, вопреки мнению С.В. Месяц о том, что лучше перенести дату рождения Ямвлиха на 240 год (Месяц 2008: 68), чем принять зрелый возраст

⁹ В качестве даты смерти Амелия называется также 300 г., но в источниках точной даты нет.

¹⁰ Тимоти Барнс утверждает (Barnes 1978: 105), основываясь на пассаже из Малалы (XII, 47 Turn): «Во время правления [Максенция Галерия] учил философ Ямвлих, и жил в Дафне до своей смерти». У Малалы много фактических ошибок, поэтому принимать на веру все его слова нельзя. По Малале получается, что Ямвлих учил в Дафне в 290-х гг., а затем «сознательно перешел в философский центр Апамею в то время, когда началось преследование христиан». Гарт Фуден с этим не согласен (Fowden 1982: 41, п. 55). Й. Вандерспоэль предположил, что рассматриваемая Дафна не была знаменитым пригородом Антиохии, но была небольшим местом под Кесарией Филипповой (Панеадой) (Vanderspoel 1988: 83–86), так как у Евнапия Ямвлих упоминается в связи с близлежащей Гадарой, но это маловероятно. О Кесарии Филипповой у горы Хермон см.: Wilson 2004. Авторы PLRE также отрицают пассаж о Дафне. См.: Месяц 2008: 72–73.

¹¹ Об искажении истории у Малалы см.: Кобзева 2017.

⁵ С городом связано сирийское «Житие Раввулы» V в.

⁶ См.: Anatolius 1; PLREI, 59. Вопрос об Анатолии подробно разбирается: Месяц 2008: 68–71.

⁷ См.: PLRE I, 450–451.

⁸ По величине это был второй город Сирии после Антиохии. Современного города близ руин Апамеи нет.

Амфиклеи, все же здесь проще предположить «династический» философский брак, нежели раннее рождение Ямвлиха.

Показательно, что в источниках ничего не говорится о жене Ямвлиха, и была ли она вообще (Аристон мог родиться вне брака).

Ямвлих заслужил репутацию человека большой культуры и образованности. Он также был известен своим милосердием и самоотречением. Многие ученики собрались вокруг него, и он жил с ними в тесной дружбе (Bidez 1919: 29–40).

Распространенное мнение о том, что Ямвлих Младший был его внуком, как полагал О. Зеек, бездоказательно; это был внук Сопатра (Афонасин 2009: 26–35; Cameron 1967: 143–153).

Ямвлих умер во время правления Константина, где-то около 325 г., так как Евнапий сообщает, что ученик Ямвлиха Сопатр¹² (Zos. II 40, 3), возглавивший школу в Апаmee, стал приближенным императора после смерти учителя, около 327 г. (Ps.-Jul. Ep. 184; Eunap. VS VI 2, 1) (сам Сопатр погиб также еще при Константине – до 337 г.).

Встречающееся в литературе утверждение о том, что Сопатр был зятем Ямвлиха, а его сыновья Сопатр Младший и Гимерий, таким образом, должны быть внуками Ямвлиха, не имеет оснований в источниках, как и гипотетический факт существования дочери Ямвлиха.

В своей школе Ямвлих разработал учебную программу для изучения Платона и Аристотеля (Месяц 2008: 837–848; Dunn 1976: 59–80), а также Халдейских оракулов. Ямвлихом был определен порядок изучения платоновских текстов («Канон 12»).

В качестве схоларха Ямвлих заслужил широкую известность. Либаний отмечает, что «корифей хора философов из Апамеи подобен богам» (Liban. Or. 52, 21), а Апамея – «возлюбленная мать Ямвлиха» (Lib. Ep. 1389).

Сохранилась лишь часть сочинений Ямвлиха (Афонасин 2010: 256–259; Месяц 2008: 76–79; Shaw 1995: 244). Он написал «Протрептик», «Жизнь Пифагора» (сохранились только первые четыре книги и фрагменты пятой), три математических сочинения, «О египетских мистериях», письма (Barnes 1979: 99–106; Dillon, Polleichtner 2009). Его работа по философии Пифагора показывает большую часть системы Ямвлиха (Larsen 1972; Larsen 1975: 1–30). Прокл приписывал ему авторство трактата «Те-

ургия или О египетских мистериях», однако различия между этой книгой и другими работами Ямвлиха в стиле и в некоторых пунктах доктрины привели к тому, что возник вопрос, был ли Ямвлих его автором (Saffrey 1971: 227–239). Тем не менее, трактат, безусловно, возник из его школы и в его систематической попытке дать умозрительное оправдание политеистических культовых (теургических) практик того времени.

Он написал также риторический трактат, фрагменты которого сохранил Сириан (Syrian. Comm. In Herm. I 9.11).

Наиболее глубоко и последовательно Ямвлих разработал систему теургических практик (Петров 2008: 148–166). Теургия (θεουργία – «богоделанье») – «магия неоплатоников», система упражнений и ритуалов, позволяющая «посвященному» стать, как боги. Для Ямвлиха она стоит не ниже умозрения, как это было для Порфирия, а выше; «вне теургии нет дороги к божественной жизни» (Iamb. De myst., X, 2–5). Это была религиозная форма неоплатонизма и одна из последних языческих религиозных практик Античности, которая будет очень популярна впоследствии в Афинской академии (Athanasias 1993: 115–130; Shaw 1988: 37–60; Shaw 1995). Философ при этом выступает в роли жреца (Leadbetter 1971: 89–92).

Понимание школы как религиозного союза (общины), постулируемое С.В. Месяц (Месяц 2008: 75), в целом верно, но считать школу Ямвлиха в большей степени религиозным союзом, чем школой – видимо, является преувеличением.

В источниках Ямвлих часто именуется «божественным» и «великим» (Пс.-Юлиан, Либаний, Прокл, Дамаский, Симпликий, Аммоний, Иоанн Филопон).

Большая часть очерка Евнапия о Ямвлихе охватывает три ярких случая из жизни этого философа, призванных показать сверхъестественный характер его личности и учения в контексте теургии (Blumenthal, Clark 1993).

В первом случае ученики Ямвлиха задали ему вопрос о правдивости слуха о том, что он может парить на высоте более десяти локтей от земли во время молитвы богам в одиночестве; он, посмеиваясь, это отрицает и, по-видимому, чтобы положить конец подобным слухам, настаивает на том, что его богослужения больше не будут одиночными (Eunap. VS VI. 6-11, 458).

Случай второй демонстрирует пример сверхчеловеческих способностей Ямвлиха: возвращаясь с группой учеников с жертвоприно-

¹² См.: PLREI, 846.

шения, он чувствует, что вдоль дороги недавно был пронесен труп и, чтобы избежать осквернения, сворачивает на другую дорогу (Eunap.VSVI 12-15, 458–459).

Третий эпизод демонстрирует, как под настойчивым нажимом его учеников, требующих более явного знака чудес, он, без явного желания, магическим образом поднимает двух Эротов из воды горячих источников¹³ (Eunap.VSV 2.1-7, 459-460).

Все три случая произошли, когда Эдесий был учеником Ямвлиха; это единственное хронологическое указание, которое дает нам Евнапий. Третий случай, «вызов Эротов», писатель помещает в Гадару, около Галилейского моря, куда Ямвлих и его ученики отправились на горячие ванны. Но где в Сирии произошел первый случай, он не говорит. Второй случай произошел при возвращении в «город» с «одной из пригородных вилл, принадлежащих Ямвлиху» (Eunap.VSV 1. 12–13). Упомянутый здесь «Город» может быть родным городом Ямвлиха, Халкидой. Его семья здесь имела поместья¹⁴ (Eunap., VSV 1. 1, 457), и Халкида была бы вероятным местом для первого случая.

Евнапий высоко оценивал сверхъестественные способности Ямвлиха, будучи сам обученным в ямвлиховской традиции философии (Eunap.VS VI 1. 4, 6, 461). Сверхъестественное знание Ямвлиха о недавнем присутствии трупа и его магический вызов Эротов были «великими доказательствами его божественной природы» (Eunap. VSV 1. 12).

В своем рассказе об Антонине, сыне Сосипатры (Болгова 2016: 88–94), Евнапий упоминает еще одно проявление духовной силы Ямвлиха – способность сирийского философа «видеть умом», а не «обманчивыми глазами тела». Когда некий египтянин начал магически вызывать Аполлона, то Ямвлих счел явившееся привидение всего лишь призраком гладиатора (Eunap.VSVI 11. 11, 473). Если Евнапий сравнивает здесь Ямвлиха с Антонином менее бла-

гоприятным образом для первого, то мы должны помнить, что его цель в ближайшем контексте – восхвалять Антонина¹⁵ (Penella 1990: 45).

Неясно, как интерпретировать анекдот о левитации. Ответ Ямвлиха на вопрос учеников (Eunap. VSV 1. 9-10) можно понимать так, что он вообще не мог левитировать, или не левитировал в данном случае. Эта интерпретация не обязательно означает, что Ямвлих отрицал возможность левитации; на самом деле, он признает это в своем *Demysteriis* 3,5. Но в анекдоте Евнапия Ямвлих не может отрицать, что он мог левитировать на высоте более десяти локтей от земли. Ученики Ямвлиха конкретно спросили его об этом, и он ответил: «Тот, кто обманул вас, не был неприятным человеком, но факты противоречат истине». Даже индийские брахманы, как считается, поднимались всего на два локтя (Philostr., *Vita Apol.*, 3. 15).

Евнапий изображает Ямвлиха как терпящего своих учеников, нежели проявляющего просвещенную реакцию на свои духовные силы. Многие из учеников были настроены скептически, когда Ямвлих сказал им, что недавно здесь был перенесен труп (Eunap. VSV 1. 14). После того, как он подтвердил свою интуицию, они не сильно впечатлились и предполагали, что его ясновидение могло быть обусловлено только превосходным обонянием, а не способностью «видеть умом» (Eunap. VS V 1. 14-15, 2. 1). Но, быстро поверив слухам о способности Ямвлиха левитировать, они действительно хотели увидеть знак, внушительный и полностью убедительный, и продолжали настаивать на нем. Наконец он счел возможным дать им такой знак, призвав Эротов, несмотря на то, что он считал такие демонстрации непочтительностью к богам.

Евнапий готов поверить в то, что он рассказал о духовных способностях Ямвлиха, потому что доверяет очевидцам (Eunap.VS V 1.11-12, 14, 2.1, 7-9). Он думает здесь в основном об Эдесии, информаторе Хрисанфия, но намекает и на «более невероятные и изумительные» истории, которые рассказывают о Ямвлихе. Евнапий подозрительно относится к ним и отказывается представить их в своем повествовании. Таким образом, евнапиев Ямвлих является подлинным тавматургом, которому не свойственно тщеславное щегольство способностями, хотя они иногда показываются его ученикам; чело-

¹³ Некоторые подробности инцидента с трупом напоминают рассказ о Сократе, который поведал еще Плутарх в сочинении «О демоне Сократа» (*De genio Socratis*). О священности горячих источников и связи с ними богов и богинь любви см.: Speyer 1977: 39–46.

¹⁴ О знатных предках Ямвлиха см.: Dillon 1973: 4–5; Fowden 1982: 49; Phot., *Bibi.*, cod. 181. 126a. Этический вопрос, который некий философ Алипий однажды задал Ямвлиху о гипотетическом богатом человеке (Eunap., VSV 3.4, 460), возможно, был нацелен на самого Ямвлиха.

¹⁵ О проблематичном тексте «Жизнеописаний» Евнапия в данном месте (Eunap.VSVI 11. 11–12) см.: Giangrande 1954: 316–317.

веком, которому приписывались непроверяемые и, вероятно, ложные чудеса.

Современные ученые часто отмечали важность «религиозного» и теургического измерения мышления Ямвлиха (Wallis 1972: 100, 120). Его поклонник псевдо-Юлиан назвал его иерофантом (Ps.-Jul., fr. 161). Дамаский в своих комментариях к Платоновскому «Федону» противопоставляет Ямвлиха прежнюю «чистую» философию (Damas. Comm. InPhaed. I 172) (Westerink, vol. 2, 1976–1977). Философ VI в. Давид из Александрии тоже противопоставляет неоплатонизм Порфирия и неоплатонизм Ямвлиха, цитируя пифийский оракул, который называет Порфирия πολλομαθής («многоученый»), а Ямвлиха ενθου(σιασμός)ς («энтузиастический») (David. In Porph. Isag., 92) (также см.: Aeneas Gaz., Theophr. 634, Marin., Vita Procl. 26).

Сам Ямвлих был против таких оценок своей «теургической» ориентации, предпочитая «философский и логический» подход Порфирия (Iambli. Demyst. 2. 11). Евнапий также ссылается на «теургический» аспект у Порфирия, но избегает его обсуждения (Eunap. VS IV. 11-12, 2, 3, 457). Напротив, его биография Ямвлиха полна ссылок на молитвы и жертвы, на доступ Ямвлиха к богам, его божественную природу и его духовные силы. Тем не менее, Евнапий явно не противопоставляет религиозно-философские ориентации двух философов. Скорее, он передает ощущение философской непрерывности, которая простирается от Платона через Порфирия до Ямвлиха и далее.

Если Евнапий явно не противопоставляет религиозно-философские позиции Порфирия и Ямвлиха, то он противопоставляет их стили дискурса. В самом начале своего очерка о Ямвлихе Евнапий утверждает, что этот философ не отставал от Порфирия «за исключением структуры и силы своего стиля». У стиля Ямвлиха нет прелести и ясности; он отталкивает читателя, судя по убеждению Евнапия, вместо того, чтобы удерживать и очаровывать его (Eunap. VS V 1.2-4).

Критический взгляд на Ямвлиха дан в «Жизни Исидора» Дамаския (Damas. Vit. Is., 34). Дамаский писал, что многие философы находят Ямвлиха недоступным, или больше – поглощенным любовью к высокомерному великолепию, чем стремящимся к истине. Если «недоступность» является критическим описанием существа его философских учений, то второе обвинение – это удар по его литературному стилю. Адаптируя замечание Платона к Ксенократу (Diog. Laert. 4.6), Евнапий описывает

Ямвлиха как неспособного принести жертвы Герметическим Грациям (Eunap. VSV 1.3)¹⁶.

Совершенно другую оценку можно найти в комплиментарных псевдо-юлиановских письмах к Ямвлиху, которые связывают его с Гермесовыми «логиями» (Ps.-Jul., Ep. 181, 449).

Критика Евнапия, справедливая или нет, не должна вводить нас в заблуждение и убеждать, что Ямвлих был безразличен к стилю и риторике. Известно, что сирийский философ написал трактат «О лучших словах», так же, как и Порфирий писал о риторических предметах (Beutler 1953: 300) (Syrian. Comm. In Herm. I, p. 9). Однажды некий корреспондент даже отправил Ямвлиху текст выступления как образец своего ораторского искусства, обратившись за одобрением философа и призвав его сделать улучшения, если они были необходимы (Ps.-Jul., Ep. 187, 407).

Евнапий возвращается к вопросу о стиле Ямвлиха (Eunap. VS V 3.6ff) в связи с его упоминанием неизвестного в иных источниках философа Алипия Александрийского. Ямвлих написал биографию Алипия после его смерти. Евнапий критикует биографию как стилистически, так и по другим основаниям. Почти половина его очерка об Алипии посвящена этой критике. Очерк об Алипии предшествует упоминанию о смерти Ямвлиха у Евнапия. Таким образом, это лишь эпизод, в котором, по всей видимости, критика дана ради самой критики.

Евнапий подчеркивает успехи Ямвлиха в привлечении и наборе студентов и делает заключение, что через них, и далее через их учеников учение Ямвлиха было сохранено до самых дней Евнапия (Eunap. VS VI 1.6, 461).

У Ямвлиха было большое количество учеников из многих провинций Восточного Средиземноморья. Популярность учителя и его доступ «к ушам богов» привлекали студентов. Его беседа очаровывала их, у них никогда не было недостатка во внимании со стороны учителя, который «наполнял их, как нектаром» ((Eunap. V 1.4-7, VI 1.4).

Среди учеников Ямвлиха, известных по именам – Эдесий и Евстафий из Каппадокии, Феодор Асинский из Греции, Евфрасий, Сопатр из Сирии (Eunap. VS 458); Сопатр Младший, Юлиан (Ps.-Jul. Epp. 184), Дексипп (Simplic. In Arist. Categ. 1, γ), Юлиан Кесарийский (Ps.-Jul. Epp. 180-187), Гиерий (Ammon. In Anal. Prior.

¹⁶Евнапий воздает особую похвалу Бероникиану, одному из преемников Хрисанфия в Сардах, за его близость к Харитам (Eunap. XXIV, 2, 505).

V. 6.31.16), Агриппаи Дисколий (Stob. Ecl. IV 5.74 f.), Арета (Stob. Ecl. III 5.9, 45-50), Асфалий (Stob. Ecl. III 3.26), Македоний и Поймений (Stob. Ecl. I 1.35.5, 17f; II 8.43-48; 33.15).

Евнапий называет Ямвлиха «источником, который бурлит и не остается в своих пределах» (Eunap. VS 460), а также тем, кто «выявил много корней и источников философии».

Однако ни один из учеников Ямвлиха ничего о нем не написал, как считал Евнапий, «не отважившись этого сделать» (Eunap. VS 460).

Пропагандисты философии Ямвлиха были рассеяны по всей империи. Евнапий говорит о них как об урожае плодов, от которого он сам получает пользу. И действительно, его учитель Хрисанфий изучал философию под руководством Эдесия – питомца Ямвлиха¹⁷ (Eunap. V 3.10, 461, VI, 2,1, 462). Таким образом, сам Евнапий представлял третье поколение учеников Ямвлиха.

Именно ямвлиховская версия неоплатонизма впоследствии возобладает в ведущих философских школах в Афинах и в Александрии, и будет сопровождаться теургическими практиками (Петров 2003), накрепко связанными с именем Ямвлиха. Как отмечает Э. Уоттс, ямвлиховский неоплатонизм происходит от интерпретаций идей Платона Ямвлихом. Он во многих важных деталях отличался от традиционного платоновского учения и от платиновского неоплатонизма. Эта новая интерпретация

в плане содержания образования делала акцент на обучении божественному в повседневных практиках и представляла собой вид языческого религиозного обучения в Афинах (Watts 2006: 87).

Именно теургические практики школ, несмотря на свою кажущуюся элитарность, были более понятны широким массам, нежели философские учения. Г. Шоу даже утверждал, что Ямвлих стоял у истоков неоплатонической «народной религиозности», или «неоплатонизирующей популярной религии» (Shaw 1995: 231–236).

Сам же платонизм сирийской школы смог проникнуть в Афины и утвердиться на родине Платона после полувекowego забвения благодаря деятельности Ямвлиха Младшего, сына Гимерия и внука Сопатра (ученика Ямвлиха) (Афонасин 2009: 26–35; Cameron 1967: 143–153; Raubitschek 1964: 63–68), переехавшего в Элладу около 350 г.

Апамейская школа в середине IV в. (через 25–30 лет после смерти Ямвлиха) фактически переезжает в Пергам, где ее будут возглавлять поочередно: ученик Ямвлиха Эдесий (350–355), Хрисанфий (355–390), Эпигон Спартанский (390–400?), Бероникиан (400–420?).

У Эдесия будет учиться будущий император Юлиан Отступник, воспринявший многие элементы ямвлиховского неоплатонизма и теургических практик¹⁸.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Aeneas Gaz., Theophr.	– Эней Газский «Феофраст»
Ammon. In Anal. Prior.	– Аммоний «Комментарий на “Первую Аналитику” Аристотеля»
Damas. Comm. In Phaed.	– Дамаский «Комментарии к “Федону” Платона»
Damas. Vit. Is.	– Дамаский «Жизнь Исидора»
David. In Porph. Isag.	– Давид «Комментарии на “Исагогу” Порфирия»
Diog. Laert.	– Диоген Лаэртский «О жизни, учении и изречениях знаменитых философов»
Eunap. VS	– Евнапий «Жизнеописания софистов»
Iambl. De myst.	– Ямвлих «О египетских мистериях»
Lib. Or.	– Либаний. Речи
Lib. Ep.	– Либаний. Письма
Marin, Vita Procl.	– Марин «Жизнь Прокла»
Philostr., Vita Apol.	– Филострат «Жизнь Аполлония Тианского»
Phot. Bibl. cod.	– Фотий «Мириобиблион»
PLRE	– Prosopography of the Roman Empire. In 3 vols. London: Cambridge University

¹⁷ Широкие утверждения Евнапия о том, что Ямвлих привлекал учеников извне, и что его ученики были рассеяны «по всей Римской империи», имеют характер некоторой гиперболы. (ср.: Eunap. VS IX 1. 1-2, где Евнапий дважды утверждает, что ученики софиста Юлиана приходили «отовсюду», но второе упоминание сопровождается фразой «так сказать»).

¹⁸ Однако, полагать, что Ямвлих – «идейный вдохновитель Юлиана в его попытке реставрировать язычество» (Месяц 2008: 65) – большая натяжка; это влияние не было прямым, а лишь опосредованным.

Press, 1980–1992.

- Porph.V. Plot.** – Порфирий «Жизнь Плотина»
Ps.-Jul. Ep. – Псевдо-Юлиан император. Письма
Ps.-Jul., fr. – Псевдо-Юлиан император. Фрагменты
Simplic. In Arist. Categ. – Симпликий «Комментарии на “Категории” Аристотеля»
Stob. Ecl. – Иоанн Стобей «Эклоги»
Syrian. Comm. In Herm. – Сириан «Комментарий к Гермогену»
Zos. – Зосим «Новая история»

ЛИТЕРАТУРА

Афонасин Е. В. 2010. Ямвлих Халкидский. Издания и переводы // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция 4.2, 256–259.

Афонасин Е. В. 2009. Ямвлих в Афинах // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия: Философия. № 4. Т. 1, 26–35.

Болгова А.М. 2016. Женщины-философы в традиции школьного неоплатонизма Ранней Византии: Сосипатра // Болгов Н. Н. (отв. ред.) Кондаковские чтения – V. Античность - Византия - Древняя Русь: сборник материалов международной научной конференции. Белгород: НИУ «БелГУ», 88–94.

Кобзева А. В. 2017. «Хронография» Иоанна Малалы: антикарная традиция и медиализация исторического знания в Ранней Византии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Белгород.

Месяц С. В. 2008а. Божественный Ямвлих: вехи земного пути // Диалог со временем 22, 65–79.

Месяц С. В. 2008 б. Ямвлих // Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 837–848.

Петров А. В. 2003. Феномен теургии: Взаимодействие языческой философии и религиозной практики в эллинистическо-римский период. СПб.: РХГИ; ИД СПбГУ.

Петров В. В. 2008. Σύμβολα и συνθήματα в теургическом неоплатонизме Ямвлиха и Прокла // Диалог со временем 24, 148–166.

Aeneas Gaz. Theophr.: *Aeneas of Gaza*. 2012. Theophrastus with Zacharias of Mytilene: Ammonius / Gertz S., Dillon J., Russell D. (ed.). London: Hardback.

Ammon. In Anal. Prior. CAG: *Ammonius*. On Aristotle Categories. 1991. / Cohen S.M., Matthews G.B. (trans.). London, Ithaca, New York: Duckworth and Cornell University Press.

Athanassiadi Polymnia. 1993. Dreams, Theurgy and Freelance Divination: The Testimony of Iamblichus // Journal of Roman Studies 83, 115–130.

Balty Janine. 1984. Apamée de Syrie: bilan des recherches archéologiques 1973–1979; aspects de l'architecture domestique d'Apamée. Bruxelles: BP.

Barnes T. W. 1978. A Correspondent of Iamblichus // Greek, Roman, and Byzantine Studies 19, 99–106.

Beutler R. 1953. Porphyrios 21 // // Pauly – Wissowa. Realencyklopädie der classischen Altertumswissenschaft. Vol. XXII, Sec. 1. Stuttgart, 300–302.

Bidez J. 1919. Le Philosophe Jamblique et son école // Revue des Etudes Grecques 32, 29–40.

Blumenthal H. J., Clark E. G. 1993. The Divine Iamblichus: Philosopher and Man of Gods. Bristol: Bristol Classical Press.

Bowersock G. 2002. Chalcis ad Belum and Anasarcha in Byzantine Syria // Melanges Gilbert Dagron. Paris: Le Belle Lettres, 47–55.

Cameron A. 1967. Iamblichus at Athens // Athenaeum. N.S. 45, 143–153.

Cameron Alan. 1968. The Date of Iamblichus' Birth // Hermes 96, 374–376.

De mysteriis: *Jamblique*. 2003. Les Mystères d'Égypte. Paris: Belles Lettres.

Dillon J. 1987. Iamblichus of Chalkis // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt II. 36:2, 868–909.

Dillon J., Polleichtner W. 2009. Iamblichus of Chalcis. The Letters. Atlanta: Scholars Press.

Dillon J. 1973. Iamblichi Chalcidensis in Platonis dialogos commentariorum fragmenta // Philosophia Antiqua 23, 34–45.

Diog. Laert.: *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. 1979. / Гаспаров М.Л. (прим., пер.), Лосев А.Ф. (вступ. ст., ред.). М.: Мысль.

Dunn M. 1976. Iamblichus, Thrasyllus and the Reading Order of the Platonic Dialogues // The Significance of Neoplatonism / ed. by R.B. Harris. Norfolk, Va.: International Society for Neoplatonic Studies, 59–80.

Fowden G. 1982. The Pagan Holy Man in Late Antique Society // Journal of Hellenic Studies 102, 41–49.

Giangrande G. 1954. Contributio dunaeditione vitae Sophistarum di Eunapio // Rendiconti dell'Istituto Lombardo. Classe di scienze e lettere 9, 316–317.

In Porph. Isag.: David the Invincible Commentary on Porphyry's Isagoge: Old Armenian Text With the Greek Original, an English Translation, Introduction and Notes. 2014. / Muradyan G. (ed.). Leiden: Brill Academic Publ.

Larsen B. D. 1972. Jamblique de Chalcis: Exygyteet philosophe. Aarhus: Universitetsforlaget.

Larsen B. D. 1975. La Place de Jamblique dans la Philosophie antique tardive // Entretiens sur l'antiquité classique. Vol. 21: De Jamblique a Proclus. Geneva: Fondation Hardt, 1–30.

- Leadbetter L. W.* 1971. Aspects of the Philosophical Priesthood in Iamblichus' De Mysteriis // *Classical Bulletin* 47, 89–92.
- Lib. Or.: Libanius (Libanios). Opera Omnia. 1927. / Foerster R. (ed.). Vol. XIII. Leipzig: Teubner.
- Marin., Vita Procl.: Neoplatonic Saints. The Lives of Plotinus and Proclus by their Students. 2000. / Edwards M. (ed.). Liverpool: University Press.
- O'Meara, Dominic J.* 2003. *Platonopolis. Platonic Political Philosophy in Late Antiquity.* Oxford: Clarendon Press.
- Penella R. J.* 1990. *Greek Philosophers and Sophists in the Fourth Century A.D. Studies in Eunapius of Sardis.* Leeds: Peeters.
- Phenix R. R.* 2008. *The Sermons of Joseph of Balai of Qenneshrin. Rhetoric and Interpretation in Fifth-Century Syriac Literature.* Tübingen: Verlag Univ.
- Philostr., Vita Apol: *Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского.* 1985. М.: Наука.
- PLRE 1: PLRE I: Martindale J.R. *The Prosopography of the Later Roman Empire.* 1980. Vol. I. A.D. 260–395. Cambridge: Cambridge University Press.
- Plut., Coniug. praec.: *Plutarchi Moralia.* 1974. Vol. 1 / Paton W.R., Wegehaupt I., Pohlenz M., Gärtner H. (ed.). Leipzig: Teubner.
- Porph. V. Plot.: Neoplatonic Saints. The Lives of Plotinus and Proclus by their Students. 2000. / Edwards M. (ed.). Liverpool: University Press.
- Ps.-Jul. Ep.: L'empereur Julien. 2003. / Bidez J (ed.). Paris: Les Belles Lettres.
- Raubitschek A. E.* 1964. Iamblichos at Athens // *Hesperia* 33, 63–68.
- Saffrey H. D.* 1971. Abammon, pseudonyme de Jamblique // *Philomathes: Studies and Essays in the Humanities in Memory of Philip Merlin.* The Hague: Martinus Nijhoff, 227–239.
- Shaw G.* 1988. Theurgy as Demiurgy: Iamblichus' Solution to the Problem of Embodiment // *Dionysius* 12, 37–60.
- Shaw G.* 1995. *Theurgy and the soul: the neoplatonism of Iamblichus.* Pennsylvania University.
- Simplic. In Arist. Categ.: *Simplicius. Commentaire sur les Catégories.* 1990. / Hadot I. (ed.). Fasc. 1. Leiden: E. J. Brill.
- Smith A.* 1974. *Porphyrus's Place in the Neoplatonic Tradition: A Study in Post-Plotinian Neoplatonism.* The Hague: Martinus Nijhoff.
- Speyer W.* 1977. Der Ursprung warmer Quellen nach heidnischer und christlicher Deutung // *Jahrbuch für Antike und Christentum* 20, 39–46.
- Stob. Ecl. I: Ioannis Stobaei anthologii libri duo priores qui inscribi solent Eclogae physicae et ethicae. 1884. Vol. I. Berlin: Weidmann.
- Stob. Ecl. II: Ioannis Stobaei anthologii libri duo priores qui inscribi solent Eclogae physicae et ethicae. 1894. Vol. II. Berlin: Weidmann.
- Stob. Ecl. III: Ioannis Stobaei anthologii libri duo priores qui inscribi solent Eclogae physicae et ethicae. 1912. Vol. III. Berlin: Weidmann.
- Stob. Ecl. IV: Ioannis Stobaei anthologii libri duo priores qui inscribi solent Eclogae physicae et ethicae. 1923. Vol. IV. Berlin: Weidmann.
- Syrian. Comm. In Herm.: Syriani in Hermogenem commentaria. 1892. / Rabe H. (ed.). Vol. I. Berlin: B.G. Teubner.
- Syrian. Comm. In Herm.: Syriani in Hermogenem commentaria. 1893. / Rabe H. (ed.). Vol. II. Berlin: B.G. Teubner.
- Vanderspoel J.* 1988b. Themistios and the Origin of Iamblichos // *Hermes* 116, 125–128.
- Vanderspoel J.* 1988a. Iamblichos at Daphne // *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 29, 83–86.
- Vit. Is.: *Damascius. The Philosophical History.* 1999. / Athanassiadi P. (ed.). Apameia: The Apameia Cultural Association.
- Vita Isid., Epit. Phot.: *Damascii Vitae Isidori Reliquiae.* 1967. / Zintzen C. (ed.). Olms: Hildesheim.
- VS (Eunap. VS): Eunapius. Eunapii vitae sophistarum. 1956. / Giangrande J. (ed.). Rome: Polygraphica.
- Wallis R. T.* 1972. *Neoplatonism.* N.Y.: CUP.
- Watts E.* 2006. *City and School in Late Antique Athens and Alexandria.* Berkeley: UCP.
- Westerink L. G.* 1976–1977. *The Greek Commentaries on Plato's Phaedo.* L.: CC.
- Westerink L.* 1959. *Damascius. Lectures on the Philebus.* Amsterdam: PS.
- Wilson John F.* 2004. *Caesaria Philippi: Baniyas, The Lost City of Pan.* L.; N.Y.: SS.
- Zos.: *Зосим. Новая история.* 2010. / Болгов Н.Н. (пер.). Белгород: БелГУ.
- Zoumpros A. N.* 1956. *Amelius von Etrurien. Sein Leben und seine Philosophie. Beitrag zur Geschichte des Neuplatonismus.* Athenai: Clio.

REFERENCES

- Afonasin E. V. In: ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie I klassicheskaya tradiciya [ΣΧΟΛΗ. Ancient philosophy and the classical tradition] V.4 Is.2 (2010): 256–259. (In Russian).
- Afonasin E. V. In: Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Serija: Filosofija [Bulletin of Pushkin Leningrad State University. Series: Philosophy]. N 4, V. 1 (2009): 26–35. (In Russian).
- Bolgova A. M. In: Kondakovskie chteniya - V. Antichnost' – Vizantiya – Drevnyaya Rus': sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Kondakov Readings – 5. Antiquity – Byzantium – Ancient Russia: proceedings of international scientific conference]. Bolgov N. N. (Ed. By). Belgorod: NIU «BelGU», 2016. (In Russian).
- Kobzeva A. V. «Hronografija» Ioanna Malaly: antikvarnaja tradiciya I medievalidacija istoricheskogo znanija v Rannej Vizantii [«Chronography» of John Malal: Antique Tradition and Mediaevalization of Historical Knowledge in Early Byzantium. An author's abstract of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Belgorod, 2017. (In Russian).
- Mesjac S. V. In: Dialog so vremenem [Dialogue with Time] 22 (2008a): 65–79. (In Russian).
- Mesjac S.V. Jamvliih // Antichnaja filosofija: Jenciklopedicheskij slovar' [Iamblichus // Ancient philosophy: Encyclopaedic dictionary]. M.: Nauka, 2008b. (In Russian).
- Petrov A.V. Fenomen teurgii: Vzaimodejstvie jazycheskoj filosofii I religioznoj praktiki v jellinisticheskoro-rimskij period [The phenomenon of theurgy: Interaction of pagan philosophy and religious practice in the Hellenistic-Roman period]. SPb.: RHGI; ID SPbGU, 2003. (In Russian).
- Petrov V. V. In: Dialog so vremenem [Dialogue with Time]. N 24 (2008): 148–166. (In Russian).
- Aeneas Gaz. Theophr.: *Aeneas of Gaza*. Theophrastus with Zacharias of Mytilene: Ammonius / Gertz S., Dillon J., Russell D. (ed.). London: Hardback. 2012.
- Ammon. In Anal. Prior. CAG: *Ammonius*. On Aristotle Categories / Cohen S.M., Matthews G.B. (trans.). London, Ithaca, New York: Duckworth and Cornell University Press. 1991.
- Athanassiadi Polymnia. In: Journal of Roman Studies. N 83 (1993): 115–130.
- Balty Janine. Apamée de Syrie: bilan des recherches archéologiques 1973–1979; aspects de l'architecture domestique d'Apamée. Bruxelles: BP, 1984.
- Barnes T.W. In: Greek, Roman, and Byzantine Studies. No. 19 (1979): 99–106.
- Beutler R. In: Real encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. 22:1. Sp. 1953. 300–302.
- Bidez J. In: Revue des Etudes Grecques 32 (1919): 29–40.
- Blumenthal H. J., Clark E.G. *The Divine Iamblichus: Philosopher and Man of Gods*. Bristol: Bristol Classical Press, 1993.
- Bowersock G. *Chalcis ad Belum and Anasarchus in Byzantine Syria // Melanges Gilbert Dagron*. Paris: Le Belle Lettres, 2002.
- Cameron A. In: *Athenaeum* N.S. No. 45 (1967): 143–153.
- Cameron Alan. In: *Hermes* 96, (1968): 374–376.
- De mysteriis: *Jamblique*. Les Mystères d'Égypte. Paris: Belles Lettres, 2003.
- Dillon J. In: *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. II. 36:2, 1987. Pp. 868–909.
- Dillon J., Polleichtner W. *Iamblichus of Chalcis*. The Letters. Atlanta: Scholars Press, 2009.
- Dillon J. *Philosophia Antiqua* 23 (1973): 34–45.
- Diog. Laert.: *Diogenes Laërtius*. O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenityh filosofov [On the life, teachings and sayings of the famous philosophers] / Gasparov M.L. (note, transl.), Losev A.F. (intr. art., ed.). Moscow: Mysl', 1979. (In Russian).
- Dunn Michael. *Iamblichus, Thrasyllus and the Reading Order of the Platonic Dialogues // The Significance of Neoplatonism* / ed. by R.B. Harris. Norfolk, Va.: International Society for Neoplatonic Studies, (1976): 59–80.
- Fowden G. In: *Journal of Hellenic Studies* 102 (1982): 41–49.
- Giangrande G. *Contributio dunaedizioned elle Vitae Sophistarum di Eunapio // Rendiconti dell'Istituto Lombardo*. Classe di scienze e lettere 9 (1954): 316–317.
- In Porph. Isag.: *David the Invincible Commentary on Porphyry's Isagoge: Old Armenian Text With the Greek Original, an English Translation, Introduction and Notes* / Muradyan G. (ed.). Leiden: Brill Academic Publ., 2014.
- Larsen B. D. *La Place de Jamblique dans la Philosophie antique tardive // Entretiens sur l'antiquité classique*. Vol. 21: De Jamblique a Proclus. Geneva: Fondation Hardt, 1975. Pp. 1–30.
- Larsen B.D. *Jamblique de Chalcis: Exygyteet filosofhe*. Aarhus: Universitetsforlaget, 1972.
- Leadbetter L. W. In: *Classical Bulletin* No. 47 (1971): 89–92.
- O'Meara Dominic J. *Platonopolis. Platonic Political Philosophy in Late Antiquity*. Oxford: Clarendon Press, 2003.
- Lib. Or.: *Libanius (Libanios). Opera Omnia* / Foerster R. (ed.). Vol. XIII. Leipzig: Teubner, 1927.
- Marin., *Vita Procl.: Neoplatonic Saints. The Lives of Plotinus and Proclus by their Students* / Edwards M. (ed.). Liverpool: University Press, 2000.
- Penella Robert J. *Greek Philosophers and Sophists in the Fourth Century A.D. Studies in Eunapius of Sardis*. Leeds: Peeters, 1990.

Phenix Robert R. The Sermons of Joseph of Balai of Qenneshrin. Rhetoric and Interpretation in Fifth-Century Syriac Literature. Tübingen: Verlag Univ., 2008.

PLRE 1: PLRE I: *Martindale J.R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I. A.D. 260–395. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.

Plut., Coniug. praec.: Plutarchi Moralia. Vol. 1 / Paton W.R., Wegehaupt I., Pohlenz M., Gärtner H. (ed.). Leipzig: Teubner, 1974.

Porph. V. Plot.: Neoplatonic Saints. The Lives of Plotinus and Proclus by their Students. Edwards M. (ed.). Liverpool: University Press, 2000.

Ps.-Jul. Ep.: L'empereur Julien / Bidez J (ed.). Paris: Les Belles Lettres, 2003.

Raubitschek A. E. In: *Hesperia*. No. 33 (1964): 63–68

Saffrey H. D. Abammon, pseudonyme de Jamblique // Philomathes: Studies and Essays in the Humanities in Memory of Philip Merlin. The Hague: Martinus Nijhoff, 1971. Pp. 227–239.

Shaw G. In: *Dionysius*. No. 12 (1988): 37–60.

Shaw G. Theurgy and the soul: the neoplatonism of Iamblichus. Pennsylvania University, 1995.

Simplic. In Arist. Categ.: *Simplicius*. Commentaire sur les Catégories. / Hadot I. (ed.). Fasc. 1. Leiden: E. J. Brill, 1990.

Smith Andrew. Porphyry's Place in the Neoplatonic Tradition: A Study in Post-Plotininn Neoplatonism. The Hague: Martinus Nijhoff, 1974.

Speyer W. In: *Jahrbuch für Antike und Christentum*. No. 20 (1977): 39–46.

Stob. Ecl. I: Ioannis Stobaei anthologii libri duo priores qui inscribi solent Eclogae physicae et ethicae. Vol. I. Berlin: Weidmann, 1884.

Stob. Ecl. II: Ioannis Stobaei anthologii libri duo priores qui inscribi solent Eclogae physicae et ethicae. Vol. II. Berlin: Weidmann, 1894.

Stob. Ecl. III: Ioannis Stobaei anthologii libri duo priores qui inscribi solent Eclogae physicae et ethicae. Vol. III. Berlin: Weidmann, 1912.

Stob. Ecl. IV: Ioannis Stobaei anthologii libri duo priores qui inscribi solent Eclogae physicae et ethicae. Vol. IV. Berlin: Weidmann, 1923.

Syrian. Comm. In Herm.: Syriani in Hermogenem commentaria / Rabe H. (ed.). Vol. I. Berlin: B.G. Teubner, 1892.

Syrian. Comm. In Herm.: Syriani in Hermogenem commentaria / Rabe H. (ed.). Vol. II. Berlin: B.G. Teubner, 1893.

Vanderspoel J. In: *Greek, Roman, and Byzantium Studies*. N 29 (1988a): 83–86.

Vanderspoel J. In: *Hermes*. No. 116 (1988b): 125–128.

Vit. Is.: *Damascius*. The Philosophical History. / Athanassiadi P. (ed.). Apameia: The Apamea Cultural Association, 1999.

Vita Isid., Epit. Phot.: *Damascii Vitae Isidori Reliquiae* / Zintzen C. (ed.). Olms: Hildesheim, 1967.

VS (Eunap. VS): *Eunapius. Eunapii vitae sophistarum* / Giangrande J. (ed.). Rome: Polygraphica, 1956.

Wallis R. T. Neoplatonism. N.Y.: CUP, 1972.

Watts Edward. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley: UCP, 2006.

Westerink L. *Damascius. Lectures on the Philebus*. Amsterdam: PS, 1959.

Westerink L.G. The Greek Commentaries on Plato's Phaedo. L.: CC, 1976–1977.

Wilson John F. *Caesaria Philippi: Baniyas, The Lost City of Pan*. L.; N.Y.: SS, 2004.

Zos.: *Zosimus*. *Novaja istorija [New history]* / Bolgov N.N. (transl.). Belgorod: BelGU, 2010.

Zoumpos A.N. *Amelius von Etrurien. Sein Leben und seine Philosophie. Beitrag zur Geschichte des Neoplatonismus*. Athenai: Clio, 1956.

A. A. Bolgova
Belgorod, Russia

IAMBlichus - THE SCHOLARCH OF THE APAMEA SCHOOL

Abstract. In transition from antiquity to the Middle Ages an important role was played by the sphere of education, high school in particular. It became one of the most important links of the cultural continuity between the epochs, ensuring translation of knowledge and classical heritage. High School of Early Byzantium comprised three levels: grammar, rhetoric, and philosophy. Special sciences, first of all medicine and jurisprudence, corresponded to the level of rhetoric. Christian theology was considered superior to philosophy, though it was not common, but intra-church. In general, higher education in Early Byzantium remained secular in the Christianized society. Even the content of teaching remained predominantly traditional classical, excluding pagan theurgic practices. The school of Iamblichus in Apamea became one of the first philosophical schools of Late Antiquity, where, in addition to studying Neoplatonism, a complex of theurgic practices emerged as a religious cult expression of the final phase of the existence of the classical philosophical higher school. Iamblichus (about 250–320 A.D.) was a key figure in the translation of Neoplatonism from Rome to the Eastern Mediterranean, the future Byzantium.

Key words: Late Antiquity; Early Byzantium; school; Iamblichus; philosophy; scholar; teachers; students.

About the author: Anna Mikhailovna Bolgova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of General History.

Place of employment: Belgorod National Research University.

Болгова А. М. Ямвлих – схолярх Апамейской школы // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 1. С. 70–80.

Bolgova A. A. Iamblichus - the scholarch of the Apamea school // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 1. P. 70–80.

УДК 94 (4)

А. Н. Галямичев
Саратов, Россия

РЕФОРМАЦИЯ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о влиянии европейской Реформации на развитие культуры славянских народов, обосновывается вывод о том, что Реформация стала источником мощных импульсов к коренному обновлению духовной культуры славянского мира на пороге Нового времени.

Показано, что Реформация сыграла ключевую роль в процессе сохранения национальной идентичности сербов-лужичан, оказала мощное благотворное воздействие на развитие культуры Чехии в XVI – начале XVII вв., существенно повлияла на развитие польской культуры в XVI в., особенно на становление литературы на национальном языке.

В статье дается характеристика особенностей культурного влияния Реформации в славянских землях Венгерского королевства, выявляются причины его неоднозначности в Словакии и Хорватии, подчеркивается особо значительное воздействие Реформации на развитие хорватской культуры.

Далее приводятся факты о влиянии Реформации на культурную жизнь словенских земель, прежде всего на становление литературного языка.

В заключение делается вывод о том, что эпоха Реформации занимает исключительно важное место в развитии самосознания и культуры славянских народов, связанных с миром западного христианства. В это время были созданы предпосылки Славянского Национального Возрождения первой половины XIX века.

Ключевые слова: Реформация; славяне; Возрождение; этническое самосознание; национальная культура.

Сведения об авторе: Александр Николаевич Галямичев, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

Контактная информация: 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83; тел.: 8-960-358-95-21; e-mail: galyamichev57@mail.ru

---

31 октября 2017 г. отмечалась годовщина начала Реформации – выдающегося события всемирной истории, оказавшего огромное влияние на судьбы человечества в последующие столетия.

Если взглянуть на современную карту Европы, может сложиться впечатление, что это великое движение не затронуло славянские страны и народы. Не только православные народы Балканского полуострова, но и те славянские страны, которые со времен Раннего Средневековья принадлежали к миру западного христианства, не принадлежат к числу тех государств современной Европы, в которых протестантизм является ведущей религиозной конфессией.

Однако впечатление о непричастности славян к духовным исканиям эпохи Реформа-

ции может сложиться только на самый первый и самый поверхностный взгляд. На самом деле Реформация оставила очень глубокий след в истории многих славянских народов, причем у каждого из них он отмечен яркими чертами своеобразия.

Прежде всего нельзя не сказать о том, что существует один славянский народ, прочно связанный с протестантизмом с момента его возникновения. Более того, именно Реформация сыграла решающую роль в сохранении им этнического самосознания и национальной самобытности. Речь идет о сербах-лужичанах, проживающих в Восточной Германии.

Земли заэльбской Германии начиная с XV в. стали областью завоевательных походов немецких феодалов и тесно связанной с ними немецкой колонизации. Истребление, изгнание

и ассимиляция полабских славян привели к тому, что к началу XVI в. они стояли на краю исчезновения. Нельзя не отметить интересный факт: когда сербы-лужицане – сторонники Реформации обратились за советом о переводе Библии на славянский язык к самому Лютеру, тот посчитал его подготовку напрасным трудом, полагая, что через сто лет о серболужицком языке не останется даже воспоминаний.

Тем не менее лужицкие сербы, одними из первых откликнувшись на выступление Лютера в саксонском Виттенберге (места их компактного проживания расположены в близком соседстве), не оставили этого замысла. В 1574 г. Альбин Мюллер издал первые книги на серболужицком языке (в том числе «Малый катехизис» Лютера), положив тем самым начало созданию собственного литературного языка, а необходимость подготовки протестантских пасторов вызвала к жизни становление традиций серболужицкого образования (Гугнин 1997: 19–20). Эти тенденции обрели «второе дыхание» в первой половине XIX в., в эпоху Славянского Возрождения, когда деятели серболужицкой культуры обратили на себя пристальное внимание европейской общественности.

Обращаясь к истории более многочисленных славянских народов, имеющих собственную государственность, следует прежде всего остановиться на событиях эпохи Реформации в Чехии. В этой стране Реформация началась раньше, чем в Германии. Ян Гус и его последователи уже в начале XV в. выдвинули по сути те требования, которые были положены в основу лютеранской Реформации.

Гуситы смогли выстоять в ожесточенных 15-летних войнах с объединенными силами феодально-католической Европы и добились от папства признания права на существование гуситской национальной церкви, не подчинявшейся власти римского первосвященника и по своему решавшей многие вопросы догматики и обрядности. Когда же Реформация в XVI в. приобрела широкий размах и вышла за рамки собственно немецких земель, чешские гуситы объединились с последователями Лютера, чему способствовали не только тесные связи между Чехией и Германией, принципиальное сходство гусизма и лютеранства, но и высокая оценка учения и личности Гуса, которая была дана Мартином Лютером (Соловьёв 1984: 143–146).

XVI – начало XVII в. стали временем расцвета чешской национальной культуры, одним из главных факторов которого были тесные связи с европейскими протестантами

(Dějiny 2003: 240–254). Самым ярким порождением этого времени стала педагогика Яна Амоса Коменского (1592–1670), жизнь которого оборвалась в кальвинистском Амстердаме, куда он прибыл после долгих скитаний, вынужденный покинуть родину после подавления антигабсбургского восстания чешских сословий 1618–1620 гг. и обрушившихся на чешских протестантов жестоких гонений.

Время, последовавшее за трагической битвой у Белой Горы и массовым исходом сторонников Реформации из Чехии, осталось в исторической памяти чешского народа под характерным названием «эпоха тьмы», а для деятелей начавшегося в первые десятилетия XIX в. Чешского Национального Возрождения гуситская эпопея и последовавшее за ним предбелогорское (до трагической для судьбы чешского народа битвы у Белой Горы 1620 г.) время стали предметом гордости и источником вдохновения.

По-иному Реформация повлияла на судьбы Польши и польской культуры. В польских землях идеи Реформации нашли наиболее решительных приверженцев в среде шляхты, причем польские сторонники Реформации склонялись по преимуществу к кальвинизму. В основе этого лежали две причины. Во-первых, лютеранство, распространявшееся среди немецкого бюргерства польских городов, рассматривалось как немецкая религия, что особенно усилилось после секуляризации государства Тевтонского ордена в 1525 г. и образования княжеской Пруссии. Во-вторых, польскую шляхту привлекали в кальвинизме республиканские тенденции, созвучные ее политическим идеалам.

После Люблинской унии 1569 г. и издания Генриховых артикулов в 1574 г. реформационное движение в Польше стало быстро сходиться на нет. С одной стороны, восторжествовал строй шляхетской демократии, и политические устремления шляхты были удовлетворены. С другой стороны, открылись перспективы освоения богатых земель Украины, в процессе которого католическая церковь выступала в роли деятельного союзника шляхты. В Польше Реформация не сопровождалась длительным противостоянием и взаимным ожесточением противоборствующих сторон. Отношения сторонников и противников Реформации оставались относительно терпимыми. Не случайно именно в польском Лешно на долгие годы нашел пристанище Ян Амос Коменский после изгнания протестантов из Чехии.

Реформация оказала благотворное влияние на развитие польской национальной культуры, способствуя проникновению народного языка в сферу образования и литературное творчество. Выдающееся место в развитии польской литературы принадлежит Миколаю Рею из Нагловиц (1505–1569), который был активным поборником Реформации (История польской ... 1984: 49–60). В творческом пути великого национального поэта, создателя польского литературного языка Яна Кохановского (1530–1584) важное место занимает время обучения в Кёнигсбергском университете – одном из главных центров протестантизма в Европе начала 1550-х гг., а также его контакты с видными вождями польской Реформации – Миколаем Радзивиллом Чёрным и Яном Фирлеем. Существует предположение, что великий польский поэт некоторое время являлся сторонником Реформации (История польской ... 1984: 61–65). Важно отметить, что в условиях острых религиозных споров, охвативших образованную часть общества, в Польше очень рано и ярко проявилась тенденция к внутреннему обновлению католицизма, импульс к которому дала Реформация и начало борьбы с ней. Это особенно ярко проявилось в укреплении культурных связей Польши с Италией в XVI в. (Дворник 2001: 361–372).

Реформация оказала мощное воздействие на развитие земель венгерской короны, в состав которых входили на рубеже Средних веков и Нового времени Словакия и Хорватия. Здесь, как и в Польше, главную социальную опору Реформации составляло дворянство, исповедовавшее кальвинизм. При этом для земель Венгерского королевства были характерны и своеобразные черты. Во-первых, Реформация стала здесь знаменем национально-освободительных устремлений мадьяр и славян после битвы при Мохаче 1526 г. и утверждения в землях Венгерского королевства власти австрийских Габсбургов, решительно противостоявших Реформации с момента ее зарождения. Во-вторых, при временном переходе венгерских земель под верховенство Османской империи турки оказывали покровительство протестантам, стремясь ослабить позиции римско-католической церкви – главного организатора противостояния стран Европы турецкой экспансии. Пока чаша весов в противоборстве Габсбургов и Порты колебалась, венским правителям приходилось мириться с распространением протестантизма, так что к концу XVI в. большая часть дворянства Венгерского королевства стала кальвинистской. Распространение кальвинизма сопровождалось

успехами в развитии просвещения и литературного творчества на мадьярском и славянском языках (Гусарова 1999: 388–411). Эти явления в меньшей степени заметны в Словакии, поскольку здесь отсутствовало национальное дворянство – главный носитель реформационных идей. Развитие реформационных идей среди словацкого населения во многом питалось гуситскими традициями (Varsik 1969: 80–87). Это проявилось, в частности, в том, что напечатанный в 1581 г. в Бардеёве «Малый катехизис» Лютера, который считается первой словацкой книгой, был издан на чешском языке. Напротив, в Хорватии с ее многочисленным дворянством местного корня Реформация оказала мощное воздействие на развитие национальной культуры, языка и литературы.

Поворот в сторону угасания успехов Реформации в землях Венгерской короны был связан с переходом Габсбургов от обороны к наступлению в борьбе с Османской империей во второй половине XVII в., когда вместе с военными успехами стала усиливаться тенденция к подавлению национально-освободительных устремлений венгерского и хорватского дворянства. Одним из самых драматических моментов в исторических судьбах Хорватии стал заговор Зринских (Strčić 1991: 35–47), который возглавили представители знатного рода, оказывавшего действительную поддержку протестантской церкви, образованию и культуре (Лукьяненко 1911: 7).

Заговор Зринских был составлен после заключения в 1664 г. императором Леопольдом I Вашварского мира, по условиям которого туркам был возвращен ряд хорватских и венгерских земель, ценой больших потерь отвоеванных в ходе военных действий. Подписание этого договора было расценено в среде хорватского дворянства как предательство. Ключевая роль в заговоре принадлежала молодым аристократам Петру Зринскому и Франу Франкопану, которые являлись выдающимися хорватскими поэтами. Целью заговора было освобождение Хорватии из-под власти Габсбургов с помощью европейских держав. После того как заговор Зринских был раскрыт, а его руководители казнены в 1671 г., началось решительное наступление сил Контрреформации как в Хорватии, так и в Венгрии, которое завершилось восстановлением господства католической церкви в этих землях.

Рассматривая вопрос о роли Реформации в исторических судьбах славянских народов, нельзя оставить без внимания и ее влияние на

культуру словенского народа. Последний развился в средние века своеобразным путем: уже в середине VIII в. словенские земли оказались под властью баварских герцогов, затем вместе с Баварией вошли в состав государства франков, империи Карла Великого, наконец, Священной Римской империи. В словенских землях, разделенных на герцогства Штирия, Каринтия и Крайна, как и в Словакии, не сложилось национального рыцарства и городского сословия, которые могли бы выступить в качестве главного поборника реформационных идей. В проникновении последних в Словению важную роль сыграло соседство Швейцарии, где идеи Реформации пустили глубокие корни среди крестьянского населения альпийских областей. В 1550–1551 гг. протестантский проповедник Примож Трубар (1508–1586), испытавший в молодые годы большое влияние Эразма Роттердамского, издал первые книги на словенском языке, в том числе «Малый катехизис» Лютера. Депутатами сейма герцогства Крайна

Трубар был приглашен в Любляну, где занял должность суперинтенданта словенской протестантской церкви.

Однако в 1555 г., после прихода к власти в Священной Римской империи Фердинанда I, в словенских герцогствах начались гонения на протестантов. В 1565 г. Примож Трубар был вынужден навсегда покинуть Любляну, но его посев успел дать всходы, которые обрели неодолимую силу в эпоху Славянского Возрождения, ставшего временем подъема словенского национального самосознания, бурного развития литературного языка и культуры (Rupel 1962).

Таким образом, Реформация стала исключительно важным рубежом в истории этнического самосознания и культуры славянских народов, вошедших в средние века в культурное пространство западного христианства, сыграв решающую роль в сохранении их языковой и культурной самобытности и создании предпосылок для формирования национальных культур в Новое время.

ЛИТЕРАТУРА

- Гугнин А. А.* 1997. Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней. М.: Институт славяноведения РАН.
- Гусарова Т. П.* 1999. Культура Венгрии в конце XV — начале XVII в. // История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения. М.: Высшая школа, 388–411.
- Дворник Ф.* 2001. Славяне в европейской истории и цивилизации. М.: Языки славянской культуры. История польской литературы. 1984. Т. 1. М.: Наука.
- Лукьяненко А. М.* 1911. Политическая и литературная деятельность братьев Зринских и Франца Франкопана (Из истории политической и экономической жизни хорватов XVII в. и из истории развития у хорватов литературы и выработки литературного языка). Киев: Университетская типография.
- Соловьёв Э.* 1984. Непобеждённый еретик. Мартин Лютер и его время. М: Молодая гвардия.
- Dějiny země Koruny České.* 2003. Praha-Litomyšl: Paseka.
- Rupel M.* 1962. Primož Trubar: življenjeindelo. Ljubljana: Mladinska knjiga.
- Strčić P.* 1991. Zrinsko-Frankopanskaurota // Fluminensia 3, 35–47.
- Varsik B.* 1969. Die Hussiten und die Reformation in der Slowakei // Weltwirkung der Reformation. Bd. I. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 80–87.

REFERENCES

- Gugin A. A.* Vvedeniye v istoriju serboluzhickoj slovesnosti i literatury ot istokov do nashich dnei [Introduction to the history of Sorbian literature from the origin up to these days]. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 1997. (In Russian).
- Gusarova T. P.* Kultura Vengrii v konce XV — nachalje XVII v. // Istorija kulture stran Zapadnoj Evropy v epochu Vozrozhdeniya [Culture of Hungary in the late 15th–early 17th centuries// History of culture of West European countries in the epoch of Renaissance]. M.: Vysshaja shkola, 1999. (In Russian).
- Dvornik F.* Slavjane v evropejskoj istorii i civilizacii [The Slavs in European History and Civilization] . M.: Jazyki slavyanskoj kulture, 2001. (In Russian).
- Istorija polskoj literatury [History of Polish Literature]. M.: Nauka, Vol. 1, 1984. (In Russian).
- Lukjanenko A.M.* Politicheskaja i literaturnaja dejatel'nost bratjev Zrinskih i Franza Frankopana (Iz istorii politicheskoj i ekonomicheskoj zhizni horvatov XVII v. i iz istorii razvitiya u horvatov literatury i vyrabotki literaturnogo jazyka) [Political and literary activities of the brothers Zrinski and Fran Frankopan (From political and economical life of Croats in the 17th century and from the history of the development of Croatian literature and literary language) . Kijev: Universitetskaja tipografija, 1911.
- Solov'ov E.* Nepobezhdjonnyj jeretik. Martin Ljuter i jego vremja [The Unconquered Heretic. Martin Luther and his time] M: Molodaja gvardija, 1984.
- Dějiny zemi Koruny České.* Praha; Litomyšl: Paseka, 2003.

Rupel M. Primož Trubar: življenje in delo. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1962.

Strčić P. Zrinsko-Frankopanska urota // Fluminensia; 1991. G. 3. S. 35–47.

Varsik B. Die Hussiten und die Reformation in der Slowakei // Weltwirkung der Reformation. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1969. Bd. I. S. ss 80–87.

A. N. Galyamichev

Saratov, Russia

REFORMATION AND DEVELOPMENT OF SLAVIC PEOPLE CULTURE

Abstract. The article deals with the influence of the European Reformation on the cultural development of Slavic peoples; the conclusion is drawn that the Reformation was the source of powerful impulses to a radical renewal of the spiritual culture of the Slavic world on the threshold of a New time.

It is shown that the Reformation played a key role in preserving the Sorb national identity, had a strong beneficial influence on the cultural development of the Bohemian kingdom in 16th – early 17th centuries and significantly affected the development of Polish culture (particularly, literature in the national language) in the sixteenth century.

The article describes peculiarities of the Reformation cultural impact in the Slavic lands of the Hungarian Kingdom, reveals the reasons of its controversial impact in Slovakia and Croatia, and emphasizes the Reformation's particularly significant impact on the development of Croatian culture.

The author provides facts about the impact of the Reformation on the cultural life of the Slovene lands, the literary language formation in particular.

The article concludes that the era of the Reformation was essential in the development of the identity and culture of Slavic peoples connected with the world of Western Christianity. It was the time when the preconditions for the Slavic National Revival were created.

Key words: Reformation; the Slavs; the Renaissance; ethnic identity; national culture.

About the author: Alexander Nikolaevich Galyamichev, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of General History.

Place of employment: Saratov State University.

Галямичев А. Н. Реформация и развитие культуры славянских народов // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 1. С. 80–84.

Galyamichev A. N. Reformation and development of slavic people culture // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 1. P. 80–84.

УДК 904

И. В. Зайцева
Белгород, Россия

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ АЛЕКСАНДРИИ (на примере Александрийского музейона)

Аннотация. Целью данной статьи является анализ влияния интеллектуальной атмосферы, складывающейся в Александрийском музейоне, на интеллектуальную жизнь александрийского общества. Предметом исследования выступает Александрийский музейон как традиционная форма музеефикации, присущая классической эллинистической культуре. Методологической основой данной статьи выступают общенаучные методы анализа и синтеза, которые позволили интегрировать традиции отечественных и зарубежных исследователей по рассматриваемой проблеме. Также были использованы сравнительно-исторический метод, метод системного анализа, структурно-диахронный метод, статистический метод, герменевтический метод, прием исторического описания.

Трудов, посвященных крупнейшему образовательному центру – Александрийской школе, – в настоящий момент более чем достаточно, чего нельзя сказать об Александрийском музейоне. Некоторые отрывочные сведения об ученых мужах, чья деятельность протекала в музейоне, мы находим в произведениях Страбона, Диодора Сицилийского, Диогена Лаэртского. Отдельные аспекты развития Александрийского музейона встречаются в трудах отечественных исследователей А.А. Бондаренко и В.П. Поршева. Общекультурный анализ развития Александрийской жизни можно увидеть в работах зарубежных исследователей А. Harnack, С. Kingsley, R.M. Macleod, E.D. Parsons.

В статье определяется, что этапы развития Александрийского музейона были связаны с теми социально-политическими, культурными и религиозными изменениями, которые характеризовали Римскую империю в различные исторические периоды. Именно Александрийский музейон стал первым интеллектуальным центром, сформировавшим культурный облик города. Особенностью данного интеллектуального центра было

то, что он представлял собой реализованную идею классической античности о соединении материальных и культурных ценностей, способных наиболее эффективным образом влиять на александрийский социум.

Ключевые слова: Александрия; Римская империя; Египет; Александрийский музей; Александрийская библиотека; Серапеум.

Сведения об авторах: Ирина Валерьевна Зайцева, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

Место работы: Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина.

Контактная информация: 308015, Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71, тел.: 89511331288, e-mail: zajcevil@mail.ru.

В настоящее время рассмотрение проблем, связанных с интеллектуализмом в александрийском обществе, представляется наиболее актуальным в контексте современных дискуссий о задачах, стоящих перед современным высшим образованием. Александрия на протяжении многих веков представляла собой центр интеллектуальной жизни Римского востока. Безусловно, ядром интеллектуализма этого уникального города являлись Александрийская школа и Александрийский музей, который включал в себя знаменитую Александрийскую библиотеку.

Появление в Александрии подобного интеллектуального центра связано с тем, что формирование новых монархий побуждало их правителей вступать в активное противоборство, в том числе и в культурном аспекте, подтверждая тем самым преемственность своих династий. Поэтому образование на вновь завоеванных территориях развитых в военном и торговом отношении городов неизбежно приводило к созданию в них новых механизмов культурного восприятия существующей общественно-политической действительности.

На территории Египта главным этнокультурным связующим звеном между греческими поселенцами и их исторической родиной стал Александрийский музей, сосредоточивший в себе лучшие традиции «музеефикации» эллинистической культуры. По мнению А.А. Бондаренко, традиции музейного дела присущи человечеству исторически и берут свое начало в классической Античности. Изначально опыт собирательства транслировался, прежде всего, через ритуал и миф, в которых систематизировались наиболее используемые концепции мировосприятия, характерные для человека древнего мышления (Бондаренко 2007: 257–258). В дальнейшем идея собирательства перешла из нематериальных в материальные формы. В Древней Греции стали появляться так называемые мусические искусства, к которым относились, прежде всего, философия, наука, музыка, литература и художественное творчество (Борухович 1976: 94). В них перманентно совме-

щались особенности разных жанров и традиций, отражались мысли, чувства и взгляды различных слоев социума.

Сама идея собирания материальных и духовных ценностей впервые отчетливо проявила себя в феномене античного музея. В Греции, на ранних этапах развития государственности, музеи (μουσεον), т. е. собрания Муз, места их проживания, служили святилищами для почитания спутниц бога солнца Феба-Аполлона, покровительниц мусических искусств, и располагались в самых красивых местах города (Бондаренко 2007: 260). Поскольку музы считались покровительницами пения и сказаний, то мусическое искусство стало неотъемлемой частью общего образования древнего грека. В связи с этим под «музееоном» стали пониматься и жертвоприношения музам, и торжественные школьные праздники, а впоследствии музеями стали называть сами школы и иные образовательные и научные центры. Так, к наиболее известным стоит отнести Культ Муз в Кротонской школе Пифагора, Музей Платоновской Академии, философскую школу перипатетиков – Ликей. Объединяющей тенденцией этих заведений стало то, что они явились не просто местом сосредоточения ученых кадров того времени, но и по сути представляли собой религиозное братство, институционализированное научное и учебное заведение. Поскольку высокий культурный уровень античных полисов во многом был достижением отдельных ученых, на собственные деньги финансировавших свои школы, руководители музееонов были полноправными их владельцами, что не мешало зарождению и укреплению науки в понимании, близком к современному рационалистическому мировоззрению (Macleod 2004: 23).

Прослеживая такую тенденцию развития музееонов в классической Античности, мы видим правопреемственность данного аспекта в Александрии Египетской. Основание Александрийского музея как крупнейшего научно-исследовательского центра относят к IV в. до н.э. и связывают с именем Птолемея I. Среди

источников, дошедших до нашего времени, мы не встречаем ни одного, который бы в полной мере указывал на точную дату основания мусейона. По воспоминаниям Плутарха, важную роль в формировании мусейона сыграл ученик Аристотеля и Теофраста Деметрий Фалерский (ок. 360 – ок. 280 гг. до н.э.) (Бондаренко 2007: 267). Учитывая их близкое знакомство с Аристотелем, который одним из первых говорил о создании учреждения, подобного мусейону, можно предположить, что Деметрий Фалерский смог практически реализовать мечту своего учителя. Переехав в 297 г. в Египет, он занял место советника при Птолемею I Сотере. Существует предположение, что именно Деметрий подал мысль Птолемею о необходимости учреждения в столице нового Мусейона с библиотекой и другими коллекциями, по примеру Афин.

Давая характеристику Александрийскому мусейону в эллинистический период, стоит сказать, что, по воспоминаниям Страбона, он занимал достаточно большую территорию в дворцовом комплексе Птолемеев с многочисленными постройками и садово-парковыми ансамблями: «Мусейон также является частью помещения царских дворцов; он имеет место для прогулок, экседру [крытую галерею с сиденьями] и большой дом, где находится общая столовая для ученых, состоящих при Мусейоне. Эта коллегия ученых имеет не только совместный фонд (κοινὰ χρῆματα), но и жреца – правителя Мусейона, который раньше назначался царем, а теперь – Цезарем» (Страбон 1994: 112). Отсюда мы видим, что фактически главой мусейона был жрец, назначаемый царем и исполнявший религиозно-представительные функции, не вмешиваясь в научную сферу (заметим, что подобное обстоятельство логично обосновано ввиду того, что изначально мусейон задумывался как храм служения музам).

С момента образования в Александрийский мусейон стекалась многочисленная интеллектуальная элита, которая отчасти и сформировала новую социальную среду, придав Александрии статус культурной столицы Римской империи. В основном ученых привлекали в город достаточно свободные (по сравнению с остальными частями империи) общественные нравы, возможность использовать в своих научных изысканиях бесплатно предоставлявшиеся лично царем фонды знаменитой Александрийской библиотеки, оборудование для исследования окружающего мира, а также полное материальное обеспечение (Parsons 1967:

147). По мнению некоторых исследователей, именно наличие в мусейоне Александрийской библиотеки заставляло ученых различных направлений прибывать в Александрию и работать в Александрийском мусейоне. Главная задача библиотеки состояла не в хранении текстов основоположников тех или иных литературно-художественных и философских направлений, знание о которых передавалось в устной форме, что нивелировало необходимость его закрепления в письменном виде. Мысль Деметрия Фалерского о создании библиотеки состояла в том, чтобы через нее у любого желающего появилась возможность полноценного общения с автором, связь с которым по тем или иным причинам невозможна.

Особая атмосфера, декорирование пространства предметами, имеющими художественную ценность, – все это позволяло совершать новые научные открытия в различных областях знаний и формировать новую культурную среду. По мнению А.А. Бондаренко, такая обстановка создавала своего рода «музейное» восприятие, которое отвечало глубинным потребностям александрийской интеллектуальной культуры (Бондаренко 2007: 265). В основном, это было связано с тем, что после достигнутой высоты научной мысли в классической Античности эллинистическая культура занялась «самоинвентаризацией», для которой ей был нужен свой центр, предметным воплощением которого и становится мусейон.

В основу деятельности мусейона была положена концепция творческого братства и мусического служения, что выражалось в идее совместного постижения научной истины (Бондаренко 2007: 267). Необходимо отметить, что Александрийский мусейон представлял собой не только научное, но и сакральное объединение ученых, о чем наряду с организационными принципами свидетельствует и его этимология. Прежде всего, мусейон был сакральным местом служителей муз под руководством жреца, который назначался лично царем. Члены мусейона также назначались царем и имели право распоряжаться выделенным государственным финансированием. В этом проявлялся строго выраженный государственно-монархический характер данного института, который отличал его от других мусейонов Античности (Бондаренко 2007: 268).

Ранние греческие традиции мусейонов проявлялись в Александрии в том, что большую роль здесь уделяли занятиям литературой, математикой, философией, исследованиям фи-

зического мира, включая аспекты изучения природы и человека. Однако о расцвете музейона мы можем говорить лишь до III в. до н.э. Отметим, что в отличие от Афин, в Александрийском музейоне большое внимание уделялось филологическим наукам, поскольку работа над систематизацией фондов Александрийской библиотеки продолжалась постоянно, и, следовательно, знания филологов были востребованы в музейоне. Так, Деметрием Фалерским была начата работа по идентификации и текстуальной критике гомеровских поэм. На основании собранных им гомеровских текстов, а также его критических работ «Об Илиаде», «Об Одиссее», «Знатор Гомера», Зенодот Эфесский¹ предпринял первую попытку критического издания текстов Гомера. Во второй половине III в. до н.э. Аполлоном Родосским была создана знаменитая «Аргонавтика» и ряд других эпических поэм. И это лишь малая часть филологических работ, которые проводились на базе музейона.

Особенность Александрийского музейона состояла в том, что исследовательская работа ученых, деятельность которых была связана с этим интеллектуальным центром, не опиралась на определенные философские доктрины, не загоняя авторов в ту или иную методологическую концепцию. Исходя из этого, долгое время в Александрии не складывалась устойчивая философская школа. Однако это не говорит о том, что в Александрии того времени совершенно отсутствовали яркие философы и представители других гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

Среди представителей точных наук, внесших значительный вклад в развитие как самого музейона, так и всего александрийского интеллектуализма, следует выделить Евклида, Аполлония Пергского, Архимеда, Ипатию.

Несмотря на то, что Египет являлся одним из центров создания мировой цивилизации, тем не менее, не все научные направления пользовались достижениями египетских ученых. Одной из немногих отраслей научного знания, опиравшейся на религиозные и культурные традиции Древнего Египта², была медицина. Особое внимание стоит обратить на Герофила, занимавшегося изучением анатомии

человека посредством публичного вскрытия трупов. Изучение ритмов сердечных сокращений привело его к созданию учения о пульсе, который он считал основным элементом диагностики и измерял его частоту при помощи водяных часов. Главным научным трудом Герофила стала не дошедшая до наших дней «Анатомия».

Знаменитым медиком, работавшим в музейоне, был Эрасистрат, который первым обнаружил различие в функциях сосудов кровеносной системы, подметив, что артерии пульсируют, а вены нет. При этом основным предметом его исследований оставалась нервная система человека. Успехи медицинской науки во многом были связаны с тем, что Птолемей II позволил Эрасистрату проводить медицинские исследования на приговоренных к смерти преступниках.

По мнению В.П. Поршнева, Александрийский музейон представлял собой классический образец эклектичного мышления позднеантичного человека, эклектичность которого проявлялась не только в синтезе разных систем мировоззрений, но также в формировании особой интеллектуальной элиты, людей, свободных в своих убеждениях (Поршнева 2012: 259). Именно в Александрии стали появляться «новые интеллигенты», которые носили египетские имена, но думали и писали на греческом языке. Поскольку большая их часть была людьми приезжими, Египет не воспринимался ими как родина. В основном они использовали потенциал предоставляемых возможностей для научных исследований и уезжали. Однако были и такие, родиной для которых становился сам музейон, внутри которого создавались различные кружки по научным либо религиозным интересам.

Успехи александрийской науки в том числе были связаны с тем, что многие знаменитые ученые отказались продолжать свою научную деятельность в Александрии. Поэтому в музейон стали приглашать ученых, которые занимались узкопрофильной отраслью знания. Птолемеи активно привлекали ученых в свой центр с помощью различных социальных льгот и выплат.

Мы не встречаем информации о внутреннем подразделении музейона и профессиональных направлениях, разрабатываемых его сотрудниками. Косвенные свидетельства мы находим лишь в позднеримских литературных источниках у Аммиана Марцеллина, Афинея и Элия Лампридия. Так, Аммиан Марцеллин

¹ Следующий за Деметрием Фалерским руководителем Александрийского музейона.

² Это связано с широко распространенным в Египте культом мертвых и повседневной практикой бальзамирования человеческих тел.

(XII, 16) утверждал, что при нем весь квартал Брухейон был заселен учеными людьми. Афиной (IV, 184), перечисляя ученых и сотрудников мусейона, изгнанных Птолемеем VIII, упоминает философов, грамматиков, геометров-землемеров, изографов-живописцев, учителей гимнастики. Элий Лампридий в биографии Александра Севера оставил свидетельства о благодеяниях императора по отношению к александрийским ученым, репрессированным при Каракалле, когда в пострадавшем от пожара городе была возведена новая набережная с порфировой колоннадой, а многим ученым стали выплачивать содержание (Поршнева 2012: 250–251). По мнению В.П. Поршнева, это указывает на то, что служители муз делились как минимум на две большие категории: во-первых, поэты и религиозные деятели, чья профессия была отмечена божественной одержимостью; во-вторых – ученые, которые изучали и систематизировали результаты божественной и человеческой деятельности, т. е. естествоиспытатели, историки и описатели предметов искусства. Это деление указывает на то, что мусейон был одновременно и творческой мастерской, и местом образования и воспитания. Последняя функция, приближавшая мусей к возникшим позднее университетам, стала заметнее в римскую эпоху (Поршнева 2012: 251).

С середины III в. н.э. служители мусейона не просто стали искать точки соприкосновения своей и египетской культуры, но и фактически начали переосмысливать эллинское культурное наследие, которое в основном представляло собой тексты рукописей Александрийской библиотеки. Даже памятники изобразительного искусства предков воспринимались больше через их вербальное описание, зачастую в художественной форме (произведения Леонида Тарентского, Антипатра Сидонского и других поэтов-антикваров).

Как и в любой научной школе, в мусейоне имело место длительное соперничество, по крайней мере, двух научных или художественных школ. Примерами таких противостоящих друг другу научных школ являлись школы врачей-догматиков Герофила и врачей-эмпириков Филина Косского; в филологии противостояли друг другу Аристофан Византийский и Кратет Малосский. Подобная практика была повсеместной и до учреждения мусейона, однако в местах наибольшего сосредоточения представителей различных ветвей научной мысли это противостояние, как правило, усиливалось и проявляло себя наиболее ярко.

В III в. н.э. научные изыскания в мусейоне отошли на второй план. Основной стала общеобразовательная задача, однако в условиях распространения христианства постепенно угасла и учебная деятельность, основанная на политеистическом мировоззрении. Особенное внимание в римскую эпоху уделялось развитию филологии, известны александрийские ученые I–III веков, такие как Феон, Трифон, Апион. Некоторый подъем наблюдался в работе мусейона при Адриане и его преемниках – в это время работали филологи Аполлоний Дискол, Гарпократион и Гефестион, математик Менелай, врач Соран, астроном и географ Клавдий Птолемей (Поршнева 2012: 259).

В III в. для мусейона наступил сложный период, который начался с военных событий в Александрии, связанных со взятием города Каракаллой в 216 г. (об этом сообщал Дион Кассий, LXXVII, 22). По сообщению Аммиана Марцеллина, недолгий период восстановления окончательно был завершён во время войны Зенобии и Аврелиана в 269–270 или 273 г., когда весь квартал Брухейон был сожжен и разрушен (Бондаренко 2007: 269). Существуют предположения о том, что после этих событий преподавание продолжало осуществляться в Серапеуме, однако точных указаний на это мы встречаем крайне мало.

Поскольку в III–IV вв. в Александрии начал активно развиваться неоплатонизм, а параллельно с ним и христианизация научного знания, отношение к мусейону существенным образом изменилось и у жителей города, и у представителей императорской династии (Kingsley 2004: 15). Объективным поводом к противостоянию мусейона и Александрийской школы стала сама концепция этих научных заведений: одно создавалось как храмовый языческий комплекс, другое – как катехизисное христианское училище (Harnack 1960: 126). По сути, именно мусейон в Александрии стал местом сосредоточения защитников язычества в период христианизации Римской империи.

В 391 г. состоялось закрытие мусейона, поскольку, согласно императорскому эдикту Феодосия I, стали уничтожаться все языческие культы и места их поклонения. Закрытие Александрийского мусейона стало поводом к прекращению деятельности античных научно-учебных центров с подобным наименованием.

В заключение необходимо отметить, что как в период своего расцвета, так и во время упадка Александрийский мусейон играл важную культуuroобразующую функцию в совре-

менном ему обществе. Он сыграл важную роль в формировании и поддержке интеллектуального климата своей эпохи, способствовал выявлению и развитию духовно-творческих начал александрийского общества, синкретизируя многообразие культур, этносов и конфессий,

населяющих Александрию. С другой стороны, его закрытие имело прямую логическую связь с процессом внутренних культурно-религиозных изменений, затронувших всю Римскую империю после начала процесса ее христианизации.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондаренко А. А.* 2007. Античный музейон: рождение музея из мифа и ритуала // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 1, 257–273.
- Борухович В. Г.* 1976. В мире античных свитков. Саратов: Саратовский ун-т.
- Диодор Сицилийский.* 1774–1775. Историческая библиотека / Алексеева И. А. (пер.). Ч. 1–6. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук.
- Поршнева В. П.* 2012. Музей в культурном наследии античности. Москва: Новый Акрополь.
- Страбон.* 1994. География / Крюгер О.О. (ред.). Москва: Ладомир.
- Harnack A.* 1960. Alexandria School // The New Schaff-Herzog Encyclopedia of Religious Knowledge. Vol. 1. Michigan: Baker Book House, Grand Rapids, 124–126.
- Kingsley C.* 2004. Alexandria and her schools. Columbia: Columbia University Press.
- Macleod R. M.* 2004. The library of Alexandria: center of learning in the ancient world. London–New York: I.B. Tauris.
- Parsons E. D.* 1967. The Alexandrian Library, Glory of the Hellenic World: Its Rise, Antiquities, and Destructions. New York: American Elsevier Pub. Co.

REFERENCES

- Bondarenko A. A.* In: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Vestnik of Saint Petersburg University]. Ser. 2. History. Iss. 1. (2007): 257–273. (In Russian).
- Borukhovich V.G.* V mire antichnyh svitkov [In the world of ancient scrolls]. Saratov: Saratovskij universitet, 1976. (In Russian).
- Diodor Sicilijskij.* Istoricheskaya biblioteka / [Diodorus of Sicily. 1774–1775. Historical library / Trans. by I. A. Alekseeva], SPb: Imperatorskaya Akademiya nauk. P. 1–6. 1774–1775. (In Russian).
- Porshnev V. P.* Musej v kul'turnom nasledii antichnosti [Museum in the cultural heritage of antiquity]. M.: Novyy Akropol, 2012 (In Russian).
- Strabon.* Geografiya [Geography] // Krueger O.O. (Ed. by). M.: Lodomir, 1994. (In Russian).
- Harnack A.* Alexandria School // The New Schaff-Herzog Encyclopedia of Religious Knowledge, Vol. 1. Michigan: Baker Book House, Grand Rapids, 1960. Pp. 124–126.
- Kingsley C.* Alexandria and her schools. Columbia: Columbia University Press, 2004.
- MacLeod R.M.* The library of Alexandria: center of learning in the ancient world. London–New York: I.B. Tauris, 2004.
- Parsons E.D.* The Alexandrian Library, Glory of the Hellenic World: Its Rise, Antiquities, and Destructions, New York: American Elsevier Pub. Co., 1967.

I. V. Zaytseva
Belgorod, Russia

INTELLECTUAL LIFE OF ALEXANDRIA (case study of the museion of Alexandria)

Abstract. The purpose of the article is to analyse the impact of the intellectual atmosphere of the Alexandrian museion on the intellectual life of the Alexandrian society. The subject of the research is the Alexandrian museion as a traditional form of museumification inherent in the classical Hellenistic culture. The methodological basis of the article were the general scientific methods such as analysis and synthesis, which allowed to integrate the traditions of Russian and international researchers on the issue. Such methods as the comparative historical method, method of systems analysis, the structural-diachronic method, statistical method, hermeneutical method and historical description were used.

Currently there are plenty of scientific works dedicated to the largest educational center, i.e. the Alexandrian school, which is not the case of Alexandrian museion. Some fragmentary information about the pundits whose practice took place in the Museion can be found in the works of Strabo, Diodorus Siculus and Diogenes Laertius. Description of certain aspects of the Museion development can be found in the works of such Russian researchers as A. A. Bondarenko and V. P. Porshnev. The general cultural analysis of the Alexandria life development can be checked in the works of the following foreign researchers: Harnack A., Kingsley C., Macleod R. M. and Parsons E. D.

The article determines that the stages of the Alexandrian museion development were connected with the sociopolitical, cultural and religious changes typical for the Roman Empire in different historical periods. It was the Alexandrian museion that became an intellectual center which formed the cultural dimension of the city. This intellectual center represented the implemented idea of classical antiquity to put together the material and cultural values so that they could effectively influence the Alexandria society.

Key words: Alexandria; the Roman Empire; Egypt; Alexandrian museion; Alexandrian library; Serapeum.

About the authors: Irina Valer'evna Zaytseva, Candidate of Historical sciences, Senior Lecturer at the Department of Humanities and Socio-Economic disciplines.

Place of employment: Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin.

Зайцева И. В. Интеллектуальная жизнь Александрии (на примере Александрийского мусейона) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 1. С. 84–90.

Zaytseva I. V. Intellectual life of Alexandria (case study of the museion of Alexandria) // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 1. P. 84–90.

УДК 94(410)

П. В. Мелихова
Саратов, Россия

АНТИКВАРИИ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ АНГЛИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.: НОВЫЕ ВЕЯНИЯ И НАСЛЕДИЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация. На материале сочинений ранних английских антиквариев У. Гаррисона «Описание Елизаветинской Англии» У. Кемдена «Британия» в статье предпринята попытка изучить экономическое развитие Англии конца XVI – начала XVII вв. через призму восприятия современников второй половины XVI в. В центре внимания автора – вопрос о том, какое наследие Средневековья и новые веяния отмечали антиквари. В статье показывается, что, будучи горожанами, образованными и состоятельными людьми, антиквари обращали внимание на различные аспекты повседневности, характеризующие экономическое состояние страны: сельское хозяйство, текстильную промышленность, горнодобывающее производство и металлургию, развитие торговли и флота, перевооружение армии. Автор приходит к выводу, что на основе комментариев антиквариев, оставленных ими замечаний, стиля и языка изложения материала можно судить о появлении в Англии второй половины XVI в. нового типа хозяйствования, который сосуществовал со старыми, средневековыми, традициями.

Ключевые слова: Англия; вторая половина XVI столетия; антиквари; У. Гаррисон; У. Кемден; экономическое развитие; новый тип хозяйствования; ранний капитализм; сельское хозяйство; огораживания.

Сведения об авторе: Мелихова Полина Владимировна, аспирант кафедры всеобщей истории Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Контактная информация: 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83; тел. 89648495986, e-mail: melihovapolya@gmail.com.

Интерес к XVI столетию обусловлен научной ситуацией последних десятилетий, значительно актуализировавшей проблему исторической переходности как одну из глобальных, имеющих междисциплинарное теоретико-методологическое значение (Побережников, Редин 2011: 4; Morrison 2015). В истории Англии, как и Европы в целом, это было время модернизации, зарождения в недрах старого общества новых, капиталистических, отношений (Яброва 1983; Мосолкина 1997; Чернова 2012b: 313), эпоха, «когда переплеталось то, что тянуло назад к средневековью, и то, что вело вперед к новому времени, порождая неожиданные яв-

ления в различных сферах жизни» (Мосолкина 1999: 31).

Переход от Средневековья к Новому времени в Европе сопровождался глубокими экономическими изменениями. На протяжении XVI столетия происходила трансформация старых форм производства, которые постепенно изменялись под влиянием раннекапиталистических отношений, обретая новые черты. Быстрее всего на новый тип хозяйствования переходила Англия. Ее экономическому развитию в XVI в. немало способствовало то обстоятельство, что в результате Великих географических открытий страна оказалась в центре мировых морских

торговых путей. Однако основным условием, определившим успехи развития капитализма в Англии в это время, явилось то, что процесс первоначального накопления проходил в ней гораздо интенсивнее, чем в других странах. Аграрный переворот, основывавшийся на экспроприации крестьянства, в классической форме совершился только в Англии и совпал с мануфактурной стадией развития капитализма в промышленности (Винокурова и др. 2013: 193).

Наблюдая интенсивные перемены в хозяйствовании на своей земле, современники стремились по-своему оценить происходящее. Кто-то в руинах разрушенных монастырей видел приближение неминуемой Божьей кары и, как следствие, конец мироздания. Другие с интересом и оптимизмом наблюдали за преобразованиями и новшествами. А третьи – английские антиквари, «любители древностей» (Woolf 1987: 11–48) – стремились найти связь исторического недавнего прошлого с настоящим, объясняя насущные проблемы через свое видение, делая определенные выводы, придавая тем самым некую закономерность текущим событиям. Главной их целью стало «... писать достойную историю... в которой историк видит лучшее будущее... Он должен очистить ее (истории) тело от старых ошибок... в чем ему помогут его красноречие и остроумие, откровенный стиль и яркая фантазия на всем пути» (Sprat 2007). Как никто другой, антиквари прекрасно ориентировались в прошлом своей страны. Не случайно В.В. Зверева отмечает, что «авторы антикварных сочинений начинали свою работу с путешествия, личного присутствия в “памятных” местах, выяснения точных деталей для досконального описания уцелевших древностей, следов прошлого в настоящем» (Зверева 2010: 756). В связи с чем антиквари не оставили без внимания все то, что было отличным от прошлого, шло в разрез с существующей традицией.

Для нас будут представлять интерес сочинения ранних представителей Антикварного общества – «Описание Елизаветинской Англии» (Harrison 1577) приходского священника, бакалавра богословия – Уильяма Гаррисона (1534–1593) и «Британия» (Camden 1610) королевского герольдмейстера и отца-основателя самого Антикварного общества – Уильяма Кемдена (1551–1623).

Получив прекрасное для своего времени образование (Терентьева 2015: 300–308; Morrison 2015: 215–235), антиквари хорошо ориентировались в экономических вопросах. У Гар-

рисона и Кемдена мы находим главы, характеризующие состояние экономики Англии, в которых присутствуют сведения о тенденции развития сельского хозяйства, увеличивающихся масштабах торговли и недостатках городских рынков, процветавшем ростовщичестве, о природных ископаемых и способах их обработки, о рыбном промысле и торговых кораблях, заходивших в порты Англии.

В XVI в. Англия, как и раньше, представляла собой аграрную страну. Но сельское хозяйство уже не было прежним. Перемены были хорошо заметны современникам. У. Гаррисон, в частности, пишет об изменении природного ландшафта вследствие беспощадной вырубке лесов: «Согласно древним записям и свидетельствам, такие королевства как Камбрия и Лагрия (Англия и Уэльс) когда-то были полностью покрыты лесами и рощами. Но сегодня мы не сможем встретить лес на протяжении 10–12 миль езды верхом... Иногда на много дней пути не встретишь вообще леса. Лишь единичные деревья рядом с городом, поселком, деревней, где жители для себя сажают вязы, дубы орешники, чтобы защитить свое жилище от сильных ветров и штормов». Он называет и одну из причин исчезновения лесов: «... деятельность человека, истребляющего целые леса под пашню, либо для пастбища, чтобы выпастить своих овец и другой рогатый скот...» (Harrison 1577). Фактически Гаррисон отмечает широко развернувшийся в XVI в. процесс огораживания и связанную с ним экспроприацию крестьянства (Семенов 1929; Косминский 1947; Tawneу 1912).

Не случайно антикварий много внимания уделяет овцеводству и называет овцу «заветным» животным для Англии, которое «способствует развитию городов». Овцы, дававшие молоко, мясо и шерсть, были у англичан одним из наиболее «доходных» видов домашнего скота: торговля английской шерстью, одеждой из нее, а позже и сукном становится важной статьей английского экспорта на континент. Овец держало все население. Самые влиятельные овцеводы (sheepmaster) имели по 20 тыс. голов (Harrison 1577).

Вместе с тем, Гаррисон пишет о тяжелых социальных последствиях огораживаний, осуждая разрушительное влияние экспроприации крестьян и сокрушаясь о том, что «незаконным владельцам земли нет никакого дела до этого» (Harrison 1577). Кемден описывает заброшенные поселения, на месте которых когда-то были оживленные города (Camden 1610). В целом, в

вопросе об огораживаниях антиквариации немногословны, но красноречивы: оба однозначно осуждают жестокость лендлордов.

Разъезжая по стране, антиквариации подмечали, что не только овцеводство служило причиной огораживаний, но также и разведение технических культур: например, хмель теперь выращивают «во многих местах, где прежде были хорошие дома зажиточных людей» (Camden 1610).

Важнейшей сельскохозяйственной отраслью для жителей Британии традиционно было животноводство, так как земля не везде и не всегда могла давать обильные урожаи. Но если раньше, как пишет А.Г. Глебов, земледелие и скотоводство были необходимы для пропитания (Глебов 2007: 102), то уже с XV в. главной особенностью становится выведение новых пород, востребованных на рынке и позволяющих получить прибыль. Гаррисон отмечает, что разводить скот могли лишь состоятельные жители по причине нехватки корма и, как следствие, его дороговизны (Harrison 1577). *курсив убрала*

Животноводство было представлено в елизаветинской Англии разнообразными животными: овцами, козами, лошадьми, волами, свиньями, а также домашней птицей. По свидетельству Гаррисона, «в Англии есть много разновидностей домашнего скота. Это лошади – самые быстрые и стройные, волы – самые сильные, ширококорые и ширококостные, коровы самые молочные, овцы с самой длинной и тонкой шерстью, а также свиньи, козы» (Harrison 1577). Гаррисон несколько не преувеличил достоинства животных, так, костные останки, найденные во время раскопок, подтверждают разнообразие видов домашних животных, причем скот в целом был крупнее, чем в Римской Британии (Глебов 2007: 102).

Совершенно оправданно Гаррисон начинает описание с волов, благодаря которым на столе каждого англичанина присутствовал хлеб. А вот лошадей, по замечанию антиквариации, «теперь больше разводят для развлечений, чем для войны». Их использовали для езды во время охоты, спортивных состязаний и войн. Гаррисон замечает: «...лошадей используют дворяне и господа для езды. А для своих путешествий королева выписала 2400 лошадей и 400 телег» (Harrison 1577).

Развитие коневодства исторически связывают и с военным делом в Тюдоровскую эпоху (Окшотт 2006; Edge, Paddock 1996; Richardson 2002). Речь идет о разведении крупных, сильных коней, пригодных для службы в рыцарской

коннице. Но если при Генрихе VIII основу военной силы составляли всадники, и требовалось больше лошадей, то к концу XVI в. всадники стали лишь дополнительной силой, а основу составляла пехота. Тем не менее, основной спрос на коневодство обеспечивала именно война. Владельцы лошадиных ферм, «лошадники» (horsekeeper), были очень состоятельными людьми. Гаррисон подмечает, что «лошадный бизнес» приносил большие деньги и часто был связан с «плутовством и обманом» (Harrison 1577).

Коз и свиней разводили практически все жители, поскольку эти животные добывали себе пропитание самостоятельно. Коз в большом количестве держали в западной части страны, в Уэльсе, где они могли полакомиться вереском на обрывистых и скалистых холмах. Любопытно наблюдение Гаррисона о том, что коз разводили не столько для еды, сколько в лечебных целях: «их держат в семьях, где постоянно болеют (старики, дети), их молоко и сыр из него очень полезны. Некоторые фермеры специально разводят этих животных в целях сбора молока, которое на вкус не очень приятное, слишком сладкое, но имеет много целительных свойств» (Harrison 1577).

О свиньях Гаррисон пишет следующее: «...мясо этих животных едят повсеместно, иногда свежим, чаще засаливают крупными кусками для долгого хранения» (Harrison 1577). Большие гурты свиней (до двух тысяч животных в каждом) не знали стойлового содержания и обычно свободно паслись на опушках дубовых лесов и на вырубках (Глебов 2007: 103).

Гаррисон уделяет внимание и диким животным, на популяции которых пагубно сказались рубка лесов и охота: «Лисы (у нас их много видов) и барсуки не страдают от человека. Благодаря своему быстрому и массовому размножению они не уничтожены охотой. Они живут в лесистой местности и на этих животных очень любит охотиться знать... Но таких же слов нельзя сказать о выдре, хорьке, норке, ласке, белке и бобре. Они у нас очень популярны в использовании. Мы выкидываем только хвост и лапы». Эту популярность подтверждает такая фраза Гаррисона: «...эти виды животных привозят в больших количествах в сухой выделке из Персии (Harrison 1577).

Помимо сельского хозяйства антиквариации подробно останавливаются на развитии горнодобывающего производства, отмечая, что оно традиционно развито на острове. Гаррисон и Кемден сообщают, что земли Британских ост-

ровов всегда были богаты минералами. Многие графства Англии еще в древности обладали солидными запасами золота, серебра, железа, олова – всего самого необходимого для процветания и защиты государства. Следуя традициям антикварного дискурса (Паламарчук, Федоров 2015; Woolf 2003), Гаррисон и Кемден предлагают читателям совершить исторический экскурс в далекое прошлое страны – времена Потопа, когда, по мнению эрудитов, образовался рельеф и климат Англии (Harrison 1577; Camden 1610). Тем самым они пытаются объяснить происхождение и причины разнообразия полезных ископаемых. Несмотря на то, что к XVI в. ресурсы значительно уменьшились, резко сократились площади лесов и болот, антикварианты с большим воодушевлением описывают богатства родной им земли. У Кемдена читаем: «О, счастливая Британия, тебе больше повезло, чем большинству соседних земель, которые впервые видел император Константин! За святые дела природа наградила тебя, благословляя дары земли и неба над тобой; где нет ни чрезмерной холодной зимы, ни жары летом, где растет много зерна, так что жителям достаточно его для еды и питья, где леса не кишат дикими зверями и земля свободна от губительной кары змей. Наоборот, где обитают бесконечные стада ручных овец и коров, дающих в изобилии молоко и шерсть...» (Camden 1610). Антикварианты сообщают, что в их время ведутся интенсивные работы по добыче полезных ископаемых: «У нас есть шахты свинца в Уэльсе, свинца там так много, что люди на его плавку перевели весь близлежащий лес... Если раньше мои соотечественники использовали олово при изготовлении самой простой посуды, то сегодня мы удивимся искусству и качеству мастеров, когда увидим, что используется и железо, и серебро и камень... Железо содержится во многих местах в Сассексе, Кенте, Волшхоле, Шропшире, но в основном в лесу близ Манчестера и других местах... Медь добывается в основном в старых рудниках, освоенных еще римлянами. Есть большой и старый медный рудник в Дорсетшире, который долго не действовал, сейчас его восстанавливают. Новых пока не нашли. И наши алхимики все больше исследуют северную часть острова» (Harrison 1577).

Добыча и разработка железной руды в XVI в. имела важное значение для развития военной отрасли. Еще при Генрихе VIII английская армия была преобразована из средневековой армии, состоявшей из конницы, пехоты и лучников, в армию с огнестрельным оружием и

длинными копьями для борьбы с вражеской конницей. Гаррисон пишет: «... раньше основную и главную военную силу составляли лучники, оружием которым служил длинный лук и стрелы. Теперь основной силой стала полевая артиллерия» (Harrison 1577), которая была одета в легкие доспехи нового образца и имела при себе огнестрельное оружие, которое в больших количествах экспортировалось из Италии и Нидерландов (Шпаковский 2014: 18–29).

Показательно, что о рыцарстве Гаррисон упоминает не как о профессиональных воинах, а в качестве социальной группы, занимавшей особое положение в обществе. Рыцарский титул теперь получают из рук Его / Ее Величества не столько за военные заслуги и храбрость, но чаще за преданность короне и финансовую помощь. «А стрельба из лука стала спортивным состязанием, занимавшим свободное времяпровождение англичан» (Harrison 1577). Раньше лучники были грозой противника. О ходе одной из битв Гаррисон сообщает следующее: «Французы высмеивали наших лучников, пока не встретились с ними в открытой перестрелке. Во времена Эдуарда III в войне с Францией именно лучники решили исход событий. Стрелы англичан достигали французов прежде, чем те успевали увидеть, кто стрелял» (Harrison 1577). Но теперь лучники – это пережиток Средневековья. При Марии и Елизавете Тюдор Англия смогла полностью перевооружить свою армию, обеспечив ей новые доспехи и новое вооружение собственного производства, увеличивая для этого объемы добычи необходимого сырья.

Надо иметь в виду, что антикварианты, демонстрируя расширение всякого рода горных разработок – свинца, меди, олова, железа и угля, опускают некоторые важные моменты – отставание металлургии от других отраслей производства, примитивность техники производства железа в это время, низкосортность железа, его производство в гораздо меньшем объеме, чем требовалось (недостаток приходилось покрывать за счет ввоза из других стран, главным образом из Швеции) (Косминский 1954: 55).

Важнейшие изменения наблюдались в текстильном производстве. В ведущую отрасль выдвигается не просто производство шерсти, а ее дальнейшая обработка – сукноделие. Основной сукноделии постепенно становится капиталистическая кооперация и производство на дому в сельской местности (Чернова 2016: 149). В деревне дифференциация крестьянства создавала условия для развития так называемой рас-

сеянной мануфактуры, где использовался труд безземельных и малоземельных крестьян. Кроме того, здесь отсутствовала присущая городскому цеховому ремеслу регламентация производства, серьезно мешавшая его развитию (Яброва 1983: 61; Винокурова и др. 2013: 196).

В XVI в. английское сукно было одним из самых высококачественных в Европе. Гаррисон, путешествуя по окрестностям, отчасти преувеличивая, отмечает, что «...наши овцы отличаются от других как сладостью плоти, так и тонкостью шерсти... еще римляне говорили, шерсть английской овцы, словно паутина» (Harrison 1577). Благодаря шерсти новых пород так называемых «тяжелых» овец, выращивавшихся на огороженных пастбищах, применению валяльной глины и специальной обработки сукна, а также новых красителей улучшилось качество английских «широких сукон», расширился ассортимент суконных тканей: широкое сукно, половинное, белое, гладкое, таутоновое, дастерский «хлопок» и др. (Дмитриева 1990: 46). Грубые сукна, фланель, саржа были распространены на севере и западе страны, наиболее тонкие – в восточных областях (Самаркин 1976: 219).

Ввиду значительных масштабов производства шерсти в Англии сукно стало наиболее дешевым, а поэтому пользовалось спросом и у знати, и у простого люда многих европейских стран. «Нет ни в какой другой земле ... шерсти мягче, чем у наших белых овец. И если раньше слава древнего города Мемфиса была гораздо больше, чем Британии, которая для римлян и греков в древности являлась просто отдельным миром», то благодаря английскому сукну об этой стране узнали многие: «... из Англии Антверпен получает большое количество тонких и грубых сукон, бахрому и другие вещи этого рода на большие суммы, тончайшую шерсть... А из Москвы его доставляли в Иран, Крымское ханство, в Ногайскую Орду» (Camden 1610).

Таким образом, в сочинениях елизаветинских антиквариетов отмечены существенные изменения в английском сукноделии, повлекшие улучшение качества и расширение ассортимента сукна и, что наиболее важно, – увеличение экспорта конкурентоспособных английских тканей на европейский рынок.

Антиквариетам не могли пройти мимо такого знакового для XVI столетия явления, как рост городов и городского населения. В частности, У. Кемден отмечает, что в современной ему Британии города необычайно разнообразны, делятся не только по концентрации населе-

ния, но и по роли в торговле, по рыночной специализации (Camden 1610). Особенно это было заметно в рыночные и ярмарочные дни, на которые приходился основной объем торговли (Мосолкина 2017: 31). Хотя антиквариетам вынуждены заметить, что развитие сельской промышленности влекло за собой упадок старинных ремесленных центров Англии. В «Британии» Кемдена часто встречаются заметки о запущенных, брошенных или обедневших районах, где когда-то были шумные торговые города (Camden 1610).

Сдвиги в области промышленного производства и урбанизация определили пути развития английской торговли, благодаря которой стал возможен эффективный товарообмен как внутри государства, так и между странами. К XVI в. в Англии образовался единый национальный рынок с центром в Лондоне, превратившемся в один из крупнейших торговых центров Европы (Чернова 2012: 30).

Повсеместно проходили крупные ярмарки, мелкие лавочки сновали по улицам городов, разнообразные торговцы предлагали товар на любой вкус. А все городское население теперь, в основной своей массе, было занято ремесленной и торговой деятельностью (Мосолкина 2017: 31). Как приметку времени антиквариетам отмечают множество пришлых людей в английских городах. Гаррисон пишет, что «...на улицах Лондона теперь много иноземцев, с которыми наши торговцы научились торговать и обменивать свой товар, дабы потешить свое тщеславие товарами, что являются новыми и диковинными, и за счет них обогатиться». Гаррисон с явным неодобрением относится к чужакам, поскольку, по его мнению, «вещи, привозимые из-за моря, все больше развивают праздность населения. Зачем нам трудиться и производить что-то, когда нам в готовом виде все привезут. И таким способом, мы стали врагами нашего собственного благополучия» (Harrison 1577). Кемден в отношении «столичных гостей» более сдержан, справедливо связывая их многочисленность с развитием внешней торговли: «Теперь в портовых городах все чаще можно заметить много люда с других земель, иные заняты торговлей, иные предлагают свои руки и мастерство в качестве товара» (Camden 1610).

Международная торговля Англии (а также покорение Нового Света и борьба с пиратством) находилась в тесной связке с развитием морского флота. Наблюдается резкое увеличение числа людей, так или иначе связанных с

морем: матросы, рыбаки, владельцы складов на набережных, рабочие и грузчики, любители приключений и наживы. Гаррисон пишет об этом: «Нет чего-либо достойного восхищения в прошлые времена, что затрагивало бы усердную заботу о флоте: ни большого числа кораблей, ни быстроходных судов, которыми бы обладала наша страна. Это дает мне повод утверждать, что мы ушли далеко вперед. Я не могу признать, что суда старых времен, хотя по мощности и размерам превосходят многие современные, смогли бы спасти нас от внешних врагов со стороны моря. Корабли, сделанные в наше время, легки и проворны, что имеет большую ценность в бою» (Harrison 1577). Кемден отмечает, что пристани прибрежных городов Англии всегда полны иностранными кораблями и товарами (Camden 1610).

Благодаря развитию флота увеличились не только масштабы торговли, но и ассортимент товаров. Например, развитие рыбного промысла позволило Англии экспортировать рыбу, чего раньше не наблюдалось. Гаррисон пишет, что, хотя англичане и стали употреблять в пищу больше рыбы и других «морских гадов», но значительная часть рыбы шла на экспорт. Для длительного хранения ее сушат, варят, маринуют в вине, заливают маслом и везут в далекие страны (Harrison 1577). Среди ввозимых в Англию товаров – тонкие полотна, шелковые ткани, кружева, растительные масла и пряности, аптекарские товары, серебряная посуда, овощи и фрукты (Чернова 2016: 158–159). Гаррисон пишет, что новые семена трав купцы привозили из других стран: Индии, Америки, острова Тапробана, Канарских островов и вообще «всех частей мира», что актуально в контексте Великих географических открытий, «отдавая предпочтение тем, которые обладают полезными свойствами». Он упоминает, что видел в некоем саду около 300 или 400 видов таких растений, о половине из которых англичане не имели никакого представления еще в первые десятилетия XVI столетия (Harrison 1577).

Основное внимание антиквариев сосредоточено на внутренней торговле. Гаррисон отмечает, что в каждом крупном городе еженедельно устраивались большие ярмарки, куда приезжали крестьяне со всей округи и привозили свой товар, потому что в городе его можно было сбыть по более высокой цене. К особенностям торговли антиквариата относят сезонность ярмарок, наличие специализированных рынков, которые часто располагались на перекрестках больших улиц, образуя тем самым

что-то вроде площади (Harrison 1577). Л.Н. Чернова приводит интересные данные о рынках Лондона в XVI в. Например, на рынке Биллингсгейт, тянувшемся вдоль Темзы, можно было приобрести свежую и соленую сельдь и вяленую рыбу; здесь продавалась треска, камбала, лосось, тунец, сардины, кальмары и др. На одном из центральных рынков столицы – Лиденхолле – продавали разнообразное свежее мясо и птицу. Также мясо можно было купить на Ньюгейт-стрит, а птицу – на Корнхилл и Чипсайд. Немалым спросом, особенно в семьях состоятельных горожан, пользовались овощи и фрукты, которые предлагали на рынках Корнхилл, Чипсайд и на Грэйсчерч-стрит (Чернова 2005: 354). Смитфилд был знаменит широким ассортиментом домашних животных, которых по средам и пятницам привозили на продажу из Эссекса, Суффолка, Кента и Бедфордшира (Picard 2003: 166–169). На тех же рынках (Корнхилл, Чипсайд и на Грэйсчерч-стрит) продавали сыр, лук, чеснок, солод, хмель, мед, а также изюм, фиги, оливковое масло, различные пряности (перец, корицу, гвоздику, мускатный орех, имбирь, шафран), кондитерские изделия и сахар, с конца XV в. (Чернова 2005: 354).

Говоря о торговле, Гаррисон отмечает большую роль ростовщиков-посредников и именно в них видит главную причину высокой стоимости продуктов на рынке: чем больше посредников, тем выше конечная цена. Автора возмущает тот факт, что продавать хлеб на рынке было намного дороже (так как он облагался большей пошлиной), чем эль и пиво. «На таких рынках товары продаются не по доброте и справедливости, а как бы как и по чем угодно, что служит причиной дефицита продуктов на столах у людей при изобилии товаров и продуктов в самой стране» (Harrison 1577).

Помимо большого числа посредников-ростовщиков Гаррисон отмечает еще одну негативную черту елизаветинских рынков – отсутствие единых мер измерения и взвешивания, что приводило к обману и постоянным спорам: «Нет стандартов по всей стране в цене и весе» (Harrison 1577). На каждом городском рынке были приняты свои правила торговли, которые устанавливала и контролировала местная городская элита. «Потому не удивляйтесь, – пишет Гаррисон, – если в этот раз с вас снимут налог за продажу на данной территории» (Harrison 1577).

Таким образом, останавливаясь на вопросах экономики, антиквариата отмечали появление новых элементов хозяйственной деятельно-

сти при наличии традиционных ее видов. Делая это через связь с историческим прошлым, современники старались определить тем самым «корень зла» всех бедствий для их родной Англии. Параллельно с успехами в развитии сельского хозяйства и промышленности современники отмечают негативные тенденции экономической политики правительства. Их замечания демонстрируют медленный и болезненный переход английской экономики на новый лад из-за одновременного сосуществования старого и нового. Оставаясь преимущественно аграрной страной, Англия не могла справиться с проблемой голода и нищеты из-за огораживаний, определявших большое количество земель под пастбища и технические культуры. А молодая, еще не сформировавшаяся английская промышленность не была способна решить проблему определения огромных масс освобожденных и согнанных с экспроприированных земель крестьян.

Причину угасания старинных центров городского цехового ремесла (Штокмар 2000: 23) антикварию видят в сохранении цеховых городских корпораций старого образца, что вынуждало активных предпринимателей переносить или организовывать новые производства в сельской местности. Что привело, по мнению антикварию, к зависимости многих деревенских мастеров от торговцев, которые доставляют им сырье, скупая при этом готовые ткани (Кулишер 2004: 376). Однако современники обращают внимание на появление и возвышение новых городов и населенных пунктов, связывая это с развитием торговли, которая приобрела невиданные прежде масштабы, как внутри страны, так и за ее пределами. Положительным моментом они считают повышение коммуникации между отдельными графствами страны и рост качества и ассортимента местных товаров. Но при этом не одобряют монопольную политику правительства (Штокмар 1962: 146), причиной которой стало появление могущественных торговых компаний купцов-складчиков и купцов-авантюристов, стремившихся к монополии на вывоз сукна (Косминский 1954), тем самым закрывая доступ другим предпринимателям, обрекая их на нищету. Отрицательным моментом в развитии торговли

антикварию считают появление зарубежного товара в большом количестве на местных рынках, что способствует, по их мнению, торможению производства своих аналогов и лениности местных мастеров. Именно торговлю антикварию считают прямой причиной роста ростовщичества (Косминский 1954). Ростовщики и посредники приносили много проблем для мелких хозяйственников и крестьянских семей, сбывавших избытки продуктов на рынок. Самой прибыльной сферой для посредников стало зерно и хлеб, особенно в тяжелые неурожайные годы. Отмечая успехи в рациональном методе ведения хозяйства англичан, разведение новых пород скота и видов растений, стремление к накоплению капитала и наживе, антикварию видят общенациональную проблему, связанную с огораживаниями и упадком земледелия. В совокупности эти проблемы требовали увеличения ввоза зерна, определяя Англию в зависимости от континентальной Европы в экономическом плане (Штокмар 2000: 20). Решение проблемы антикварию видели в предотвращении коррупции среди ростовщиков и скупщиков и свободной раздаче хлеба и зерна в городах и в особо голодающих графствах.

Восхищаясь небывалым ростом промышленности, особенно горнодобывающей, связывая это с ростом значения флота и армии для страны, антикварию отмечают истощение запасов древесины, а вместе с тем исчезновение многих диких животных (Тревелиян 2001: 210). Причиной этого они считают недостаточную и неэффективную разработку каменного угля, подтверждая тем самым правительственный акт 1581 г., запрещающий рубить лес на выплавку железа на протяжении 14 миль от Темзы (Кулишер 2004: 376). Вновь открытые месторождения руды еще только осваивались. Рудники, карьеры, шахты были примитивными, хотя уже использовались определенные деревянные механизмы для подъема груза и подачи воды. Добыча и разработка успешно проходила в открытой форме – на поверхностях. А то, что было спрятано глубоко в земле или под водой, оставалось пока недостижимым. Таким образом, все «новое», заслуживающее внимание антикварию, свидетельствовало о том, что английская промышленность постепенно перестраивалась.

ЛИТЕРАТУРА

Винокурова М. В., Дмитриева О. В., Федосов Д. Г. 2013. Англия, Шотландия и Ирландия в конце XV–XVI веке // Всемирная история: В 6 т. Т. 3: Мир в раннее Новое время / Ведюшкин В.А., Юсим М.А. (отв. ред.). Москва: Наука, 193–211.

Глебов А. Г. 2007. Англия в раннее средневековье. Санкт-Петербург: Евразия.

- Дмитриева О. В.* 1990. Социально-экономическое развитие Англии в XVI в. Москва: МГУ.
- Зверева В. В.* 2010. Антикварианизм XVI–XVII веков. Представление прошлого в контексте научной революции // *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад* / Репина Л.П. (ред.). Москва: Кругъ, 756–771.
- Косминский Е. А.* 1947. Исследования по аграрной истории Англии в XIII в. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Косминский Е. А.* 1954. Английская буржуазная революция XVII века и ее место во всемирной истории: В 2 т. Т. 1. Москва: АН СССР.
- Кулишер И. М.* 2004. История экономического быта Западной Европы: В 2 т. Т. 2. Челябинск: Социум.
- Мосолкина Т. В.* 1997. Город Бристоль в XIV–XV веках. Экономика, общественные отношения, социальная психология. Саратов: Саратовский ун-т.
- Мосолкина Т. В.* 1999. Основные проблемы истории английского города XIV–XV вв. // *Новая и новейшая история*. Вып. 18. Саратов: Саратовский ун-т, 31–40.
- Мосолкина Т. В.* 2017. Социальная история Англии XIV–XVII вв. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив.
- Окиотт Э.* 2006. Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса / Якушина М.К. (пер.). Москва: Центрполиграф.
- Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* 2015. Антикварный дискурс в раннеэпохальной Англии. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Побережников И. В., Редин Д. А.* 2011. Исследование феномена исторической переходности: в поисках «методико-методологического консенсуса» // *Проблемы истории России*. Сб. науч. тр. Вып. 9. Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени. Екатеринбург: Волот, 3–10.
- Самаркин В. В.* 1976. Историческая география Западной Европы в средние века. Москва: Высшая школа.
- Семенов В. Ф.* 1929. Огораживания в Англии конца XV–XVI вв. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Терентьева Е. А.* 2015. Рассуждение о методе Уильяма Кемдена // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. Вып. 51. Москва: Аквилон, 300–309.
- Тревельян Дж. М.* 2001. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск: Русич.
- Чернова Л. Н.* 2005. Правящая элита Лондона XIV–XVI веков: олддермены в контексте экономической, социальной и политической практики. Саратов: Саратовский ун-т.
- Чернова Л.Н.* 2012а. Городское пространство Лондона конца XVI века в восприятии современника (на материале «Путешествий по Англии» Томаса Платтера) // *Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия «История. Международные отношения»*. Т. 12. Вып. 2, 30–36.
- Чернова Л. Н.* 2012б. Лондонские купцы XVI века: поведенческие ориентиры в переходную эпоху // *Средние века* 73(1–2), 313–322.
- Чернова Л. Н.* 2016. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив.
- Шпаковский В. О.* 2014. Современные британские историки об оружии и успехах эпохи Генриха VIII // *Наука. Общество. Государство* 2 (6), 18–29.
- Штокмар В. В.* 1962. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Ленинград: Ленинградский ун-т.
- Штокмар В. В.* 2000. История Англии в средние века. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Яброва М. М.* 1983. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI вв.). Саратов: Саратовский ун-т.
- Camden W.* Britain, or, a Chorographical Description of the most flourishing Kingdoms, England, Scotland, and Ireland // www.visionofbritain.org.uk/text/contents_page.jsp?t_id=Camden (2016. 27 янв.).
- Edge D., Paddock J. M.* 1996. Arms and armour of the medieval knight. An illustrated history of Weaponry in Middle Ages. Avenel, New Jersey: Crescent Books.
- Harrison W.* A Description of Elizabethan England. L., 1577 // *The Harvard Classics*. New York, 1909–1914. Vol. XXXV // www.bartleby.com/35/3/ (2015. 15 апр.).
- Morrison S.* 2015. Viewing the Changing ‘shape or portraiture of Britain’ in William Camden’s Britannia, 1586–1610 // *Early Modern Literary Studies* 18 (1&2), 215–235 // www.Extra.shu.ac.uk/emls/journal/index.php/emls/issue/view/11 (2017. 02 апр.).
- Picard L.* 2003. Elizabeth’s London: Everyday life in Elizabethan London. London: Weidenfeld & Nicolson.
- Richardson T.* 2002. The Armour and Arms of Henry VIII. Leeds: Royal Armouries Museum.
- Sprat T.* 2007. The History of the Royal-Society of London for the improving of natural knowledge. 1618–1667. London: Printed by T. R. For I. Martyn // www.name.umdl.umich.edu/A61158.0001.001 (2017.11 апр.).
- Tawney R. H.* 1912. The Agrarian Problem in the XVI Century. London: Longmans, Green and Co.
- Wolf D. R.* 1987. Erudition and the Idea of History in Renaissance England // *Renaissance Quarterly* 40 (1, Spring). Renaissance Society of America, 11–48.
- Wolf D. R.* 2003. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500–1730. Oxford: Oxford University Press.

REFERENCES

- Vinokurova M. V., Dmitrieva O. V., Fedosov D. G.* Angliya, Shotlandiya i Irlandiya v konce XV–XVI veke // Vsemirnaya istoriya: v 6 t. T. 3: Mir v rannee Novoe vremya [England, Scotland and Ireland at the end of 15th–16th centuries// World History: In 6 vol. Vol.3: World in the early Modern Period]. Moscow: Nauka, 2013:193–211. (In Russian).
- Glebov A. G.* Angliya v rannee srednevekov'e [England in the early Middle Ages]. SPb: Evraziya, 2007. (In Russian).
- Dmitrieva O. V.* Social'no-ehkonomicheskoe razvitie Anglii v XVI v. [Social and economic development of England in 16th century]. Moscow: MGU, 1990. (In Russian).
- Zvereva V. V.* In: Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad [Images of Time and Historical Representations: Russia - the East – the West]. Repina L.P. (Ed. by). Moscow: Krug", 2010. (In Russian).
- Kosminskij E. A.* Issledovaniya po agrarnoj istorii Anglii v XIII v. [Studies on the agrarian history of England in the thirteenth century] Moscow; Leningrad: AN SSSR. 1947. (In Russian).
- Kosminskij E. A.* Anglijskaya burzhuaznaya revolyuciya XVII veka i ee mesto vo vsemirnoj istorii: V 2-h t. T. 1. [The English bourgeois revolution of the 17th century and its place in the world history: In 2 volumes]. Moscow: AN SSSR. Vol.1. 1954. (In Russian).
- Kulisher I. M.* Istoriya ehkonomicheskogo byta Zapadnoj Evropy [The history of the economic life of Western Europe: In 2 volumes]. Chelyabinsk: Socium. Vol.2. 2004. (In Russian).
- Mosolkina T. V.* Gorod Bristol' v XIV–XV vekah. Ekonomika, obshchestvennye otnosheniya, social'naya psikhologiya [The city of Bristol in the XIV–XV centuries. Economics, social relations, social psychology]. Saratov: Sarat. un-ta, 1997. (In Russian).
- Mosolkina T. V.* In: Novaya i novejschaya istoriya [New and recent history]. Saratov: Sarat. un-ta. Issue 18 (1999): 31–40. (In Russian).
- Mosolkina T. V.* Social'naya istoriya Anglii XIV–XVII vv. [Social History of 16th–17th century England] M.-SPb: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2017. (In Russian).
- Oakeshott E.* Arheologiya oruzhiya. Ot bronzovogo veka do ehpoli Renessansa / Yakushina M. K. (per. s angl) [The Archaeology of Weapons: Arms and Armour from Prehistory to the Age of Chivalry / translated by M.K. Yakushina]. Moscow: Centrpoligraf, 2006.
- Palamarchuk A. A., Fedorov S. E.* Antikvarnyj diskurs v rannestyuartovskoj Anglii [Antique discourse in Early Stuart England]. SPb: Aleteya, 2015. (In Russian).
- Poberezhnikov I. V., Redin D. A.* In: Problemy istorii Rossii. Ekaterinburg: Volot, 2011. – Vipusk 9: Rossiya i Zapad v perekhodnyu ehpolu ot srednevekov'ya k novomu vremeni.[Problems of Russian History/ Iss. 9. Russia and the West in the Transitional Epoch from the Middle Ages to the New Age] (In Russian).
- Samarkin V. V.* Istorieskaya geografiya Zapadnoj Evropy v srednie veka [Historical geography of Western Europe in the Middle Ages]. M.: Vysshaya shkola, 1976. (In Russian).
- Semenov V. F.* Ogorazhivaniya v Anglii konca XV–XVI vv. [Enclosures in England at the end of 15th -16th centuries]. M.-L.: AN SSSR, 1929. (In Russian).
- Terent'eva E. A.* In: Dialog so vremenem [Dialogue with Time]. Moscow: Akvilon, Is. 51 (2015): 300–309. (In Russian).
- Trevelyan Dzh. M.* Istoriya Anglii ot Chosera do korolevy Viktorii [English History from Chaucer to Queen Victoria]. Smolensk: Rusich, 2001. (In Russian).
- Chernova L. N.* Pravyashchaya ehлита Londona XIV–XVI vekov: oldermeny v kontekste ehkonomicheskoy, social'noj i politicheskoy praktiki [The ruling elite of London in XIV–XVI centuries: Aldermen in the context of economic, social and political practices]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2005.
- Chernova L. N.* In: Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations]. Vol. 12. Iss. 2. (2012a): 30–36.
- Chernova L. N.* In: Srednie veka [Middle Ages]. Iss. 73 (1–2) (2012): 313–322. (In Russian).
- Chernova L. N.* Pod sen'yu Svyatogo Pavla: delovoj mir Londona XIV–XVI [Under the Shadow of St. Paul: The Business World of London in XIV–XVI]. M.-SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2016. (In Russian).
- Shpakovskij V. O.* 2014. In: Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo [Science. Society. State] No. 2 (6) (2014): 18–29.
- Shtokmar V. V.* Ekonomicheskaya politika anglijskogo absolyutizma v jepohu ego rascveta [Economic policy of English absolutism in the era of its heyday]. Leningrad: Leningrad University, 1962. (In Russian).
- Shtokmar V. V.* Istoriya Anglii v srednie veka [History of England in the Middle Ages]. SPb.: Aleteya, 2000. (In Russian).
- Yabrova M. M.* Zarozhdenie rannekapitalisticheskikh otnoshenij v anglijskom gorode (London XIV – nachala XVI vv.) [The emergence of early capitalist relations in an English city (London XIV – early XVI centuries)] Saratov: Sarat. un-ta, 1983. (In Russian).

Camden W. Britain, or, a Chorographical Description of the most flourishing Kingdomes, England, Scotland, and Ireland Available at: www.visionofbritain.org.uk/text/contents_page.jsp?t_id=Camden (Accessed on 2016. Jan.).

Edge D., Paddock J. M. Arms and armour of the medieval knight. An illustrated history of Weaponry in Middle Ages. Avenel, New Jersey: Crescent Books, 1996.

Harrison W. A Description of Elizabethan England. L., 1577 // The Harvard Classics. N. Y., 1909–1914. Vol. XXXV. Available at: www.bartleby.com/35/3/ (Accessed on 2015. 15 Apr.)

Morrison S. Viewing the Changing ‘shape or portraiture of Britain’ in William Camden’s Britannia, 1586–1610 // Early Modern Literary Studies 18 (1&2), (2015): 215–235. Available at: www.Extra.shu.ac.uk/emls/journal/index.php/emls/issue/view/11 (Accessed on 2017. 02 March).

Picard L. Elizabeth’s London: Everyday life in Elizabethan London. L.: Weidenfeld & Nicolson, 2003.

Richardson T. The Armour and Arms of Henry VIII. Leeds: Royal Armouries Museum, 2002.

Sprat T. The History of the Royal-Society of London for the improving of natural knowledge. 1618–1667. L.: Printed by T. R. For I. Martyn, 2007. Available at: www.name.umdl.umich.edu/A61158.0001.001 (Accessed on 2017. 11 Apr.).

Tawney R. H. The Agrarian Problem in the XVI Century. L.: Longmans, Green and Co, 1912.

Woolf D. R. Erudition and the Idea of History in Renaissance England // Renaissance Quarterly 40 (1, Spring,). Renaissance Society of America, 1987.

Woolf D. R. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500–1730. Oxford: Oxford University Press, 2003.

P. V. Melihova
Saratov, Russia

ANTIQUARIES ON THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF ENGLAND IN THE LATE 16TH CENTURY: NEW TRENDS AND HERITAGE OF THE MIDDLE AGES

Abstract. The article attempts to study the economic development of England in the late 16th – early 17th centuries. The research was made on the bases of such works by early English antiquaries as «A Description of Elizabethan England» by W. Harrison and «Britain» by W. Camden. The author focuses on the question of what heritage of the Middle Ages and what new trends were marked by antiquaries. The article shows that, being educated and wealthy the antiquaries paid attention to various aspects of everyday life which characterized the economic state of the country, i.e. agriculture, textile industry, mining and metallurgy, development of trade and fleet, rearmament of the army. The author comes to the conclusion that through the comments of antiquaries, their notes as well as the style and language of their presentations, we can say that in the late 16th century England a new type of economic management appeared, which co-existed with the old medieval traditions.

Key words: England; late 16th century; antiquaries; W. Harrison; W. Camden; economic development; new type of management; early capitalism; agriculture; enclosures.

About the author: Polina Vladimirovna Melihova, Post-graduate at the Department of General History, Saratov State University.

Мелихова П. В. Антиквари об экономическом развитии Англии второй половины XVI в.: новые веяния и наследие Средневековья // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 1. С. 90–99.

Melihova P. V. Antiquaries on the economic development of England in the late 16th century: new trends and heritage of the Middle ages // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 1. P. 90–99.

УДК 94(410).01

С. А. Поляков
Саратов, Россия

ИЗ ИСТОРИИ АНГЛИИ НА РУБЕЖЕ РАННЕГО И КЛАССИЧЕСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОТИВОБОРСТВО КНУТА ВЕЛИКОГО И ЭДМУНДА ЖЕЛЕЗНОБОКОГО В 1016 г.

Аннотация. В статье рассматривается история противостояния датского принца Кнута и англосаксонского короля Эдмунда Железнобокого в 1016 г. Данные события являются составной частью длительной завоевательной войны, которую вели короли Дании в Англии в первые десятилетия XI в.

В результате завоевания Данией Англии в 1013 г. король Свен Вилобородый на короткое время занял трон островного государства. Король Этельред II был вынужден бежать из страны. Внезапная смерть дат-

ского правителя на время позволила бежавшему государю вернуть себе власть. Однако сын Свена, Кнут, впоследствии прозванный Великим, в 1015 г. вернулся в Англию и продолжил войну. В разгар военных событий 1016 г. престарелый король англосаксов скончался, но ему наследовал его сын, Эдмунд. Он смог организовать действенный отпор неприятелю и поставил успех датской экспансии под сомнение.

Дается описание основных событий того времени, а также анализируется личность Эдмунда Железнобокого, короля Англии, краткое правление которого часто забывается в общем курсе истории. Тем не менее, имеющиеся сведения говорят нам, что этот правитель был серьезным соперником Кнута, так как Эдмунд был выдающимся полководцем и политическим деятелем. Несмотря на его победы, исход войны был не в пользу Железнобокого – Англия была завоевана скандинавами, между правителями был заключен мирный договор. Исполнения его пунктов не понадобилось в связи со скорой смертью Эдмунда.

На основе хроник излагается ход событий, предпринимается попытка охарактеризовать своеобразие личности Эдмунда Железнобокого и определить историческое значение его деятельности.

Ключевые слова: Англия; Скандинавия; Дания; эпоха викингов; завоевание; Этельред II; Кнут Великий; престолонаследие; Лондон.

Сведения об авторе: Сергей Аркадьевич Поляков, аспирант кафедры всеобщей истории Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Контактная информация: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83\$ тел.: 8(987) 810-97-98, e-mail: serzh.polyakov.91@inbox.ru.

Одним из самых драматических эпизодов средневековой истории Англии является ее завоевание датчанами в начале XI в. Волна датских вторжений в Англию началась еще в последнее десятилетие X в., однако начиная с 1002 г. разрозненные нападения превратились в планомерное завоевание. Уже в 1013 г. датский король Свен Вилобородый на короткое время занял трон короля Англии, но его внезапная смерть позволила восстановить власть англосаксонской династии. Хотя англосаксы в конечном итоге проиграли противоборство с датскими завоевателями в начале XI в., оно происходило с переменным успехом. Пожалуй, самые громкие победы англосаксов были связаны с именем короля Эдмунда Железнобокого.

Научная актуальность обращения к истории противоборства датского короля Кнута Великого и английского короля Эдмунда обусловлена прежде всего отсутствием в отечественной британистике специальных работ, посвященных этому правителю Англии.

Период английской истории с 1016 по 1066 гг. в отечественной историографии в целом изучен, по нашему мнению, недостаточно и известен главным образом по правлению Эдуарда Исповедника (1042–1066). Датское завоевание до настоящего времени остается за пределами внимания исследователей. Что же касается правления короля Эдмунда Железнобокого, правившего страной в 1016 г., то оно не становилось предметом специального рассмотрения даже в английской историографии. Кратковременность пребывания Эдмунда у власти не может, на наш взгляд, служить основанием для отказа от анализа его деятельности, хотя бы потому, что время правления Эдмунда было

критически важным для истории Англии на рубеже Раннего и Классического Средневековья.

Причины недостаточного внимания к правлению Эдмунда Железнобокого следует, как нам представляется, искать, в первую очередь, в состоянии источников. Практически вся информация об Эдмунде дошла до нас в нарративных источниках, и она очень скудна.

Отдельные упоминания об Эдмунде Железнобоком встречаются в работах российских медиевистов А.Г. Глебова (Глебов 2015: 56) и М.М. Горелова (Горелов 2003: 220–223). Зарубежные исследователи обращаются к личности правителя чаще. Так, английский исследователь Т. Болтон посвящает ему небольшой фрагмент своего труда (не выделенный в отдельный параграф) (Bolton 2009: 36–41). В работе другого английского автора – Барлетта – Эдмунду уделена особая глава (Bartlett 2016: 113–139). Наконец, современный польский историк Моравец дает довольно подробную характеристику личности и деятельности англосаксонского короля (Morawiec 2013: 117–123, 125–127).

Однако наличие этих работ не снимает важной для отечественной медиевистики задачи специального рассмотрения основных событий правления Эдмунда Железнобокого и его исторических последствий.

Эдмунд был сыном англосаксонского короля Этельреда от первого брака с Эльфгифой Йоркской. После того, как Этельред женился на Эмме Нормандской, всё его многочисленное потомство от предыдущего союза (включая Эдмунда) утратило свои права, в том числе и на наследование престола. Это и предопределило характер отношений Эдмунда с отцом.

О жизни и деятельности Эдмунда осталось не так много свидетельств. О его детских

и молодых годах практически ничего не известно, если не считать самовольного захвата им земли в Девоне между 1007 и 1011 гг. Но в 1015 г. его имя начинает постоянно упоминаться на страницах источников, что было связано с его активным вмешательством в ход важнейших политических событий. Источники описывают Эдмунда как молодого человека, благородного во всех помыслах и делах, сильного духом и телом, выдержанного и вместе с тем решительного на поле сражения. Личные качества Эдмунда послужили основанием для закрепившегося за ним прозвища Железнобокий (Henry of Huntingdon 1853: 193; William of Malmesbury 1847: 195).

Появление Эдмунда на исторической сцене было связано, главным образом, с нависшей над Англией угрозой нового нападения датчан во главе с сыном Свена Виллбородого Кнудом.

В начале 1015 г. в Оксфорде состоялось собрание знати, на котором король Этельред попытался объединить ее предстителей перед лицом новых вторжений норманнов. Среди собравшихся были Сигеферт и Моркара из Нортумбрии – родственники убитого в 1006 г. элдормена Эльфхельма. Был среди них и Эадрик Стреона, причастный к убийству Эльфхельма. По-видимому, причиной неприязни между англосаксонскими родами была борьба за власть и влияние на границе Мерсии и Нортумбрии.

Вскоре вражда между знатными англосаксами вновь резко обострилась. Пригласив в свои покои Сигеферта и Моркара, Эадрик предательски убил обоих. Возможно, в предыдущие годы они поддерживали скандинавов и самого конунга Свена, но на этот счет нет определенных сведений в источниках. Сопровождавшие убитых пытались сопротивляться, но силы были не равны. Когда они попытались скрыться в одной из церквей, то были сожжены вместе с ней (William of Malmesbury 1847: 195). Судя по всему, король Этельред заранее знал о случившемся. Поэтому в литературе высказывались предположения, что приказ об убийстве эрлов был отдан именно им.

Дальнейшие действия короля подтверждают их обоснованность: он присвоил себе все земли убитых, а затем приказал заточить вдову Сигеферта Эалдгют в монастырь Малмсбери (Англосаксонская хроника 2010: 112). Какие намерения вынашивал Этельред по поводу дальнейшей судьбы этой женщины, неизвестно, но они были разрушены его сыном Эдмундом, который внезапно появился в монастыре и на-

сильно забрал Эалдгют с собой, объявив при этом ее своей женой.

По-видимому, он увидел возможность в данный момент захватить власть в тех областях, откуда происходили убитые эрлы. Вдова одного из них могла стать своеобразным «ключом» к обретению этих земель. Прибыв в сентябре 1015 г. на северо-запад Пяти Бургов (область на границе между Мерсией и Нортумбрией), Эдмунд объявил земли убитых эрлов своими. Судя по всему, сопротивления не последовало – этелинг (т. е. принц) обладал определенным влиянием в стране, поэтому можно было надеяться на то, что захваченные им земли приобретут в его лице надежного защитника, в том числе и в случае возобновления нападений норманнов.

Изложенные нами события свидетельствуют о том, что отношения между королем Этельредом и его сыном Эдмундом были, по меньшей мере, натянутыми. Это было неизбежным следствием того, что отец лишил Эдмунда права наследования, провозгласив наследником его брата Эдуарда. Стремясь обосновать свои претензии на власть, Эдмунд в том же 1015 г. стал выпускать от своего имени грамоты, как бы намекая на то, что он и есть законный преемник короля (Bartlett 2016: 107, 108).

События последних месяцев подорвали здоровье короля, и осенью 1015 г. он слег от неизвестной болезни в Кошеме (неподалеку от Портсмута).

В ситуации, когда король был неспособен на какие-либо решительные действия, Эдмунд становился старшим в королевском роду Уэссекса, и он решился вступить в борьбу за престол. Формально Эдмунд не был первенцем Этельреда, им являлся сын короля Этельстан. Но последний умер в середине 1014 г., завещав своему брату Эдмунду земельные владения, а также легендарный меч короля Оффы. Это решение имело глубокий подтекст: Этельстан тем самым как бы призывал Эдмунда взять в свои руки власть и привести Англию к победе в войне против скандинавов.

Тем временем в конце 1015 г. Кнут Датский собрал огромный флот в 200 кораблей и высадился у Сэндвича. Датчане стали продвигаться вглубь Англии. На их пути оказались Дорсет, Уилтшир и Сомерсет (Англосаксонская хроника 2010: 112).

В это время Эдмунд Железнобокий с находившимися под его началом силами двинулся с севера страны на юг, надеясь соединиться с войсками, возглавляемыми Эадриком Стрео-

ной. Однако раздоры между ними не позволили англосаксонским силам объединиться. Более того, Эадрик Стреона перешел на сторону Кнута, что позволило последнему начать почти беспрепятственное завоевание Мерсии. В начале 1016 г. Кнут вместе с Эадриком Стреоной обрушился на Уорик.

Поскольку Этельред становился все более и более немощным, в этот момент на первый план выдвинулся Эдмунд Железнобокий. Он был далеко не в лучших отношениях с отцом и его новой семьей, а также знатью, поддерживающей отца и его жену Эмму. Но в новых условиях Эдмунд все же попытался консолидировать силы англосаксов в борьбе против внешнего врага.

Эдмунд собрал ополчение (по большей части в Мерсии), но воины отказались выступить вместе с этелингом (принцем), прежде чем сам король вместе с гарнизоном Лондона не выступит к ним на помощь (John of Worcester 1854: 125). Король не выступил в ожидаемый поход, и, таким образом, наметившееся было согласие в борьбе с врагом вновь было нарушено.

После этого Эдмунд был вынужден отступить в Нортумбрию, а оттуда в Честер. Пользуясь бездействием англосаксов, Кнут грабил восточные области страны. Нортумбрия и эрл Утрэд подчинились датчанам.

В апреле 1016 г. король Этельред умер. Королем Англии был провозглашен прибывший в Лондон еще при жизни отца Эдмунд. После этого он подчинил себе Уэссекс, но Лондон оказался в осаде. Началось длительное противостояние двух претендентов на верховную власть над Англией. Необходимо отметить, что положение, в котором оказался новый правитель Англии, было еще более сложным, чем положение Альфреда Великого в начале его правления. Тогда еще не существовало постоянных поселений выходцев из Скандинавии на территории Англии; к XI в. потомки скандинавов из Области датского права представляли важный фактор жизни королевства. Альфред мог опереться на англосаксонскую знать, так как речь шла об угрозе физического уничтожения местного населения и последующего заселения Британских островов. Кнут же намеревался этими землями править как своим владением, поэтому при удачном стечении обстоятельств можно было заслужить его милость, вовремя перейдя на его сторону. Армия Кнута была более многочисленной и дисциплинированной, чем отряды викингов IX в. Тяжелое налоговое бремя, связанное с борьбой с дат-

скими вторжениями, истощало население страны. Флот англосаксов понес урон в предыдущие годы, крепости уже не обеспечивали должной защиты, ополчение раз за разом проигрывало сражения.

Другой человек на месте Эдмунда мог сложить оружие и пойти на службу к датчанам. Такой образ действий нередко встречается в практике политической жизни Северной Европы периода Раннего Средневековья. Решение Эдмунда защищать свою страну во многом исходило из его личных качеств.

В течение 1016 г. состоялось пять крупных сражений, последним из которых была битва при Эшингдоне (Эссекс), в которой датчане с большим трудом одержали победу. Одной из главных причин поражения армии Эдмунда во многом выступило предательство Эадрика Стреоны.

Эдмунд сумел прочно обосноваться в Уэссексе, после чего начал собирать войско, достаточное для противостояния силам Кнута. Первая битва англосаксов против датчан под руководством этого короля состоялась, по всей вероятности, весной 1016 г. в Пенсельвуде на территории Дорсета (Англосаксонская хроника 2010: 114; John of Worcester 1854: 127). Выгодная позиция на возвышенности создавала для англосаксонской армии определенные преимущества перед грозным противником. Сражение закончилось победой Эдмунда, однако нет оснований придавать этому большое значение, поскольку масштабы столкновения были, по всей вероятности, не очень велики.

Во второй половине лета произошло второе сражение – при Шерстоне (Англосаксонская хроника 2010: 114). Это место, по видимому, находится в Уилтшире, неподалеку от монастыря Малмсбери, хотя Флоренс Вустерский относит место битвы к западной Мерсии. Битва была очень ожесточенной. Ее исход не был решен в первый день, поэтому она продолжилась во второй. Несмотря на большие потери, англосаксы имели все шансы выиграть сражение. Но в критический момент (согласно хронисту из Вустера) сражения вероломство ЭадрикаСтреоны спасло датчан. Убив саксонского воина Осмэра, отдаленно напоминающего короля Эдмунда, он показал его голову англосаксам и громко и ясно возвестил, что продолжение битвы не имеет смысла, так как король погиб. При этом он обратился прежде всего к воинам из Дорсета, Девона и Уилтшира, составлявшим костяк войска. Англосаксонское войско охватила паника, часть воинов обрати-

лась в бегство, но затем порядок был восстановлен и битва продолжилась. Победителя не оказалось и на этот раз: датчане ночью оставили поле боя и отошли от Шерстона.

Спустя короткое время Эдмунд собрал новое войско и напал на основные силы данов, окружавшие город. На этот раз успех был полностью на стороне англосаксов, норманны были разгромлены и бежали к своим кораблям. Эдмунд смог вернуться в Лондон, что, несомненно, способствовало значительному росту его авторитета в глазах подданных королевства. Это сражение было третьим по счету среди ключевых сражений 1016 г.

Всего лишь два дня спустя (примерно конец лета – начало сентября 1016 г.) произошло четвертое сражение – к западу от города на Темзе, у местечка Brentford. Это столкновение также закончилось победой англосаксов, причем более чем убедительной: войско «разбойников» (как называет викингов Хроника) было обращено в бегство. Правда, и на этот раз не обошлось без потерь для Эдмунда.

Как сообщает Хроника, многие воины сильно спешили, стремясь захватить добычу во вражеском лагере. Однако такая поспешность привела к большим потерям – многие из англосаксов утонули в Темзе. В некоторых хрониках отмечается, что причиной гибели солдат была их чрезмерная спешка, желание сражаться с врагом (Henry of Huntingdon 1853: 194).

Армии встретились друг с другом в пятой крупной битве в Эссексе, у холма под названием Эшингдон (буквально: «Ослиный холм»). К настоящему времени большинство ученых считает местом этой битвы Ашдон на северо-востоке Эссекса (Bartlett 2016: 274). Эдмунд разделил свою армию на три части и напал на датчан 18 октября 1016 г. Эдмунд находился в центре войска, за передними рядами. Устремившись на противника, он врезался во вражеский строй на такое расстояние, что оказался отрезанным от своего войска. Тем не менее, когда он увидел Кнута и его личную дружину, он направился именно туда.

Увидев отчаянное положение короля Эдмунда, некоторые англосаксонские воины стали покидать войско, посчитав бессмысленным продолжения сражения. Возможно, бегство англосаксов можно было предотвратить, и чаша весов склонилась бы вновь в сторону Эдмунда, но свое веское слово опять сказал вероломный Эадрик.

В тот момент, когда Эдмунд стал пробиваться ближе к Кнуту, и исход битвы мог быть

предрешен в течение десятка минут, Стреона стал громко выкрикивать: «Бегите, англ, бегите, Эдмунд мертв» (Henry of Huntingdon 1853: 195).

Разлад в рядах англосаксов подарил датчанам шанс на победу, которым они сумели воспользоваться. Поражение Эдмунда было сокрушительным; никакими словами и угрозами он не смог остановить бегство своего войска.

После этого Эдмунд отступил в Глостершир, где его настиг Кнут. Понесшие большие потери претенденты на королевский престол решили ограничиться мирными переговорами, которые происходили на острове Ола. В памяти потомков эти переговоры оставили память о себе прежде всего благодаря поединку между королями, который иногда (Панегирик Эмме; Уильям Мальмсберийский) трактуется как рыцарский турнир (Англосаксонская хроника 2010: 115).

Тем не менее, на острове Ола был заключен мирный договор. Перед лицом почти неминуемого поражения Эдмунд был вынужден пойти на компромисс. Были определены размеры денежных выплат данам, Эдмунд получал Уэссекс, Кнут – Мерсию. Датчане возвращались к своим кораблям на побережье со всей своей добычей, а также заключали дополнительный договор с Лондоном. Тем не менее, долго такое двоевластие не просуществовало – Эдмунд умер 30 ноября 1016 г. Иоанн Вустерский уточняет, что произошло это в Лондоне.

Версий его смерти много: он умер от ран, полученных в битвах; умер от болезни; его убил подосланный убийца, которым являлся в некоторых источниках неоднократно упоминавшийся Эадрик Стреона или его сын. В версии убийства присутствует указание на то, что оно было осуществлено в отхожем месте, что добавляет к его образу черты позора и трусости, как бы убеждая читателя, что такой правитель не мог быть истинным королем.

Несомненно, смерть Эдмунда могла наступить по естественным причинам, из-за усталости после всех сражений, полученных в их ходе ран, при плачевном состоянии медицины того времени. Но множество сведений указывают на то, что его кончина была вызвана не случайной болезнью. Эти сообщения выглядят довольно правдоподобно, учитывая тот факт, что больше всего выгоды от смерти Эдмунда получал король Кнут.

Что можно сказать об Эдмунде, исходя из той информации, которая нам известна? Он

был, без сомнения, храбрым и отважным воином и полководцем, вставшим на защиту Англии в критический момент. Будучи отстраненным от права на наследование престола, Эдмунд вступил в борьбу с отцом и с теми силами, которые поддерживали Этельреда. Вторжение Кнута предоставило Эдмунду возможность в полной мере проявить свои способности, однако его попытки энергично противостоять датскому вторжению оказались безрезультатными вследствие объективных условий, важнейшим среди которых была непрекращающаяся борьба среди англосаксонской знати, не считавшей необходимым хотя бы на время оставить внутренние противоречия ради сохране-

ния единства королевства и власти англосаксонской династии.

Победа Кнута имела очевидные положительные последствия для Англии: в стране наступил долгожданный мир, продолжавшийся около полувека, до времен Вильгельма Завоевателя. Эдмунд же остался в памяти потомков одной из самых героических и трагических фигур английской истории. Мужественно и решительно вступив в борьбу с сильным и жестоким противником, он оказался не в состоянии предотвратить иноземное завоевание не столько вследствие превосходства датчан, сколько в результате неразрешимости противоречий в среде англосаксонской знати.

ЛИТЕРАТУРА

- Англосаксонская хроника. 2010 / Метлицкая З.Ю. (ред.). Санкт-Петербург: Евразия.
 Глебов А. Г. 2015. Англия в раннее средневековье. Санкт-Петербург: Евразия.
 Горелов М. М. 2003. Датское и нормандское завоевания Англии в XI в.: итоги и последствия // Сванидзе А.А. (отв. ред.). Средние века 64, 220–245.
 Bartlett W. B. 2016. King Cnut and the Viking Conquest of England 1016. Stroud: Amberley Publishing.
 Bolton T. 2009. The empire of Cnut the Great: conquest and the consolidation of power in Northern Europe in the early eleventh century. Leiden: Brill.
 Henry of Huntingdon. Historia Anglorum. 1853 / Forester T. (ed.). London: Woodfall and Kinder.
 John of Worcester. 1854. The Chronicle of John of Worcester / Forester T. (ed., transl.). London: Petter and Galpin.
 Morawiec J. 2013. Knut Wielki: krol Anglii, Danii i Norwegii. Krakow: Avalon.
 William of Malmesbury. 1847. Gestaregum Anglorum / Giles J.A. (ed.). London: J. Haddon.

REFERENCES

- Anglosaksonskaya khronika. [Anglo-Saxon Chronicle] // Metlitskaya Z. Y. (Ed. by). Saint Petersburg: Eurasia, 2010. (In Russian).
 Glebov A. G. Angliya v ranneye srednevekov'ye [England in the early Middle Ages]. Saint Petersburg: Eurasia, 2015. (In Russian).
 Gorelov M. M. In: Srednieveka [Middle Ages]. Vol. 64 (2003): 220–245. (In Russian).
 Bartlett W. B. King Cnut and the Viking Conquest of England 1016. Stroud: Amberley Publishing, 2016.
 Bolton T. The empire of Cnut the Great: conquest and the consolidation of power in Northern Europe in the early eleventh century. Leiden: Brill, 2009.
 Henry of Huntingdon. Historia Anglorum. / Ed. by Forester T. (ed.). L.: Woodfall and Kinder, 1853
 John of Worcester. The Chronicle of John of Worcester. / Ed. and transl. by Forester T. L.: Petter and Galpin, 1854.
 Morawiec J. Knut Wielki: krol Anglii, Danii i Norwegii. Krakow: Avalon, 2013.
 William of Malmesbury. Gestaregum Anglorum. // Giles J. A. (Ed. by) L.: J. Haddon, 1847.

S. A. Poliakov
 Saratov, Russia

FROM THE HISTORY OF ENGLAND AT THE TURN OF THE EARLY AND THE BEGINNING OF THE CLASSICAL MIDDLE AGES: THE CONFRONTATION BETWEEN CNUT THE GREAT AND EDMUND IRONSIDE IN 1016

Abstract. This article presents the analysis of the confrontation between the Danish Prince Cnut and the Anglo-Saxon King Edmund Ironside in 1016. These events are an integral part of a long war of conquest, which was waged by the Kings of Denmark in England in the first decades of the 11th century.

As a result of the conquest of England by Denmark, in 1013 King Sweyn Forkbeard took the throne of the Island Kingdom for a short time. King Ethelred II had to flee the country. Sudden death of the Danish ruler made it possible for the escaped sovereign to regain the power. However, in 1015 Cnut the son of Sven, later known as the Great, returned to England and continued the war. At the height of the military events in 1016 the aged King of the Anglo-

Saxons died, and his son Edmund succeeded to the throne. He managed to give a decisive rebuff to the enemy and cast doubt on the success of the Danish expansion.

The article also describes the main events of that time and analyzes the personality of Edmund Ironside, the King of England, whose brief reign is often forgotten in the general course of history. Nevertheless, making use of the available information we can say that he was a serious rival to Cnut because Edmund was an outstanding commander and politician. Despite his victories the outcome of the war was not in favor of Edmund Ironside as England was conquered by the Scandinavians and a peace treaty was concluded between the rulers. However, the execution of the treaty was unnecessary because of the unexpected death of Edmund.

On the bases on the chronicles, we try to describe the course of events and make an attempt to characterize distinctive features of Edmund Ironside as well as to determine the historical significance of his activity.

Key words: England; Scandinavia; Denmark; Viking Age; conquest; Ethelred II; Cnut the Great; succession; London.

About the author: Sergei Arkadyevich Poliakov, Postgraduate at the Department of General History, Saratov State University.

Поляков С. А. Из истории Англии на рубеже раннего и классического Средневековья: противостояние Кнута Великого и Эдмунда Железнобокого в 1016 г. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 1. С. 99–105.

Poliakov S. A. From the history of England at the turn of the early and the beginning of the classical middle ages: the confrontation between Cnut the Great and Edmund Ironside in 1016 // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 1. P. 99–105.

УДК 314.742

А. В. Савельева
Нижневартовск, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ИММИГРАЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЕБЫВАНИЯ ЕВРЕЕВ В США (конец XVIII – первая четверть XX в.)

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее важные аспекты иммиграции евреев в Соединенные Штаты Америки в конце XVIII – первой четверти XX в. Анализируются причины и факторы, повлиявшие на этот процесс. Отдельное внимание уделяется сравнительной оценке трех иммигрантских групп еврейского происхождения с точки зрения отношения иммигрантов разных потоков друг к другу и американского общества к ним. На основе анализа американского иммиграционного законодательства выявляются причины ограничения въезда евреев в США в 1920-х гг.

Предметом исследования является процесс иммиграции евреев в Соединенные Штаты Америки в конце XVIII – первой четверти XX в., а также законодательное регулирование пребывания евреев на территории американского государства в обозначенный период.

Исследование основано на материалах, размещенных в электронной библиотеке американского Конгресса. К ним относятся иммиграционные законы, стенографические отчеты Конгресса США, постановления американского Конгресса. Эти документы позволяют определить этапы иммиграции евреев в США, а также выявить принципы и причины законодательного регулирования пребывания этой группы иммигрантов на территории американского государства.

Работа с источниками осуществлялась при помощи общенаучных методов исследования: описания, анализа и сравнительно-сопоставительного метода, а также с использованием специальных методов исторического исследования, например, историко-сравнительного метода. При работе со статистическими данными использовались математические методы исследования.

Результаты проведенного исследования позволяют реконструировать отдельные аспекты иммиграционной политики Соединенных Штатов Америки в конце XVIII – первой четверти XX в., а также определить перспективы дальнейшей работы над обозначенной проблематикой.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки; иммиграция; иммигранты; евреи; антисемитизм; ассимиляция.

Сведения об авторе: Алена Владимировна Савельева, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижневартковский государственный университет.

Контактная информация: 628600, Россия, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36; тел.: (3466)275010, e-mail: saveleva_1984@mail.ru.

Проблема иммиграции в США представителей различных народов привлекает внимание зарубежных: О. Хэндлин (Handlin 1973), Р. Хорсман (Horsman 1981), Г. Гатсон (Hodgson 2004) и отечественных: Э.Л. Нитобург (Нитобург 1994), В.А. Тен (Тен 1998), З.С. Чертина (Чертина 2000) исследователей с середины XX в. В настоящее время она приобрела особую актуальность, так как иммиграция стала рассматриваться не только как передвижение населения между странами, но и как источник экономических ресурсов, один из инструментов совершенствования человеческого потенциала, источник знаний, талантов, квалификации, капиталов, следовательно, как необходимый элемент стратегии экономического развития и повышения конкурентоспособности государства (Никольская 2015: 5). Однако интенсификация процессов международной миграции способствует возникновению ряда проблем у принимающих стран. Они связаны с ассимиляцией новых членов общества, с возникновением дополнительной нагрузки на систему образования, медицины и социальной защиты населения.

Такое понимание иммиграционного процесса характерно для второй половины XX в., так как в XIX столетии и в первой половине XX в. преобладающей была иммиграция неквалифицированной рабочей силы, которая составляла ряд проблем для развития принимающих стран.

Стоит отметить, что США как страна, созданная переселенцами, с самого начала своего существования вынуждена была решать проблему взаимодействия американских граждан с вновь прибывшими переселенцами. В рамках данного вопроса отдельный интерес представляет иммиграция в США евреев.

Реконструировать процесс иммиграции евреев в Соединенные Штаты Америки, выявить его особенности, определить отношение американского правительства и общества к иммигрантам позволяет ряд источников, которые размещены в электронной библиотеке американского Конгресса (Library of Congress). К ним относится, во-первых, иммиграционное законодательство. Основными законами, определявшими иммиграционную политику американского государства в начале XX в., стали ограничительные законы 1921 и 1924 гг.

Отдельное внимание стоит уделить постановлениям американского Конгресса. Например, такому как «Совместное постановление о разрешении оставаться на территории США некоторым иностранцам, временно до-

пущенным по разрешениям на пребывание, сверх квот, установленных в соответствии с Законом об иммиграции от 19 мая 1921 г.» (принято 27 декабря 1922 г. на заседании Конгресса) (Joint Resolution To permit ...).

Во-вторых, интерес представляют стенографические отчеты 67-го Конгресса. В них отображен процесс обсуждения и принятия решений по вопросу предоставления некоторым категориям иностранных граждан права остаться жить на территории США (Sixty-Seventh Congress ...).

В-третьих, немаловажное значение для исследования обозначенной проблематики имеют такие источники, как опубликованные на идише патриотические песни евреев-переселенцев (*Zeï gebensht Du ...*); ежедневный молитвенник, предназначенный для морских путешественников, направлявшихся в Америку (*Prayer Book for Travelers ...*) и т. д.

Таким образом, источниковая база исследования позволяет дополнить имеющиеся в исторической литературе сведения об этапах иммиграции евреев в США и особенностях формирования там еврейской общности. Представляется возможным более подробно изучить содержание американских законов об ограничении иммиграционного потока в США и выявить их значение для американской иммиграционной политики в целом.

Стоит отметить, что иммиграция евреев в США началась с середины XVII в. Это было обусловлено рядом факторов:

- антиеврейским законодательством ряда стран Европы;
- политическим и религиозным антисемитизмом;
- дефицитом и высокой стоимостью продовольствия (Шкаревский 2005);
- индустриализацией;
- урбанизацией;
- политическими потрясениями XIX в., которые выразились в том, что в 1815 г. в Европе наступила политическая реакция и экономическая депрессия, которые побудили значительное число немецких евреев, разуверившихся в возможности добиться полного равноправия и эмансипации, устремиться в Америку.

Все эти факторы способствовали тому, что миллионы евреев Европы покинули свои города и деревни, отправившись в трудное путешествие в «Золотую землю» Америки (*From Haven to Home ...*).

Стабильный приток евреев в США характерен для достаточно длительного периода –

1820–1924 гг. При этом кульминацией еврейской иммиграции стало начало XX в.

Можно выделить три крупнейшие иммигрантские группы, составившие основу американской еврейской этнической общности: испано-португальскую (середина XVII – первая четверть XIX в.), немецкую (20–80-е гг. XIX в.) и восточноевропейскую (1881–1924 гг.) (Гринь 2012b: 110).

Советский американист Э.Л. Нитобург определил еще один этап в процессе более чем трехвековой иммиграции евреев в Новый Свет. Он охватил период с 1925 по 1993 гг. (Нитобург 1994: 22).

В период с середины XVII в. до 1815 г. еврейские иммигранты прибывали в США в основном из разных областей сефардского мира, в том числе с Карибских островов и из Латинской Америки. Эта группа иммигрантов еврейского происхождения была небольшой (Гринь 2012a: 66).

В 20–80-е гг. XIX в. еврейские иммигранты прибывали в США в основном из Центральной Европы. Большая часть евреев переселялась из германских государств. Помимо расселения в Нью-Йорке, Филадельфии и Балтиморе группы немецкоговорящих евреев добрались до Цинциннати, Олбани, Кливленда, Луисвилля, Миннеаполиса, Сент-Луиса, Нового Орлеана, Сан-Франциско и до десятков других небольших американских городов. За этот период еврейское население США увеличилось почти в сто раз – с 3 000 человек в 1820 г. до 300 000 человек в 1880 г. (From Haven to Home ...).

В связи с массовой эмиграцией евреев из Германии в 1842 г. был напечатан миниатюрный ежедневный молитвенник, предназначенный «особенно для морских путешественников, отбывавших в страну Америки». Всего было три издания этого крошечного молитвенника, опубликованного между 1840 и 1860 гг. (Prayer Book for Travelers ...).

Первоначально выходцам из Германии оказывали помощь сефарды – потомки испано-португальских евреев. Однако аристократический характер сефардов, различия между сефардским и ашкеназским ритуалами (ашкеназы – потомки немецких и восточноевропейских евреев), желание сефардов ввести своего рода протекторат над вновь прибывшим населением привели к тому, что в Нью-Йорке возник раскол религиозного характера. Немецкие иммигранты обособились и стали организовывать отдельные конгрегации из мелких земляческих групп. В 1825 г. в Нью-Йорке была образована

первая польская конгрегация, а в 1830 г. – немецкая. Позже возникли нидерландская и др. (Гринь 2012b: 110).

С 1881 по 1924 гг. иммиграция сместилась из Центральной Европы на восток. При этом более 2,5 миллионов восточноевропейских евреев покидали родные земли по причине преследований и из-за экономической ситуации в странах Восточной Европы. Большинство из тех, кто приехал в США в рамках этого переселения, поселялись в городах. Они присоединялись к рабочему классу, говорили на идише, создавали сети культурных, духовных, общественных организаций (в 1906 г. в США насчитывалось 1 769 синагог) и собственные формы бытовой жизни. Все перечисленное в своей совокупности стало отличительной особенностью американского еврейства.

Для переселившихся евреев на идише публиковались патриотические песни, которые были популярны среди вновь прибывших переселенцев. В них выражалась любовь иммигрантов к США и верность «Свободной земле» (“Land of the Free”). Одна из песен начиналась со следующих слов: «Выражение верности каждой клеткой своего существа этой Земле свободы является священным долгом каждого еврея» (Long Live the Land ...).

Еврейское издательство Нью-Йорка опубликовало несколько изданий с такими песнями. Они назывались «Да здравствует Свободная земля» (“Zei gebensht Du Freie Land” (“Long Live the Land of the Free”)) и «Да здравствует Америка» (“Leben zol Amerika” (“Long Live America”)). Песня «Да здравствует Америка» была опубликована в 1910 г. Автором текста стал Лео Розенберг (Leo Rosenberg (1879–1963)), а композитором – Модест Рубинштейн (Modest Rubinshtein (1894–1969)). Песня «Да здравствует Свободная земля» была опубликована в 1911 г. Ее автором является Соломон Шмулевич (Solomon Smulewitz (1868–1943)), а композитором Иосиф Румшинский (Joseph Rumshinsky (1881–1956)) (Zei gebensht Du Freie Land).

Стоит отметить, что на обложке издания, где была опубликована песня «Да здравствует Америка», представлены изображения Джорджа Вашингтона, Авраама Линкольна и Статуи Свободы. Именно они стали тремя любимыми почитаемыми людьми и объектами иммигрировавших евреев (Leben zol Amerika ...).

Из 2,5 миллионов еврейских переселенцев 1,5 миллиона ранее проживали на территории Российской империи. Между 1881 и 1914

гг. из каждой тысячи евреев России в год уезжало 12 человек, при этом об интенсивности процесса с 1904 по 1914 гг. свидетельствует повышение этого показателя до 21 человека в год (Гринь 2012а: 66).

Увеличение количества иммигрантов способствовало тому, что американское правительство разработало ряд мер по ограничению потока переселенцев в США. С этой целью были приняты ограничительные законы 1921 и 1924 гг., которые способствовали эволюции иммиграционной политики США от относительно свободного допуска всех работоспособных иммигрантов до строгого регулирования их количественного и качественного (национального, политического, профессионального) состава.

В 1921 г. Конгресс США принял «Закон об ограничении иммиграции иностранцев в США» (An Act To limit the immigration ...), который в исторической литературе определяется как «Первый квотный акт». Этот закон впервые вводил систему национальных квот. Он разрешал въезд в страну представителям различных национальностей в пределах 3% от числа той же национальности, проживавших на территории США в 1910 г. (An Act To limit the immigration ...). При этом стоит отметить, что к 1910 г. этнические группы были в неравном положении, так как количественно преобладали ангlosаксы и выходцы из Западной и Северной Европы. В итоге для них трехпроцентная норма была предпочтительнее, чем для новых переселенцев.

В законе четко определена группа лиц, которая относилась к категории иностранцев. Согласно ему иностранцем считалось любое лицо, не рожденное на территории США или не подвергавшееся натурализации, кроме индейцев, не облагавшихся налогом, и граждан островов, находившихся под юрисдикцией государства (An Act To limit the immigration ...).

Стоит отметить, что, несмотря на действие закона, наблюдались случаи превышения установленных национальных квот. В связи с этим 27 декабря 1922 г. американским Конгрессом было принято «Совместное постановление о разрешении оставаться на территории США некоторым иностранцам, временно допущенным по разрешениям на пребывание, сверх квот, установленных в соответствии с Законом об иммиграции от 19 мая 1921 г.». Согласно данному документу, все иностранцы, въехавшие в США до 7 марта 1922 г. сверх квот, установленных законом от 19 мая 1921 г., счита-

лись временно пребывавшими на территории государства и находились под таможенным контролем. Однако если они не подлежали депортации на основе действующего американского законодательства, то могли остаться проживать в США, но только с разрешения министра труда. При этом действие ранее выданного разрешения на проживание отменялось (Joint Resolution... 1921).

Закон 1924 г. окончательно закрепил принципы национальной квоты и ее количественное выражение, снизив ежегодную квоту переселенцев до 165 тыс. человек. Ежегодно разрешалось прибывать из Западной и Северной Европы 127 тыс. иммигрантов, из Восточной и Южной Европы – 24 тыс. человек. Иммиграция же из других частей мира ограничивалась до 3 тыс. ежегодно. Дальневосточная иммиграция исключалась (Global Immigration Timeline ...).

Джон Кеннеди в книге «Нация иммигрантов» определил главные причины, побудившие американское правительство принять акт 1924 г. К ним относились:

- послевоенный изоляционизм США;
- доктрина превосходства англосакской и тевтонской расы;
- боязнь, что малоквалифицированный труд приведет к снижению уровня доходов;
- вера в то, что люди определенных наций менее законопослушны, чем другие;
- страх перед зарубежными идеологиями и разрушением американской нации;
- опасения, что прибытие большого количества иммигрантов с разными традициями и привычками приведет к подрыву национального и социального единства и порядка (Чертина 2000).

В итоге иммиграция евреев в США осуществлялась на протяжении нескольких веков. Это было обусловлено, главным образом, экономической ситуацией в странах Европы и политическим, религиозным антисемитизмом. Стоит согласиться с мнением советского американиста Э.Л. Нитобурга о том, что в отличие от других этнических групп в США, американская еврейская общность не является осколком ранее существовавшей, а сформировалась из нескольких иммигрантских групп, представлявших еврейские этнические общины различных стран. Помимо этого она сформировалась на базе английского языка, так как приезжавшие в США еврейские иммигранты не имели единого языка для общения (они разговаривали на идише, иврите, либо на языках стран эмиг-

рации). В связи с этим именно английский язык стал для евреев-иммигрантов языком, который объединил и сплотил их. Стоит отметить и тот факт, что у американской еврейской этнической группы отсутствовала ориентация на страну эмиграции. Это выразилось в том, что разрыв языковых и культурных связей евреев со страной эмиграции происходил уже во втором поколении. Помимо этого ассимиляция иммигрантов еврейского происхождения происходила быстрыми темпами, что привело к укреплению позиций еврейской общности в США. С течением времени ее представители стали стремиться к оказанию влияния на внутриполитические и внешнеполитические дела американского государства. Неслучайно в начале 90-х гг. XX в. появился термин «еврейское лобби», под которым понимается совокупность еврейских политических организаций в США, которые совместно или самостоятельно прикладывали усилия для лоббирования в Соединенных Штатах своих интересов. Кроме евреев-иммигрантов в стране функционировали и другие лоббистские группы. Однако не все они

были успешны в своей деятельности. В результате иммиграция евреев в США служит примером того, как иммигрантская этническая группа может превратиться во влиятельное лобби в стране, а также занять ведущее место в системе средств массовой информации.

Таким образом, в связи с тем, что в настоящее время глобализация ставит все более схожие и общие проблемы перед разными странами в области иммиграции, американский опыт регулирования иммиграционных потоков представляет интерес. Его анализ позволяет определить, что, несмотря на превращение иммиграции в источник обеспечения экономики необходимыми человеческими ресурсами, она способствует возникновению ряда проблем у принимающих стран. Они связаны с сохранением стабильности общества и уровня социальной защищенности своих граждан. Решение этих проблем возможно благодаря определению четких правил, законодательных актов, регулирующих процесс въезда в страну иностранцев.

ЛИТЕРАТУРА

- Гринь Л. В. 2012а. Влияние американского иммиграционного законодательства на формирование еврейской диаспоры в США (середина XVII в. – 1914 г.) // Вестник Томского гос. ун-та 365, 65–68.
- Гринь Л. В. 2012б. Формирование религиозных институтов иммигрантами еврейского происхождения в США (середина XVII в. – 1914 г.) // Вестник Томского гос. ун-та 3(19), 110–113.
- Никольская Г. К. 2015. Государственная иммиграционная политика США. Москва: ИМЭМО РАН.
- Нитобург Э. Л. 1994. История формирования еврейской общности в США // США: экономика, политика, идеология 5, 22–32.
- Тен В. А. 1998. Иммиграционная политика США в XVII–XX вв. Москва: Диалог-МГУ.
- Чертина З. С. 2000. Плавильный котел? Парадигмы этнического развития США. Москва: ИВИ РАН.
- Шкаревский Д. Н. 2005. Немецкая иммиграция в США в конце XVIII – XIX вв. К вопросу о численности и причинах // <http://mmj.ru> (2017. 28 сент.).
- An Act To limit the immigration of aliens into the United States. May 19, 1921 (The statutes at large of the United States of America from April, 1921, to March, 1923: Concurrent resolutions of the two Houses of Congress and recent treaties, conventions, and executive proclamations. P. 5) // <http://www.loc.gov> (2017. 17 нояб.).
- From Haven to Home: 350 Years of Jewish Life in America. A Century of Immigration, 1820–1924 // <https://www.loc.gov> (2017. 28 сент.).
- Global Immigration Timeline // <https://www.loc.gov/teachers/classroommaterials/presentationsandactivities/presentations/immigration/alt/timeline.html> (2017. 02 окт.).
- Handlin O. 1973. The Uprooted: The Epic Story of the Great Migrations That Made the American People. Second Edition. Boston // <http://www.upenn.edu> (2018. 22 янв.)
- Hodgson J. 2004. More Equal Than Others: America from Nixon to the New Century. Princeton: Princeton University Press // <https://www.questia.com> (2018. 24 янв.)
- Horsman R. 1981. Race and Manifest Destiny: The Origins of American Racial Anglo-Saxonism. Cambridge: Harvard University Press.
- Joint Resolution To permit to remain within the United States certain aliens admitted temporarily under bond in excess of quotas fixed under authority of the Immigration Act of May 19, 1921 // <http://www.loc.gov/law/help/statutes-at-large/67th-congress/Session%204/c67s4ch15.pdf> (2017. 16 нояб.).
- Leben zol Amerika // <https://www.loc.gov/item/ihas.200186053/> (2017. 01 окт.).
- Long Live the Land of the Free // <http://www.loc.gov/exhibits/haventohome/haven-century.html#obj3> (2017. 29 сент.).
- Prayer Book for Travelers to America // <http://www.loc.gov/exhibits/haventohome/haven-century.html#obj0> (2017. 29 сент.).

Sixty-Seventh Congress. Sess. IV. Chs. 13–15. 1922. P. 1065 //https://www.loc.gov/law/help/statutes-at-large/67th-congress/Session%204/c67s4ch15.pdf (2017. 16 нояб.).

Zei gebensht Du Freie Land //https://www.loc.gov/item/ihas.200182133/ (2017. 01 окт.).

REFERENCES

Grin L. V. In: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal] No. 365 (2012a): 65–68. (In Russian).

Grin L. V. In: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal] No. 3 (19) (2012b): 110–113. (In Russian).

Nikol'skaya G. K. Gosudarstvennaya immigracionnaya politika SSHA [Immigration Policy of the USA]. M.: IMEMO, 2015. (In Russian).

Nitoburg E. L. In: SSHA: ehkonomika, politika, ideologiya [USA: economics, politics, ideology] No. 5 (1994): 22–32. (In Russian).

Ten V. A. Immigracionnaya politika SSHA v XVII–XX vv. [The immigration policy of the United States in the XVII–XX centuries]. M.: Dialog-MGU, 1998. (In Russian).

Chertina Z. S. Plavil'nyj kotel? Paradigmy ehničeskogo razvitiya SSHA [Melting Pot? The paradigm of the USA ethnic development] M.: IVI RAN, 2000 (In Russian).

Shkarevsky D. N. 2005. Nemeckaya immigraciya v SSHA v konce XVIII – XIX vv. K voprosu o chislennosti i prichinah [German immigration to the United States in the end of XVIII – XIX centuries. To the issue of the number and the reasons] Available at: <http://mmj.ru/index.php?article=509&id=39> (Accessed on 2017. 28 Sept.).

An Act To limit the immigration of aliens into the United States. May 19, 1921 //https://www.loc.gov/law/help/statutes-at-large/67th-congress/Session%201/c67s1ch8.pdf Available at: // (Accessed on 2017. 17 Nov.).

From Haven to Home: 350 Years of Jewish Life in America. A Century of Immigration, 1820–1924. Available at: // <https://www.loc.gov/exhibits/haventohome/haven-century.html> (Accessed on 2017. 28 Sept.).

Global Immigration Timeline. Available at: <https://www.loc.gov/teachers/classroommaterials/presentationsandactivities/presentations/immigration/alt/timeline.html> (Accessed on 2017. 02 Oct.).

Handlin O. 1973. The Uprooted: The Epic Story of the Great Migrations That Made the American People. Second Edition. Boston.

Hodgson J. 2004. More Equal Than Others: America from Nixon to the New Century. Princeton: Princeton University Press. Available at: // <https://www.questia.com/library/118113141/more-equal-than-others-america-from-nixon-to-the>. (Accessed on 2018. 24 Jan.).

Horsman R. Race and Manifest Destiny: The Origins of American Racial Anglo-Saxonism. Cambridge: Harvard University Press, 1981.

Joint Resolution To permit to remain within the United States certain aliens admitted temporarily under bond in excess of quotas fixed under authority of the Immigration Act of May 19, 1921. Available at: //<http://www.loc.gov/law/help/statutes-at-large/67th-congress/Session%204/c67s4ch15.pdf> (2017. 16 Nov.).

Leben zol Amerika. Available at: //<https://www.loc.gov/item/ihas.200186053/> (Accessed on 2017. 01 Oct.).

Long Live the Land of the Free. Available at: //<http://www.loc.gov/exhibits/haventohome/haven-century.html#obj3> (Accessed on: 2017. 29 Sept.).

Prayer Book for Travelers to America. Available at: <http://www.loc.gov/exhibits/haventohome/haven-century.html#obj0> (Accessed on: 2017. 29 Sept.).

Sixty-Seventh Congress. Sess. IV. Chs. 13–15. 1922. P. 1065. Available at: //<https://www.loc.gov/law/help/statutes-at-large/67th-congress/Session%204/c67s4ch15.pdf> (Accessed on 2017. 16 Nov.).

Zei gebensht Du Freie Land. Available at: //<https://www.loc.gov/item/ihas.200182133/> (Accessed on 2017. 01 Oct.).

A. V. Savelyeva
Nizhnevartovsk, Russia

THE ISSUE OF IMMIGRATION AND LEGISLATIVE REGULATION OF JEWISH PEOPLE IN THE UNITED STATES (the end of the 18th – the first quarter of 20th centuries)

Abstract. This article deals with the most important aspects of Jewish immigration to the United States of America at the end of 18th – the first quarter of 20th centuries. The author analyzes the reasons and factors that influenced this process. Special attention is given to the comparative assessment of the three immigrant groups of Jewish origin: in terms of the attitudes of immigrants of different flows to each other and in terms of the attitudes of American society to them. On the basis of the analysis of the American immigration law the reasons for restricting the entry of Jews to the USA in the 1920s were revealed.

The subject of the research is the Jews immigration to the United States of America at the end of 18th – the first quarter of 20th centuries, as well as the legislative regulation on the stay of Jews in this country at that period.

The study is based on the materials from the digital Library of Congress such as immigration laws, verbatim records of the United States Congress, resolutions of the Congress, etc. These documents make it possible to determine the stages of Jewish immigration in the United States and to identify principles and causes for legal regulation of their stay on the US territory.

Work with information sources was carried out with the help of general scientific research methods, i.e. description, analysis and comparative method, as well as special methods of historical study, such as historical-comparative method. When working with statistical data, the author used mathematical methods of research.

The results of the study make it possible to reconstruct some aspects of the immigration policy of the United States of America in the late 18th – the first quarter of 20th centuries and to identify prospects for further work on the issues in question.

Key words: United States of America; immigration; immigrants; Jews; anti-semitism; assimilation.

About the author: Alyona Vladimirovna Savelyeva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Records Management and General History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Савельева А. В. К вопросу об иммиграции и законодательном регулировании пребывания евреев в США (конец XVIII – первая четверть XX в.) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 1. С. 105–111.

Savelyeva A. V. The issue of immigration and legislative regulation of jewish people in the United States (the end of the 18th – the first quarter of 20th centuries)// Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 1. P. 105–111.

УДК 903.53 “638” (478)

*В. С. Синика¹, Н. П. Тельнов², С. Д. Лысенко³
Тирасполь, Молдова, Нижневартовск, Россия¹;
Кишинёв, Молдова²; Киев, Украина³*

СКИФСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАНА 4 ГРУППЫ «САД» НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДНЕСТРА

Аннотация. В статье публикуются и анализируются материалы из скифских погребений, исследованных в 2015 г. при раскопках кургана 4 группы «Сад», расположенной к северу от с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Курган был возведен в эпоху ранней бронзы носителями усатовской археологической культуры. В первой половине I тыс. до н.э. в него были впушены три киммерийских захоронения, а в IV в. до н.э. – четыре скифских (4/3, 4/6, 4/11, 4/18). Находка чашки и орудий труда, связанных с прядением и шитьем, в погребении 4/6, а также наличие ножа с роговой рукоятью в погребении 4/18 и ножа с деревянной – в захоронении 4/6 демонстрируют преемственность погребального обряда позднескифской и классической скифской культуры. Публикуемые скифские захоронения, как и другие скифские погребальные комплексы группы «Сад», не только свидетельствуют о трансформации классической скифской культуры в позднескифскую. Наряду с этим они, как и скифские курганы и захоронения, исследованные в соседней курганной группе «Водовод», суммарно датирующиеся второй половиной IV – первой третью III в. до н.э., а также могильник III–II вв. до н.э., расположенный у северной окраины с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра, свидетельствуют о непрерывном присутствии скифского населения в регионе в IV–II вв. до н.э.

Ключевые слова: Нижнее Поднестровье; скифы; рубеж IV–III вв. до н.э.; курган; впускные погребения; украшения; орудия труда; посуда, предметы вооружения.

Сведения об авторах: Виталий Степанович Синика¹, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник НИЛ «Археология», старший научный сотрудник лаборатории историографии и полевых методов археологии; Николай Петрович Тельнов², кандидат исторических наук, заведующий Отделом античной и средневековой археологии Института культурного наследия; Сергей Дмитриевич Лысенко³, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела энеолита – бронзового века Института археологии.

Место работы: Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Нижневартовский государственный университет¹; Академия наук Республики Молдова²; Национальная академия наук Украины³.

Контактная информация: ¹3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, д. 107; тел.: +(373)77851792, e-mail: sinica80@mail.ru; ²2001, Молдова, г. Кишинёв, б-р Штефан чел Маре, д. 1;

тел. +(373)68782353, e-mail: telnov_nikolai@mail.ru; ³04210, Украина, г. Киев, пр-т Героев Сталинграда, д. 12; тел. +(380)972489987, e-mail: suraganga@yandex.ru.

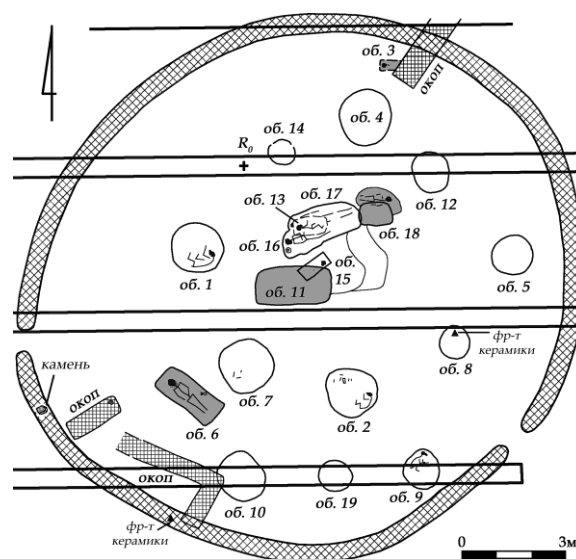
Масштабные исследования скифских погребальных памятников на левобережье Нижнего Днестра в 1995–2017 гг. позволили значительно увеличить число археологических источников соответствующего периода истории Северо-Западного Причерноморья. Было изучено 183 скифских погребения на могильнике у с. Глиное Слободзейского района. Данный памятник свидетельствует о существовании скифской культуры в III–II вв. до н.э. в Северо-Западном Причерноморье (Тельнов и др. 2016; Сеника, Тельнов 2018). Еще 55 скифских захоронений были выявлены в расположенных в непосредственной близости от могильника у с. Глиное курганных группах «Сад» и «Водовод». (Сеника, Тельнов 2016а; Сеника, Тельнов 2016б; Сеника, Тельнов 2016с; Сеника, Тельнов 2017а; Сеника, Тельнов 2017б; Сеника, Тельнов 2017с; Сеника, Тельнов 2018; Разумов и др. 2016; Сеника и др. 2017). На данный момент не все из них опубликованы. Однако, поскольку эти погребения были совершены во второй половине IV – первой трети III в. до н.э. и демонстрируют трансформацию классической скифской культуры в позднескифскую, введение их в научный оборот представляется актуальным.

В настоящей работе публикуются и анализируются четыре скифских захоронения, выявленных при исследовании кургана 4 группы «Сад» в 2015 г. Ниже приводится описание этого кургана, исследованных в нем скифских погребений, а также сопровождающего инвентаря¹.

Курган 4 копался параллельными траншеями с использованием техники. Были разбиты три бровки по линии запад – восток, ширина всех бровок по 0,6 м, длина Центральной бровки 20 м, двух южных бровок – по 16 м, расстояние между Центральной и I Южной, между обеими Южными бровками по 4,5 м. Также был зачищен один профиль в 4,2 м к северу от Центральной бровки длиной 14 м (рис. 1).

Как показали исследования, курган 4 был насыпан в один прием носителями усатовской культуры эпохи ранней бронзы. Максимальный диаметр кургана, определяемый внутренним краем кольцевого рва, составлял 15 м. Установить первоначальную высоту насыпи не представляется возможным, на момент исследова-

ния в результате длительной распашки ее максимальная высота составила 0,21 м. Кроме основного погребения (объект 15), с уровня древнего горизонта были впущены кольцевой ров с двумя перемычками и 11 ритуальных ям – объекты 1, 2, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 12, 14, 19 (Разумов и др. 2016). Позже, в раннем железном веке, в центр кургана были впущены киммерийские погребения (объекты 13, 16, 17). Самыми поздними в кургане были четыре скифских захоронения, располагавшиеся по линии северо-восток – юго-запад: погребение 3 – на северо-востоке, захоронение 18 – между погребением 3 и центром кургана, захоронение 11 – в центре кургана, погребение 6 – на юго-западной оконечности условной оси (рис. 1). Публикации и интерпретации данных о погребальных комплексах и посвящена настоящая работа.

Рис. 1. План кургана 4 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра. Серой заливкой обозначены скифские погребения

Погребение 3 находилось в 3 м к северу и в 4 м к востоку от R₀. Яма прямоугольной формы шириной 0,35 м, ориентирована по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Глубина ямы -0,72 м от R₀. Восточная часть ямы уничтожена окопом времен Великой Отечественной войны (рис. 2: 1).

В западной части ямы сохранился череп и отдельные кости ребенка в возрасте до 1 года (Łukasik 2016: 4). Очевидно, погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад-северо-запад.

¹ Чертежи плана кургана, планов погребений и их разрезов выполнены канд. ист. наук С.Н. Разумовым, за что выражаем ему благодарность.

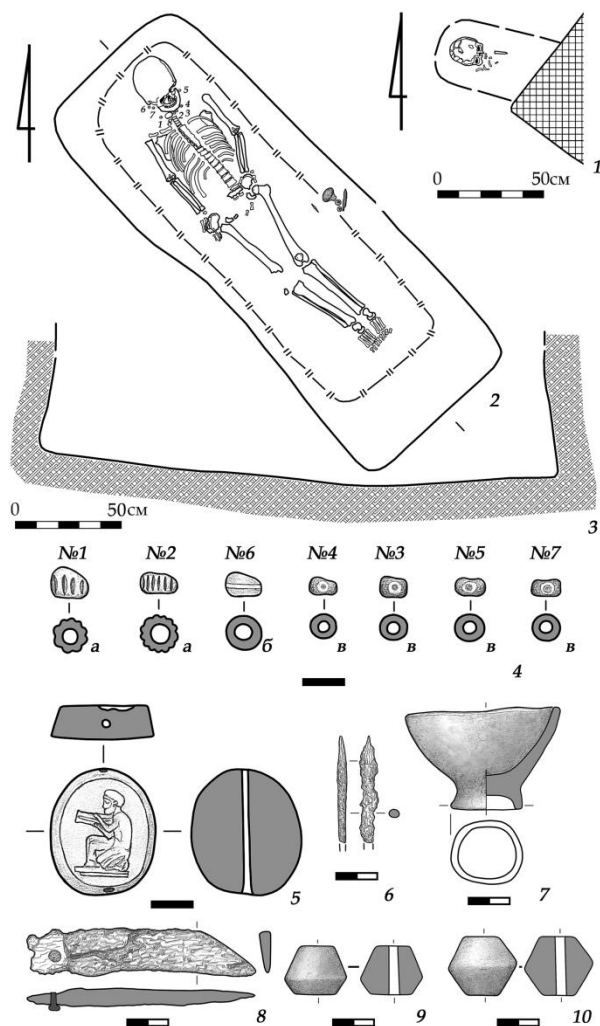

Рис. 2. План погребения 3 (1); план (2) и разрез (3) погребения 6 и инвентарь из него (4–10)

Погребение 6 обнаружено в юго-западном секторе кургана. Яма прямоугольной формы размерами 2,3 x 0,8 м и глубиной -1,3 м от R₀ была ориентирована по линии северо-запад – юго-восток.

Погребенная возрастом 35–50 лет (Łukasik 2016: 5) лежала в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Правая рука вытянута вдоль тела, левая – согнута и кистью уложена на таз, ноги прямые. На дне ямы зафиксирован белый тлен от растительной подстилки (рис. 2: 2, 3).

Состав и расположение инвентаря. На шее погребенной находилось ожерелье (1). У левого бедра обнаружены чашка (2), два пряслица (3, 4), нож (5) и шило (6).

Описание находок.

1. Ожерелье состояло из семи стеклянных бусин и литика-скарабеида:

– четыре глазчатые бусины коричневого цвета, с тремя «глазками» жёлтого цвета на ка-

ждой. Высота бусин 4,5–5,7 мм, диаметр – 6,6–9,1 мм, диаметр отверстий 3–5 мм (рис. 2: 4в);

– две ребристые бусины голубоватого цвета. Высота бусин 4,7 мм и 7 мм, диаметр – 6,5 мм и 9 мм, диаметр отверстий 3 мм и 4 мм (рис. 2: 4а);

– одна уплощенная бусина голубоватого цвета с горизонтальной белой полоской. Высота бусины 6 мм, диаметр – 9 мм, диаметр отверстия 4,8 мм (рис. 2: 4б);

– литик-скарабеид из полупрозрачного светло-жёлтого стекла использовался в составе ожерелья как центральная бусина-амулет. Для этого было просверлено отверстие диаметром 1–3 мм. Изделие овальное в плане, приплюснуто-трапециевидное в разрезе, со слабовыпуклой большей поверхностью. Меньшая поверхность плоская, с оттиснутым изображением колена-преклоненного бородатого мужчины в хитоне (вид слева), стоящего на левом колене и держащего в руках разворачиваемый свиток. Размеры большей поверхности 29 x 25 мм, размеры меньшей – 26 x 21,5 мм. Высота фигуры ок. 20 мм, ширина – ок. 15 мм; глубина изображения до 1,5 мм (рис. 2: 5). Вес литика 10,88 г.

2. Сероглиняная лепная чашка с полу-сферическим туловом на кольцевом поддоне. Высота чашки 42–48 мм, диаметр венчика 75 мм, диаметр поддона 30–34 мм, высота поддона ок. 10 мм. Глубина чашки 30 мм, глубина поддона 7 мм (рис. 2: 7).

3. Сероглиняное лепное биконическое пряслице. Высота пряслица 23 мм; диаметр ребра 29 мм; диаметры оснований 20 мм и 18 мм; диаметр отверстия 5 мм (рис. 2: 10).

4. Сероглиняное лепное биконическое пряслице. Высота пряслица 27,5 мм; диаметр ребра 32,5 мм; диаметры оснований 17 мм; диаметр отверстия 4,8–5 мм (рис. 2: 9).

5. Железный нож со слабоизогнутой спинкой. Судя по тлену на черенке, изделие имело деревянную рукоять, которая крепилась к лезвию при помощи железной заклепки. Общая длина лезвия 108 мм, длина клинка 91 мм, длина черенка 17 мм, ширина клинка 20–22 мм. Диаметр заклепки ок. 2,5 мм, диаметр шляпки 6,7 мм (рис. 2: 8).

6. Железное шило с истлевшей деревянной рукоятью. Острие обломано в древности. Длина сохранившейся части шила 51 мм, длина сохранившейся рабочей части 41 мм, длина черенка 10 мм, размеры сечения 4 x 5 мм (рис. 2: 6). По всей видимости, рабочая часть имела прямоугольное сечение.

Погребение 11 находилось в 3 м к югу и в 1 м к востоку от R₀. Яма прямоугольной формы, размерами 2,25 x 0,95 м, ориентирована по линии запад – восток. Короткие стенки расширяются ко дну. Глубина ямы -1,4 м от R₀ (рис. 3: 1, 2).

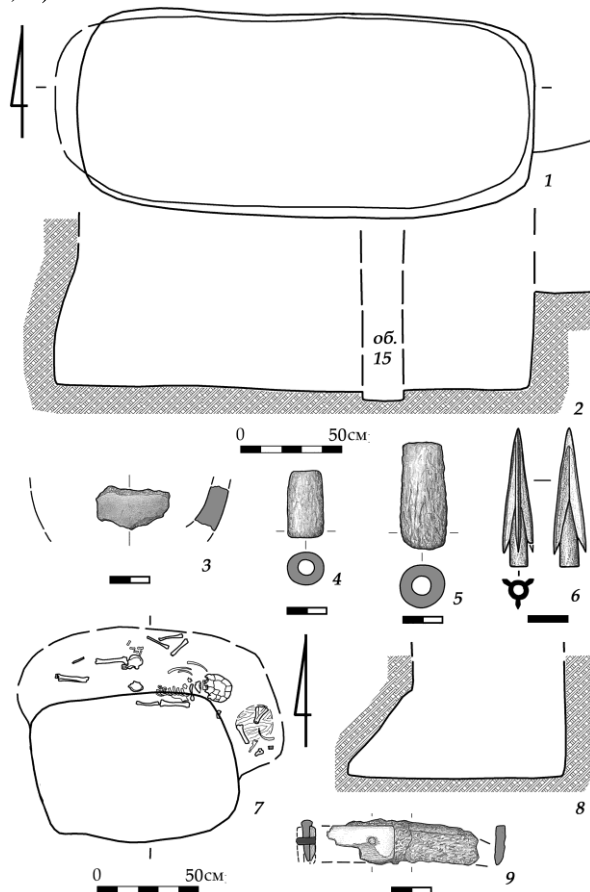

Рис. 3. План (1) и разрез (2) погребения 11 и инвентарь из него (3-6); план (7) и разрез (8) погребения 18 и нож из него (9)

Погребение ограблено. В придонном заполнении ямы обнаружены кости взрослого человека возрастом 50 лет или более (Łukasik 2016: 5): в северо-западном углу – черепная крышка, в юго-западном – нижняя челюсть. По всей видимости, погребенный лежал головой на запад. В заполнении ямы были обнаружены фрагменты лепного сосуда (1). Под западной стенкой найдены кости животного и бронзовый наконечник стрелы (2). В восточной части ямы обнаружены два железных втока (3, 4).

Описание находок.

1. Фрагменты нижней части лепной чашки (?). Диаметр придонной части ок. 84 мм (низ), 98 мм (верх). Толщина стенок 9–10 мм (рис. 3: 3). Сохранилось четыре фрагмента размерами от 13 x 17 мм до 21 x 37 мм. Цвет по-

верхностей серый, черный. Поверхности шероховато-заглаженные. Тесто с примесью шамота.

2. Бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с треугольной головкой и выделенной втулкой. Длина наконечника 34,4 мм; длина втулки до 15 мм, диаметр втулки 5 мм (рис. 3: б).

3. Железный цилиндрический вток. Длина 52 мм, диаметры окончаний 20 мм и 22 мм, диаметр отверстия 9,5 мм (рис. 3: 5).

4. Железный цилиндрический вток. Длина 33 мм; диаметры окончаний 17 мм и 19 мм; диаметр отверстия ок. 8 мм (рис. 3: 4).

Погребение 18 обнаружено в 1 м к югу и в 4 м к востоку от R₀. Погребение совершено в катакомбе (рис. 3: 7, 8).

Входная яма прямоугольной формы размерами 1 x 0,75 м и глубиной -1,2 м от R₀ ориентирована по линии запад – восток.

В северной и частично восточной стенках входной ямы была устроена погребальная камера длиной 1,3 м. Ширина камеры у северной стенки до 0,35 м, у восточной стенки – до 0,7 м (по линии север – юг). Дно погребальной камеры находилось на одном уровне с входной ямой.

Костяк ребенка 4 лет (Łukasik 2016: 8) лежал в вытянутом положении на спине, головой на восток. Слева в изголовье, под восточной стенкой, на деревянном блюде (?) лежали кости мелкого рогатого скота и железный нож с роговой рукоятью (1).

Описание находки.

1. Железный нож со слабоизогнутым лезвием и роговой рукоятью. С одной стороны сохранилась часть рукояти в виде прямоугольной пластины, соединенной с лезвием железной заклепкой. Длина сохранившейся части ножа 75 мм, ширина до 28 мм; длина фрагмента рукояти 34 мм. Ширина пластины около 18 мм, толщина 3,5 мм. Длина заклепки 10 мм, диаметр – 4,5 мм. Толщина лезвия до 4,5 мм (рис. 3: 9).

*****

Анализируя полученные материалы, необходимо констатировать, что скифские погребения, впущенные в курган 4 группы «Сад», принадлежали лицам с невысоким социальным статусом. На это указывают находки из сохранившихся непо потревоженными захоронений 6 и 18. Ограбленное в древности погребение 11, судя по трудозатратам на его сооружение, как и частично разрушенное детское погребение 3, также принадлежали рядовым общинникам. Все четыре скифских погребения были впущен-

ны в курган на протяжении короткого промежутка времени, о чем свидетельствует их расположение на одной оси: с севера-востока на юго-запад – погребение 3, затем 18, 11 и 6. Только комплекс 4/18 несколько отдален от указанной оси, что может указывать на то, что в насыпь он был впущен либо ранее, либо позднее остальных трех (4/3, 4/6, 4/11).

Ранее датировка погребения 4/6 на основании косвенных данных была определена «второй половиной IV в. до н.э., возможно, последней четвертью указанного столетия». При этом было указано, что литик с изображением коленапоклоненного мужчины в хитоне (вид слева), стоящего на левом колене и держащего в руках разворачиваемый свиток, не является надежным хроноиндикатором (Синика, Тельнов 2016с: 492). В настоящее время мы располагаем заключением, что данное изделие было изготовлено в конце IV – начале III в. до н.э.² По всей видимости, датировка всех скифских погребений кургана 4 группы «Сад» определяется именно этим временем.

В данную насыпь были впущены захоронения двух взрослых людей (погребения 6 и 11), располагавшиеся, соответственно, на юго-западной оконечности линии и в центре кургана, и погребения двух маленьких детей (погребения 3 и 18) – в северо-восточном секторе кургана. Принадлежали ли все эти захоронения родственникам – установить не представляется возможным, однако такая версия выглядит допустимой: в центре кургана был погребен мужчина в возрасте 50 лет (захоронение 4/11), в то же время на юго-западе было совершено погребение женщины возрастом 35–50 лет (комплекс 4/6), а на северо-востоке – ребенка возрастом до 1 года (погребение 4/3); спустя незначительное время в курган было впущено еще одно захоронение ребенка 4 лет (погребение 4/18).

Погребения взрослых индивидуумов были совершены в ямах, одно из детских погребений (4/18) – в катакомбе I типа. Оба этих вида погребальных сооружений являются одними из наиболее распространенных у скифов Северо-Западного Причерноморья с конца VII в. до н.э. до начала III в. до н.э. (Синика 2007а: 12–13; 2007б: 55, 64). Вид погребального сооружения в другом детском захоронении (4/3) зафиксировать не удалось ввиду его разрушения.

² Определение д-ра ист. наук, канд. искусствоведения Н.М. Никулиной (Москва, РФ), за что выражаем ей огромную благодарность.

Поза погребенных одинаковая – вытянутое положение на спине. Однако ориентировка различается. Головой на запад лежали ребенок из захоронения 4/3 (с незначительным отклонением к северу) и, по всей видимости, мужчина из комплекса 4/11. Другой ребенок (4/18) лежал головой на восток. Женщина из погребения 4/6 была ориентирована головой на северо-запад.

Инвентарь скифских погребений кургана 4 группы «Сад» представлен предметами вооружения (бронзовый наконечник стрелы и два втока дротиков (?) – 4/11), орудиями труда (железное шило, железный нож с деревянной рукоятью, два лепных пряслица – 4/6, и железный нож с роговой рукоятью – 4/18), посудой (лепная чашка – 4/6, лепная чашка (?) – 4/11, деревянное блюдо (?) – 4/18) и украшениями – бусинами и литиком в ожерелье женщины из погребения 4/6.

Из перечисленных изделий уникальным является только стеклянный литик (рис. 2: 5). Это первый такой артефакт, найденный в Поднепровье, и третий – в Северо-Западном Причерноморье³. Он входит в крайне немногочисленную группу подобных находок (с изображениями человеческих лиц и фигур) из скифских курганов Северного Причерноморья. Пять таких артефактов происходят из Нижнего Поднепровья: из кургана 13 (середина V в. до н.э.; фигура стоящего воина в плаще, на голове шлем, в правой руке щит, в левой – копье) у с. Большая Знаменка (Островерхов, Охотников 1996: 165, рис. 10, 1), из захоронения 21/2 (IV в. до н.э.; женская голова в профиль) у с. Гюновка (Островерхов 2006: 139, рис. 4, 2), в Восточной могиле (мужская голова в профиль) Бердянско-го кургана первой четверти IV в. до н.э. (Чередниченко, Фиалко 1988: 161, рис. 7, 2), в кургане 14 (начало второй четверти IV в. до н.э.; мужское лицо в профиль) у с. Гюновка (Болтрик, Фиалко 2007: 82) и в погребении 5 (вторая четверть IV в. до н.э.; женская голова в фас) кургана Вишневая могила у с. Гюновка (Болтрик, Фиалко 2007: 82, рис. 10, 1)⁴. Еще один подобный литик был найден на левобережье

³ Первая находка литика в Северо-Западном Причерноморье была сделана в 1984 г. в захоронении 21/2 могильника Мреснота Могила (Островерхов, Редина 2013: 398), вторая – в 1988 г. в погребении 3/1 могильника Хаджидер I (Субботин и др. 1992: 23).

⁴ Датировки Восточной могилы Бердянско-го кургана, кургана 14 у с. Гюновка и погребения 5 кургана Вишневая могила приводятся по С.В. Полину (Полин 2014: 268, 350–351).

Нижнего Днестра в кургане 9 группы «Сад» в 2017 г. На нем изображена голова бородатого мужчины, повернутая вправо, на волосах мужчины венки. Изделие представляет собой реплику аверса золотых статеров Филиппа II Македонского. Комплекс датируется рубежом третьей – последней четверти IV в. до н.э.

Кроме того, обращает на себя внимание, что в погребении 4/6 не было ни костей от жертвенной пищи, ни сосуда, куда эта пища, если она была без костей, могла быть положена. Подобная ситуация (отсутствие жертвенной пищи) была зафиксирована только в двух непогребенных захоронениях взрослого человека из всех исследованных в курганных группах «Сад» и «Водовод» – в комплексе 6/1 группы «Сад», где были одновременно погребены женщина и двое маленьких детей, и в погребении 7/1 группы «Водовод», содержащем захоронение подростка 15–20 лет. Очевидно, что это обстоятельство, наряду с невыразительностью инвентаря, указывает на низкий социальный статус погребенных в захоронениях 4/6 и 6/1 группы «Сад» и 7/1 группы «Водовод».

О трансформации скифского погребального обряда, зафиксированного при исследовании кургана 4 группы «Сад», свидетельствует, во-первых, разнообразие ориентировок. Двое погребенных (4/3 и 4/11) были ориентированы головой на запад, в самом традиционном для скифов направлении (Синика 2007а: 18). Восточная ориентировка (погребение 4/18) связывается с греческим влиянием на погребальный обряд скифов (Ольховский 1991: 155). Промежуточное направление (4/6 – головой на северо-запад) можно считать и широтной, и меридиональной ориентировкой. Последняя, при значительном доминировании северного полушария, получила широчайшее распространение на скифском могильнике III–II вв. до н.э. у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра (Тельнов и др. 2016: 751, рис. 403), расположенного в 1,8 км к югу от группы «Сад».

Два лепных пряслица и железное шило, найденные возле лепной чашки в захоронении 4/6, свидетельствуют, что в этом комплексе последняя использовалась не как сосуд для питья, а в качестве контейнера для орудий труда и принадлежностей, связанных с прядением и шитьем. Подобный обряд зафиксирован в пяти комплексах (10/10, 61/1, 62/3, 114/2, 118/26) IV в. до н.э. могильника Мамай-Гора в Нижнем Поднепровье, где внутри деревянных сосудов

находились лепные пряслица и железные шила (Андрух, Тоцев 1999: 79, рис. 21: 2; Андрух 2001: 50, 58, 184, 194, рис. 76: 3, 80: 1; Синика, Тельнов 2016с: 491). В 2017 г. в погребении 7/4 группы «Водовод», примыкающей с севера к группе «Сад», возле лепной чашки были найдены два лепных пряслица (одно вместе со свинцовым утяжелителем находилось на остатках деревянного стержня веретена), железные шило и игла. Комплекс датируется последней четвертью IV в. до н.э. Однако самое большое число находок чашек вместе с пряслицами, шильями и иглами (22 случая в 21 захоронении) было сделано на могильнике III–II вв. до н.э. у с. Глиное Слободзейского района (Тельнов и др. 2016: 840), который, как было отмечено выше, расположен в 1,8 км к югу от кургана 4 группы «Сад». Таким образом, находки чашек и орудий труда, связанных с прядением и шитьем, в погребениях 4/6 группы «Сад» и 7/4 группы «Водовод» последней четверти IV – рубежа IV–III вв. до н.э. демонстрируют преемственность погребального обряда позднескифской (III–II вв. до н.э.) и классической скифской (V–IV вв. до н.э.) культуры.

Преемственность материальной культуры иллюстрируется наличием в погребении 4/18 группы «Сад» ножа с роговой рукоятью, а в захоронении 4/6 – с деревянной. Отметим, что большая часть ножей из скифских погребений VII–IV вв. до н.э. была снабжена роговыми рукоятями (Синика 2007б: 101), в то время как деревянные получили широчайшее распространение только с самого конца IV до н.э., о чем свидетельствуют материалы могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное. На этом памятнике из 185 ножей более 160 имели деревянные рукояти (Тельнов и др. 2016б: 800).

В завершение необходимо отметить, что публикуемые захоронения кургана 4 Глиное/Сад, как и другие скифские комплексы (курганы, погребения) этой группы, не только дают новые сведения о трансформации классической скифской культуры в позднескифскую. Наряду с этим они, как и скифские курганы и захоронения, исследованные в соседней курганной группе «Водовод», суммарно датирующиеся второй половиной IV – первой третью III в. до н.э., а также могильник III–II вв. до н.э., расположенный у северной окраины с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра (Тельнов и др. 2016), свидетельствуют о непрерывном присутствии скифского населения в регионе в IV–II вв. до н.э.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АПП** – Археологические памятники Приднестровья. Тирасполь
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
СА – Советская археология. Москва
СП – Стародавнє Причорномор'я. Одеса.
ССПІК – Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрух С. И.* 2001. Могильник Мамай-Гора. Кн. II. Запорожье: ИА НАН Украины – ЗГУ.
Андрух С. И., Тоцев Г. Н. 1999. Могильник Мамай-Гора. Кн. I. Запорожье: ИА НАН Украины – ЗГУ.
Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е. 2007. Украшения из скифских погребальных комплексов Рогачикского курганного поля // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму, Т. XIV, 51–93.
Ольховский В. С. 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.) М.: Наука.
Островерхов А. С. 2006. Античная стеклянная глиптика на Юге Восточной Европы (VI–II вв. до н.э.) // ВДИ 2, 131–154.
Островерхов А. С., Охотников С. Б. 1996. Раннеантичные стеклянные геммы из Северного Причерноморья // Буйских С. Б. (отв. ред.) Мир Ольвии. Памятник исследователю и исследование памятника. Киев: ИА НАН Украины, 165–168.
Островерхов А. С., Редина Е. Ф. 2013. Скифские древности // Бруйко И. В., Самойлова Т. Л. (отв. ред.) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины). Одесса: СМІЛ, 374–418.
Полин С. В. 2014. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине. Киев: Издатель Олег Филок.
Разумов С. Н., Лысенко С. Д., Синика В. С., Тельнов Н. П. 2016. Ритуальный комплекс раннего бронзового века с левобережья Нижнего Днестра // *Tyragetia. S.n. Vol. X (XXV)*, nr. 1, 175–194.
Синика В. С. 2007а. Погребальные памятники скифской культуры VII – начала III в. до н.э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
Синика В. С. 2007б. Погребальные памятники скифской культуры VII – начала III в. до н. э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей. Дисс. ... канд. ист. наук. М.
Синика В. С., Тельнов Н. П. 2016а. Скифский курган № 1 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // *Емінак* 4 (16), 45–53.
Синика В. С., Тельнов Н. П. 2016б. Скифское захоронение с тамгой рубежа IV–III вв. до н.э. с левобережья Нижнего Днестра // *Новое прошлое* 4, 258–272.
Синика В. С., Тельнов Н. П. 2016с. Скифское погребение с литиком-скарабеонидом с левобережья Нижнего Днестра // *СП XI*, 488–499.
Синика В. С., Тельнов Н. П. 2017а. Скифские курганы 2 и 3 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье // *Новое прошлое* 4, 286–306.
Синика В. С., Тельнов Н. П. 2017б. Скифское погребение с уникальным амулетом с левобережья Нижнего Днестра // *Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология* 8 (257), вып. 42, 5–12.
Синика В. С., Тельнов Н. П. 2017с. Скифское погребение с фракийской фибулой на Нижнем Днестре. *Stratum plus* 3, 131–152.
Синика В. С., Тельнов Н. П. 2018. Скифский курган 116 первой половины III в. до н. э. у с. Глиное // *Синика В. С., Рабинович Р. А.* (отв. ред.) Древности. Исследования и проблемы. Кишинёв-Тирасполь: *Stratum plus*, 223–266.
Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П. 2016. Археологическое наследие Приднестровья. Тирасполь: Полиграфист.
Синика В. С., Тельнов Н. П., Загордонец О. А. 2017. Скифский курган № 4 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // *Самарский научный вестник* Т. 6, № 2 (19), 108–113.
Субботин Л. В., Островерхов А. С., Охотников С. Б., Редина Е. Ф. 1992. Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья. Киев: ИА НАНУ.
Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С. 2016. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное. Тирасполь: *Stratum plus*.
Чередниченко Н. Н., Фиалко Е. Е. 1988. Погребение жрицы из Бердянского кургана // *СА* 2, 149–166.
Lukasik S. 2016 Anthropological analysis of human skeletal remains from Glineo Sad site, Moldova. *Poznań*, 15 April 2016. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

REFERENCES

- Andrukh S. I.* Mogil'nik Mamai-Gora [Necropolis of Mamai-Gora] Zaporozh'e: IA NAN Ukrainy – ZGU. Book II, 2001. (In Russian).
- Andrukh S. I., Toshchev G. N.* Mogil'nik Mamai-Gora [Necropolis of Mamai-Gora] Zaporozh'e: IA NAN Ukrainy – ZGU. Book I, 1999. (In Russian).
- Boltrik Ju. V., Fialko E. E.* In: Starozhitnosti Stepovogo Prichernomor'ja i Krиму [Antiquities of the Steppe Black Sea Region and Crimea]. Vol. XIV (2007): 51–93. (In Ukrainian).
- Olkhovskii V. S.* Pogrebal'no-pominal'naia obriadnost' naseleniia stepnoi Skifii (VII-III vv. do n. e.) [The Funerary and Commemorative Rites of the Population of Steppe Scythia (7th–3rd Centuries BC)]. Moscow: Nauka, 1991. (In Russian).
- Ostroverkhov A. S.* In: Vestnik drevnei istorii [Journal of Ancient History]. No. 2 (2006): 131–154. (In Russian).
- Ostroverkhov A.S., Okhotnikov S.B.* In: Mir Ol'vii. Pamjatnik issledovatelju i issledovanie pamjatnika [The world of Olbia. Monument to the researcher and study of the site. Ed. by S.B. Bujskih]. Kiev: IA NAN of Ukraine, 1996. (In Russian).
- Ostroverkhov A. S., Redina E. F.* Skifskie drevnosti // Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia [Scythian antiquities// Ancient Cultures of the Northwestern Black Sea Region]. Bruyako I. V., Samoilova T. L. (Ed. by). Odessa: SMIL, 2013. (In Russian).
- Polin S. V.* Skifskii Zolotobalkovskii kurganyi mogil'nik V–IV vv. do n.e. na Khersonshchine [The Scythian Zolotaya Balka Barrow Cemetery of the 5th–4th BC in Kherson Region]. Kiev: Izdatel' Oleg Filyuk, 2014. (In Russian).
- Razumov S. N., Lysenko S. D., Sinika V. S., Telnov N. P.* In Tyragetia. S.n. Vol. X (XXV), nr. 1 (2016): 175–194. (In Russian)
- Sinika V. S.* Pogrebal'nye pamiatniki skifskoi kul'tury VII – nachala III v. do n.e. na territorii Dnestro-Prutsko-Dunaiskikh stepei [Burial Sites of the Scythian Culture, 7th – Early 3rd Centuries BC, in the Steppes between Dniester, Prut and Danube: An author's abstract of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Moscow, 2007a. (In Russian).
- Sinika V. S.* Pogrebal'nye pamiatniki skifskoi kul'tury VII – nachala III v. do n.e. na territorii Dnestro-Prutsko-Dunaiskikh stepei [Burial Sites of the Scythian Culture, 7th – Early 3rd Centuries BC, in the Steppes between Dniester, Prut and Danube: Thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Moscow, 2007b. (In Russian).
- Sinika V. S., Telnov N. P.* In: Емінак [Eminak]. No. 4 (16) (2016a): 45–53. (In Russian).
- Sinika V. S., Telnov N. P.* In: Novoe proshloe [New Past]. No. 4 (2016b): 258–272. (In Russian).
- Sinika V. S., Telnov N. P.* In: Starodavn'e Prichernomor'ja [Ancient Black Sea Region] No. XI (2016c): 488–499. (In Russian).
- Sinika V. S., Telnov N. P.* In: Novoe proshloe [The New Past] No. 4 (2017a): 286–306 (in Russian).
- Sinika V. S., Telnov N. P.* In: Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istoriia. Politologiiia [Belgorod State University Scientific Bulletin. History, Political Sciences]. No. 42 (8) (2017b): 5–12. (In Russian).
- Sinika V. S., Telnov N. P.* In: Stratum plus [Stratum plus] No. 3 (2017c): 131–152. (In Russian).
- Sinika V. S., Telnov N. P.* Skifskij kurgan 116 pervoj poloviny III v. do n. je. u s. Glinoe // Drevnosti. Issledovaniia i problemy [Scythian Barrow 116 of the First Half of the 3rd Century BC Near Glinoe Village // Antiquities. Studies. Issues] // Sinika V. S., Rabinovich R. A (Ed. by). Kishinev-Tiraspol: Stratum plus (2018): 223–266. (In Russian).
- Sinika V. S., Razumov S. N., Tel'nov N. P.* Arheologicheskoe nasledie Pridnestrov'ya [Archaeological heritage of Transnistria]. Tiraspol': Poligrafist, 2016. (In Russian).
- Sinika V. S., Telnov N. P., Zakordonets O. A.* In Samarskii nauchnyi vestnik [Samara Journal of Science]. Vol. 6 (2) (2017): 108–113. (In Russian).
- Subbotin L. V., Ostroverkhov A. S., Okhotnikov S. B., Redina E. F.* Skifskie drevnosti Dnestro-Dunaiskogo mezhdurech'ia [Scythian Antiquities of the Dniester-Danube Interfluve]. Kiev: IA NANU, 1992. (in Russian).
- Telnov N. P., Chetverikov I. A., Sinika V. S.* Skifskij mogil'nik III–II vv. do n. je. u s. Glinoe [Scythian Cemetery of the 3rd-2nd Centuries BC near Glinoe Village]. Tiraspol: Stratum plus, 2016. (In Russian).
- Cherednichenko N. N., Fialko E. E.* In: Sovetskaia Arkheologiiia [Soviet archaeology]. No. 2 (1988): 149–166. (In Russian).
- Lukasik S.* Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Sad site, Moldova. Poznań, 15 April 2016. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol. 2016.

V. S. Sinika¹, N. P. Telnov², S. D. Lysenko³
 Tiraspol, Moldova, Nizhneartovsk, Russia¹; Kishinev, Moldova²; Kiev, Ukraine³

SCYTHIAN GRAVES FROM THE BARROW 4 OF THE «GARDEN» GROUP ON THE LEFT BANK OF THE LOWER DNIESTER

Abstract. The article deals with the materials from the Scythian burials investigated in 2015 during the excavation of the barrow 4 from the «Garden» group, located to the north of the village Glinoe, Slobodzeya district, on the left bank of the Lower Dniester. The mound was created in the Early Bronze Age by the affiliates of the Usatovo archaeological culture. Three Cimmerian burials were let in it in the first half of the 1st millennium BC and in the 4th century BC four more Scythian graves (4/3, 4/6, 4/11, 4/18) were let in. The cup and the tools which were found in the burial 4/6 and are related to spinning and sewing, as well as the knife with a horn handle from burial 4/18 and the knife with a wooden handle from burial 4/6, demonstrate the succession of the burial rite of the Late Scythian and Classical Scythian cultures. These Scythian graves, as well as the other Scythian burial complexes from the "Garden" group, do not only testify to the transformation of the classical Scythian culture into the late Scythian culture. Moreover, they indicate the continued presence of the Scythian population in the region in the 4th–2nd centuries BC. The same applies to the Scythian barrows and graves, studied in the neighboring barrow group «Sluiceway», totally dating by the second half of the 4th – the first third of the 3rd centuries BC, as well as the barrow of the 3rd–2nd centuries BC, located at the northern edge of the Glinoe village, Slobodzeya district, on the left bank of the Lower Dniester.

Key words: Lower Dniester Region; Scythians; the border of the 4th–3rd centuries BC; barrow; secondary burials; adornments; tools; vessels; weapons.

About the authors: Vitalij Stepanovich Sinika¹, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Scientific Laboratory «Archaeology», Senior Researcher at the Scientific Laboratory of Historiography and Field Methods in Archaeology; Nicolai Petrovich Telnov², Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Antique and Medieval Archaeology at The Institute of Cultural Heritage; Sergey Dmitrievich Lysenko³, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Department of the Chalcolithic and Bronze Age

Place of employment: T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University, Nizhneartovsk State University¹; Academy of Sciences of Moldova²; National Academy of Sciences of Ukraine³.

Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д. Скифские погребения кургана 4 группы «Сад» на левобережье нижнего Днестра // Вестник Нижнеартовского государственного университета. 2018. № 1. С. 111–119.

Sinika V. S., Telnov N. P., Lysenko S. D. Scythian graves from the barrow 4 of the «Garden» group on the left bank of the lower Dniester // Bulletin of Nizhneartovsk State University. 2018. No. 1. P. 111–119.

УДК 94(495).01

М. М. Сеница
 Белгород, Россия

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДАХ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО АНТИКВАРА ИОАННА ЛИДА

Аннотация. Тема данной работы связана с изучением религиозного мировоззрения Иоанна Лида – ранневизантийского чиновника и писателя-антиквара. Основные методы работы: контент-анализ, историко-системный, историко-генетический. В своих произведениях автор с пиететом пишет о языческой культуре и ценностях, поэтому многие исследователи априори считают его скрытым язычником, хотя другие необоснованно относят к христианам в контексте эпохи. Однако долгая и успешная карьера писателя в эпоху религиозных гонений Юстиниана в сочетании с интересом к язычеству требует переосмысления этих точек зрения. Проанализировав содержание трактатов Лида, можно прийти к выводам, что автор позиционирует себя христианином, хотя и достаточно вульгарным, не разбирающимся в тонкостях христианского учения. Языческие доктрины Лид воспринимал критически через призму «науки». Его интерес к древности носил характер схоластического исследования. Однако мировоззрение Иоанна Лида было основано на языческой по своей сути неоплатонической философии, которая была господствующей научной парадигмой ранневизантийского общества. Таким образом, анализ религиозных взглядов Иоанна Лида показывает его двоеверие, сочетание языческих и христианских представлений, что показывает неоднозначную религиозную ситуацию в ранневизантийском обществе.

Ключевые слова. Иоанн Лид; неоплатонизм; ранневизантийское язычество; ранневизантийское христианство; гонения; Юстиниан; Ранняя Византия.

Сведения об авторе: Марина Михайловна Синица, аспирант кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Контактная информация: 308019, Россия, г. Белгород, ул. Магистральная, д. 54; тел.: 89155793844; e-mail: sinitcam@yandex.ru.

В центре внимания данной работы – религиозные взгляды ранневизантийского чиновника и писателя-антиквара Иоанна Лида (490-?) (Jones и др. 1980: 612–615). Он жил и писал в первой половине VI в. в эпоху императоров Анастасия и Юстиниана, на правление последнего приходится расцвет творчества писателя. Иоанн Лид интересовался древнеримским прошлым и от него до нас дошло три произведения, посвященных этой теме: «О месяцах», где дается характеристика устройства древнеримского календаря и связанных с ним языческих фестивалей¹ (Ioannes Lydus 2013a); «О знамениях» – компиляция из античных источников, где систематизированы сведения о трактовке природных явлений как предзнаменованиях исторических событий (Wachsmuth 1897); «О магистратах», где описывается история административных должностей римского государства от древнейших времен до настоящего автору времени (Ioannes Lydus 2013b). Все его сохранившиеся произведения пропитаны пиететом и преклонением перед древностью, старинными традициями и обычаями (Maas 1992: 45), по сути автор интересовался римскими древностями и сохранял и защищал античность с языческих позиций.

Однако в VI в. резко усилилась религиозная нетерпимость, Восточная римская империя окончательно стала христианским государством, чему способствовала активная религиозная политика императора Юстиниана. Именно при Юстиниане ортодоксальное православие на основе решений Халкедонского собора было признано официальной религией империи, а его укрепление и защита – главнейшей задачей имперской власти, что было закреплено в законодательстве. Еретики и представители всех других конфессий подвергались различным ограничениям и преследованиям (Геростергиос 2010: 102–103). Наиболее жесткой репрессивной политике подвергалось язычество. Согласно отдельным главам закона «О языческих жертвоприношениях и храмах» язычники не могли занимать государственные должности, препода-

вать, владеть собственностью и получать образование, кроме того, они лишались всех благ и поощрений, предоставляемых государством, не могли завещать и вступать в наследство, а за публичное исполнение языческих ритуалов полагались пытки и смертная казнь (CJ 1.11.9-10). Равным образом преследовались и языческие учения и практики – по закону «О колдунах, астрологах и иже с ними» гаруспиции объявлялись тяжким преступлением, противоречащим природе, все колдуны, астрологи, предсказатели, толкователи жертв, снов и природных явлений должны были быть подвергнуты пыткам и смертной казни, их сторонники и последователи – тяжким наказаниям вплоть до смерти, их имущество – конфискации (CJ 9.18.2-9). Язычникам давался срок в три месяца, чтобы принять официальное (ортодоксальное) вероисповедание (Mal. Chron. XVIII.42 = Thurn 2000: 377). Фактически, по словам П. Шувена, «язычники были подвергнуты гражданской смерти» (Chuvin 1990: 138).

При Юстиниане произошло несколько крупных антиязыческих гонений, при которых язычники арестовывались и заключались в тюрьмы, их собственность конфисковывалась, языческие храмы и изображения разрушались, а книги сжигались (Constantelos 1964: 372–380). Хронист Иоанн Малала пишет о «великом гонении на эллинов» в 529 г., в результате которого пострадали многие знатные люди, в том числе высшие сановники, их имущество было конфисковано, несколько человек умерло, а остальные были сильно напуганы (Mal. Chron. XVIII.42). Еще об одном гонении хронист упоминает применительно к 562 г., во время которого язычников провозили по городу, а языческие книги, изображения и статуи богов публично сжигали (Mal. Chron. XVIII.136). О преследованиях эллинов-язычников пишет и историк Прокопий Кесарийский. Он говорит, что император преследовал язычников, подвергая их тела пыткам и отнимая их достояние. Не помогало язычникам и принятие христианства, так как некоторое время спустя их повторно уличали в возлияниях, жертвоприношениях и других языческих ритуалах и вновь подвергали репрессиям (Proc. Hist. Arc. XI.31-33 = Dindorf 1838: 78). Наиболее яркий пример такого преследования – богатый и влиятельный патрикий Фока, префект Восточной префектуры прето-

¹ Все ссылки в тексте на «О месяцах» даны по этому изданию А. Бэнди, а не по более распространенному изданию Р. Вюнша (Wuensch 1898); о конкордансе изданий трактата «О месяцах» см.: (Синица 2016а: 147–176).

рия в 532 г., друг и покровитель Иоанна Лида. Первый раз он был заподозрен в язычестве в 529 г., но избежал серьезного наказания; однако в 545–546 гг. на него обрушились новые гонения, в результате чего он покончил жизнь самоубийством (Maas 1992: 67).

Именно на это время приходится жизнь и творчество Иоанна Лида. Несмотря на такой сложный период, Иоанн никогда не был заподозрен в язычестве, он не только занимал различные государственные должности, но и пользовался покровительством самого императора, назначившего его учителем в константинопольском «университете». Он успешно служил на протяжении более чем 40 лет и вышел в отставку, пользуясь всеобщим уважением и признанием со стороны начальства. (Lyd. De mag. III.28-30 = Ioannes Lydus 2013b: 206–210). Естественно, изучая такие опасные темы как древнеримские языческие традиции, праздники, обряды и знамения, писатель был очень осторожен, и всячески пытался подчеркнуть свою лояльность христианству. Поэтому вопрос о религии Иоанна Лида очень сложен. Даже в IX в. патриарх Фотий, прочитавший произведения Иоанна Лида, сомневался в искренности его веры (Phot. Cod. 180 = Bekkeri 1824: 125).

В современной историографии по вопросу о религиозных взглядах Лида развернулась широкая дискуссия. Точку зрения о том, что Иоанн Лид был формальным христианином, а на деле криптоязычником, отстаивает А. Калделлис (Kaldellis 2003: 300–316). М. Маас представляет его как христианина, избежавшего обсуждать богословские проблемы, по своему образованию и картине мира близкому к философам-неоплатоникам (Maas 1992: 3–4). У. Тредгольд считает, что Лид, несмотря на свой исключительный интерес к древности, выражал христианские взгляды, хотя и достаточно равнодушно (Treadgold 2010: 258–259). З. Удалцова считает, что Лид просто не мог не быть христианином (Удалцова 1984: 54–65), находясь на государственной службе. По мнению К. Цирпанлиса, в наиболее позднем произведении автора «О магистратах», написанном им уже в старости, ясно прослеживаются христианские взгляды (Tsirpanlis 1974: 479–501). Поэтому, чтобы наиболее правильно сделать выводы о религии Иоанна Лида, необходимо рассмотреть аргументы сторонников и противников язычества Лида.

В статье А. Калделлиса (Kaldellis 2003: 300–316) наиболее системно изложены аргу-

менты в пользу язычества Лида, которые можно объединить в следующие группы:

1) современность и направления интересов Лида:

– религиозно-идеологический фон эпохи Иоанна Лида заставлял всех публично исповедовать христианство при том, что в империи было множество нехристиан; те круги, в которых вращался Лид, были нехристианскими: префект Фока дважды подвергался репрессиям по подозрению в язычестве и покончил жизнь самоубийством, Агапий был платоником и учеником Прокла, чья школа составляла сердце философского сопротивления христианству, а Лид общался с последователями Прокла еще в Филадельфии, после их изгнания из Афин;

– в произведениях Лида много параллелей с его более старшим современником – языческим историком Зосимом: республиканские взгляды, заинтересованность в истоках языческого культа и римских должностей, необходимость наличия аудитории, заинтересованной в антикварных произведениях Лида;

2) отношение к христианской литературе:

– Лид никогда не провозглашает свою веру, не цитирует Новый Завет, не обсуждает христианские доктрины, при этом показывает определенную степень благоговения перед язычеством;

– Лид не приводит христианских авторитетов, обсуждая Ветхий Завет; давая различные точки зрения, писатель никогда не приводит христианского взгляда на проблему;

3) отношение к античной письменной традиции, к платонизму:

– источники Лида практически всегда принадлежат языческой античности, из 160 ресурсов только 1 христианский – осужденный как еретик Ориген;

– наиболее цитируемые источники – Платон и Аристотель, равно как досократовские и неоплатонические философы;

– Лид разделяет мнение язычников-неоплатоников об изначальности существования аморфной материи, которая была лишь оформлена Творцом, что было одним из ключевых вопросов в их полемике с христианами, которые защищали творение из ничего;

– Лид принимает неоплатонические учения как истину, не пытаясь их оправдывать с точки зрения христианства, и оказывает им предпочтение;

4) отношение к язычеству:

– Лид позитивно оценивает сохранение языческих ритуалов, обосновывая это их принадлежностью к древности;

– говоря о древних религиозных традициях различных народов, автор соотносит себя с эллинами, но в то же время разделяет греческую мифологическую и философскую традиции;

– Лид доверяет языческим оракулам, в том числе обосновывая необходимость существования языческого культа, веря в божественное вдохновение Сивилл;

– он верит в языческие астрологические предсказания, что выражается в его работе «О знамениях»;

– Лид описывает отдельные события и героев с точки зрения язычества, отражая скорее ценности Гомера, нежели Нового Завета;

– он выражает отрицательное отношение к нововведениям, стремление к сохранению традиции, в том числе в религиозных культах.

В то же время А. Калделлис отказывается проводить подробный текстовый анализ произведений Иоанна Лиды, так как язычество ранневизантийского писателя кажется автору очевидным. В то же время в завершение своей статьи исследователь приводит интересный пассаж из произведения Лиды «О магистратах римского государства»: «...ясно же, что ожидают поражения те, кто в опасной войне к молитвам прибегают...» (Lyd. De mag. I.39). Хотя исследователь подчеркивает сходство его со взглядом неоплатоника Плотина, этот отрывок свидетельствует о рационалистической тенденции у Иоанна Лиды, который таким образом подвергает критике не только христианство, но и любую религию в целом.

Кроме проязыческой аргументации религии Иоанна Лиды достаточно убедительной является прохристианская, наиболее репрезентативно ее выразил У Тредгольд (Treadgold 2010: 258–259), к чему следует добавить некоторые аргументы М. Мааса (Maas 1992: 25–26):

1) христианское имя Иоанн свидетельствует, что он воспитывался как христианин, скорее всего в христианской семье, имя его отца – Лаврентий;

2) классическое образование было дано Лиду родителями, исходя из практических соображений для карьерной перспективы;

3) долгая и успешная карьера в префектуре при общении Лиды с антихристианскими кругами, несмотря на все антиязыческие чистки и гонения; можно отметить также поддержку очень набожного и нетерпимого к еретикам императора Юстиниана;

4) любовь Иоанна Лиды к древности была далека от карьерных перспектив и будучи очень сильной, по мнению У. Тредгольда, должна была восполняться таким же рвением к христианству.

Также исследователь проводит текстовый анализ и показывает, что несмотря на приверженность старине и традиции, у Иоанна типично христианский взгляд на языческих демонов – Лид скорее верит, что они злые духи, нежели божества (Lyd. De mag. III.12, 57, 58).

Продолжая текстовый анализ, можно построить картину отношения ранневизантийского ученого к христианству и язычеству в целом.

В произведении «О магистратах римского государства» ясно прослеживается идея христианского Бога, Который у Лиды обладает следующими атрибутами: Он Господин всего (Lyd. De mag. I.15), Создатель (Δημιουργός), Своей Волей призвавший мироздание к свету от бесформенной материи (Lyd. De mag. III.71) – данный отрывок необходимо рассматривать в контексте (см. ниже) – и установивший законы бытия (Lyd. De mag. II.23), Своей Волей могущий как создать, так и ниспровергнуть созданное (Lyd. De mag. III.70, 71); а также, в отличие от обезличенных представлений неоплатоников, является абсолютной личностью, активно действующей в человеческой истории (Лосев 1988: 68). Он вершит правосудие и наказывает грешников Карой (Lyd. De mag. III.69), воздает добротой праведникам, в различных знамениях являет Свое Божественное Провидение, Его Волей достигается процветание, показывая Его присутствие в созданных вещах (Lyd. De mag. III.76); Господь предоставил императору триумф над Гелимером (Lyd. De mag. III.1), будучи во главе римлян предоставил им контроль над всеми землями и морями, что противопоставляется контролю язычников только над Италией (De mag. II.24), вознаградил жителей за бедствия префектурой Фоки (De mag. III.72), вознаградил Фоку и его префектуру восстановлением гражданского порядка и изобилием благ в государстве за праведность самого префекта (доброту, щедрость, милосердие, благочестие, пожертвования на христианский храм), а также строительство храма Святой Софии (Lyd. De mag. III.72–76), покарал Иоанна Каппадокийца за преступления (Lyd. De mag. III.69). Фока здесь представлен как правоверный христианин, которого Лид называет «мужем провидения», для доказательства чего приводит историю с неудачным покушением на него (Lyd. De mag. III.76). Безусловно, это может являться

попыткой оправдания префекта от обвинений в язычестве, что могло затронуть и самого автора, как близкую к нему фигуру, но Иоанн Лид говорит о своих связях с Фокой с гордостью и кажется искренним.

Наиболее сильным аргументом в пользу христианства Лида является использование им сведений о язычестве своих противников. Например, в рассказе об одном из преступлений чиновника Иоанна Максиллоплюмбакиса в Лидии (когда он арестовал знатного лидийца Петрония и подверг его пыткам, вымогая у того драгоценности): епископ города явился просить за арестованного, неся Божественное Слово (Евангелие), но преступный чиновник оценивал Бога равно людям и приказал совершать священный обряд, не прекращая разврата, при том что символы Бога были у его рук, так что высший иерарх заплакал, видя Божество столь поругаемым, не выдержал Петроний (являясь христианином), полагая Бога возвышеннее своего богатства... (Lyd. De mag. III.59). Кажется, автор намекает и на язычество главного антагониста «О магистратах» Иоанна Каппадокийца, сообщая, что тот пил несмешанное вино над сжигаемыми жертвами (ἐπὶ τῶν ἐμπύρων τὸν ἄκρατον) (Lyd. De mag. III.62).

Также следует не согласиться с доводами исследователей о том, что Лид практически не использует христианские источники. Текстовый анализ показывает, что в его работах активно привлекаются сведения из библейских книг Ветхого Завета, с которыми он хорошо знаком, хотя это кажется необязательным, причем иногда они в приоритете перед другими источниками. Ярким примером является отрывок о пророке Данииле, которого Лид называет наиболее божественным из всех пророков (Lyd. De mag. I.31): именно упоминание пророком гипатов (ὕλατων) (греческий перевод должности консула) автор приводит первым, сообщая о происхождении консульств; данное слово (ὕλατος) упоминается именно в Септуагинте (LXX Septuag., Dan. III. 2 = Brenton 1851), в то время как в антикварной компиляции Иосифа Флавия в этом месте – «первые» (τὸς πρώτους) (Jos. Flav. Iud. Ant. X.10.5 = Marcus 1958: 276–277). Другим примером может быть сообщение писателя о Боге, почитаемом евреями (т. е. христианском Боге-Отце), где Лид приводит рассуждения различных языческих философов и теологов на основе Его характеристик и описания таинств в Ветхом Завете, сопоставляющих его с Осирисом, Дионисом, Кроном (Lyd. De mens. IV.54 = Ioannes Lydus 2013a: 180–182),

рассказывает о ветхозаветных пророках Моисее и Аврааме (Lyd. De mens. IV.52). В трактате «О знамениях» для обоснования истинности предзнаменований Лид приводит знамения, данные Богом Моисею, чтобы вывести евреев из Египта (Lyd. De ost. 1 = Wachsmuth 1897: 5–6). Наконец, говоря о неомениях, Лид напрямую цитирует отрывок из псалмов (Lyd. De mens. III.13, 14). Отсутствие ссылок на другие христианские сочинения, помимо Оригена, может быть просто данью античной традиции, проявлением классицизирующего дискурса, характерного для писателей VI в. (Cameron 2005: 35).

Отношение к языческой религии, несмотря на всё восхищение писателя древностью, можно сказать, научное и рациональное. Как указано выше, он критически подходит к любой религии. В его трактатах (особенно «О месяцах») языческие боги, мифические существа и мифы подвергнуты философской, преимущественно неоплатонической, а также естественнонаучной интерпретации, оказываясь в связи с космологией: Аполлон олицетворяет монаду и солнце (напр., Lyd. De mens. II.3), Гера, Геката – луну, дуаду (напр., Lyd. De mens. II.6, IV.17), Арес, Гефест – огонь (напр., Lyd. De mens. II.7), Зевс – воздух, солнце (напр., Lyd. De mens. II.13, III.9), Крон – седмицу (Lyd. De mens. II.27), Гермес – разум и речь (Lyd. De mens. IV.78), Пан – универсум (Lyd. De mens. III.1, 33, 34), Бриарей – влажную субстанцию (Lyd. De mens. IV.3) и т. д. Миф о заключении Крона в Тартар Зевсом объясняется, с одной стороны, как закапывание зерна в землю (Lyd. De mens. IV.143), а с другой – как заключение души в узы тела (Lyd. De mens. IV.144). Лид связывает обожествление с личными качествами и достижениями обожествляемого, в частности, про Энея он говорит, что тот из-за красоты тела и души считался древними происходящим от богов (Lyd. De mag. I.1). В целом, Лид воспринимает древнегреческие мифы скорее как литературные памятники, но древнеримские сюжеты считает историческими (Синица 2016b: 119–138).

«Научный» подход Лид обосновывает во введении к своему трактату «О знамениях» (Lyd. De ost. 1–8)². Он стремится рационализировать и систематизировать информацию о чудесном и привести доказательства, основанные на опыте. В этой работе автор сразу проводит разграничение знамений как примет (σημεῖα), основанных на природных атмосферных яв-

² Подробнее см.: Синица 2016с: 183–186.

ниях, и знамений как чудес (*térata*), появляющихся на земле как бы против природы, находящихся в юрисдикции христианского Бога. Писатель собирается рассматривать только знамения, касающиеся небесных тел (*δυσσηείας*), позиционируя себя в качестве последователя рациональной астрономической науки, имевшей длительную традицию и легально преподаваемой в Византии, а не сторонника колдовства и гадания (Mavrudí 2006: 39–97). Исследуя записи древних жрецов и писателей о значении таких природных явлений как солнечные и лунные затмения, молнии и громы, землетрясения, появления комет и другие, Лид исходит из «научного» положения о симпатической связи между земными процессами и небесными явлениями, характерной для стоиков и неоплатоников (Ierodiakonou 2006: 97–119), приводя примеры воздействия последних на живую и неживую природу. Восприятие Лидом природных явлений, странных или чудесных событий и доверие к ним как к предвестникам будущего отражает общее состояние мировоззрения ранневизантийского общества в VI в., встречаясь и у многих его современников, в том числе у Прокопия Кесарийского (Cameron Av. 2005: 27–29).

«Научность» и систематизаторский характер сочинений Лида, по мнению М. Мааса, может быть следствием того, что здесь представлен его лекционный курс в константинопольском «университете», хотя и неуклюже встроенный в процесс обучения (Maas 1992: 30). Это подтверждается тем, что трактаты «О месяцах» и «О знамениях» были посвящены префекту города Гавриилу (Suid. I 465 = Bekkeri 1854: 546), который отвечал за назначение учителей в столичную высшую школу.

Хотя Лид демонстрирует высокий интерес и доверие языческим оракулам, он говорит в русле христианской традиции, что оракул может быть непонятным многим по Божьему Промыслу, кроме того, для него важно привести доказательство того, что они сбылись. Он приводит оракулы еврейской сивиллы, предсказавшей появление Гомера, пришествие Христа за 2000 лет с цитатой: «О благословенное древо, на котором Господь был распят!», будущее затопление Кипра и разрушение Антиохии (Lyd. De mens. IV.52), считая их актуальными и в настоящее время. Такой подход близок к взглядам его современника христианина Иоанна Малалы, стремившегося интегрировать языческие оракулы в христианское вероучение (Самуткина 2007: 38–44). Оракулы у Лида

можно разделить на три категории: халдейские, которые призваны божественно подтвердить неоплатонические тексты (Lyd. De mens. II.15); исторические, которые предсказывают будущие события, например, потерю независимости римлянами при отсутствии заботы о статуях города (сбылось, по его мнению, в правление Авита (Lyd. De mens. IV.53)) или что римлян покинет Фортуна, когда они забудут родной язык (сбылось при префекте Кире Египетском (Lyd. De mag. II.12, III.42)); и бытовые, например, такие: нужно пить несмешанное вино в январе для здоровья (Lyd. De mens. IV.7), не стоит заключать браки в июне, дабы не потерять супруга (Lyd. IV.86), следует воздерживаться от любви в июле (Lyd. De mens. IV.97), пить молоко в сентябре для сохранения здоровья (Lyd. De mens. IV.114)³.

Подробное описание языческих праздников приводится Лидом только тогда, когда они существуют в современное время, например, праздник нового года на январские календы (Lyd. De mens. IV.8-9), или Брумалии (Lyd. De mens. IV.143), в последнем случае им также приводится реакция православной Церкви на этот праздник. Автор также стремится подчеркнуть взаимосвязь языческих и христианских ритуалов, например, сравнивая языческие возлияния на могилах умерших с христианским таинством причастия (Lyd. De mens. IV.22).

В то же время мировоззрение Лида основано на языческой неоплатонической философии. В интерпретации универсума Лид опирается на неоплатонические учения афинской школы, развивающие пифагорейские идеи, вероятно, под влиянием ученика Прокла неоплатоника Агапия, чью школу автор посещал в Константинополе (De mag. III.26), где архетип всего – Единое, воплощающееся в числах, которые выражают и оформляют Вселенную. Нумерологической трактовке чисел от одного до семи посвящена вся вторая книга «О месяцах». Неоплатонизму Лид следует и в интерпретации связи космоса и души. Вся Вселенная точно и разнообразно создана с невыразимым мастерством и полна блаженной гармонии. Зло в ней отсутствует, являясь искусственной концепцией, отрицающей благо. Все созданное сущее получило от Демиурга души, которые как бы разделяются на две части: высшую и низшую. Высшая душа связана с Мировой душой, оформленной в космос и космические божества (звезды), вливающие в людей мощный импульс

³ Подробнее см.: Сеница 2016b: 119–138.

энергии; нижняя душа связана с телом, она одушевляет и оживляет тело, определяет человеческие чувства, желания, удовольствия, боль... Поэтому личность человека тесно связана со звездами, откуда человеческая душа принимает форму. Сама душа состоит из трех компонентов: способности, страсти и влечения, над которыми господствует разум. Чтобы освободиться, необходимо с помощью разума, относящегося к высшему, сдерживать страсти и влечения, относящиеся к телесному (Lyd. De mens. IV.29-33). Основные космологические представления Лида имеют корни в астрологических учениях Клавдия Птолемея (Maas 1992: 84). Большую символическую нагрузку несет у Лида ипподром, воплощая космос и его устройство, заключая в себе образ времени (Lyle 1984: 827-841). Кроме того, хотя Лид никак не показывает свое отношение к языческо-христианской полемике первой половины VI в. (Maas 1992: 87-88), однако разделяет взгляды неоплатоников (Lyd. De mag. III.71), а не христиан. Лид также разрабатывает в качестве движущей силы исторического процесса идею Судьбы в языческом понимании, как самостоятельного доброго или злого божества (Lyd. De mag. I.3, I.20, I.40, II.1-2, II.6-8, II.10, II.12, III.11, III.15, III.25, III.28, III.40, III.42, III.46, III.55, III.71). Развернутую характеристику божества Судьбы Иоанн Лид дает в трактате «О месяцах» в связи с храмом Судьбы, построенным Траяном (Lyd. De mens. IV.5). Он связывает Судьбу (Τύχη) с Роком (Ἐπιαρμύνη), т. е. божественной предопределенностью. Автор приводит мнения различных древнегреческих и древнеримских философов, ораторов и поэтов относительно Судьбы, согласно им она является изначальным принципом мироустройства и начала вещей, данным Творцом для установления гармонии, и согласно ее законам вращаются небесные тела,

определяется бытие и время, земное устройство. С Судьбой Лид сравнивает древнеримское божество Фортуны, в основе которого лежит случай.

Интерес к древности и приверженность неоплатонической философии, которые в основном формируют проязыческую составляющую мировоззрения Иоанна Лида, связаны с его классическим образованием. Ведь именно классическое образование, школа и наука, основу которых составляли классические поэты, ораторы, учения античных философов, формирующих научную картину мира через неоплатонизм, стали нишей, где язычество сохранялось в ранневизантийском обществе в VI в., и через эти институты языческие идеи продолжали распространяться (Downey 1958: 13-22).

Таким образом, религиозные взгляды Лида очень эклектичны и противоречивы. Судя по всему, он был христианином, но достаточно вульгарным, не вникая в тонкости религиозной доктрины и путая их с неоплатоническими идеями, причудливо наслаивая на это языческие представления и суеверия, сочетавшиеся с научным рационализмом. Языческий «налет» в творчестве Иоанна является скорее всего следствием его исключительного интереса к древности, приверженности неоплатонической философии, которая являлась основной научной парадигмой в Ранней Византии. Эта приверженность восходила к полученному автором классическому образованию и научным штудиям, опирающимся на Античность. Все это позволяет сделать выводы о неоднозначной религиозной ситуации в первой половине VI в. в Ранней Византии и эклектичной ментальности представителей интеллектуальной среды ранневизантийского общества, на что оказала серьезное влияние официальная религиозная политика империи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

CJ	– Кодекс Юстиниана
Ios. Flav. Iud. Ant.	– Иосиф Флавий «Иудейские древности»
LXX Septuag. Dan.	– Септуагинта, книга пророка Даниила
Lyd. De mag.	– Иоанн Лид «О магистратах»
Lyd. De mens.	– Иоанн Лид «О месяцах»
Lyd. De ost.	– Иоанн Лид «О знамениях»
Mal. Chron.	– Иоанн Малала «Хронография»
Phot. Cod.	– Фотий «Мириобиблион»
Proc. Hist. arc.	– Прокопий Кесарийский «Тайная история»
Suid.	– Византийский словарь «Суда»

ЛИТЕРАТУРА

- Геростергиос А. 2010. Юстиниан Великий – император и святой. Москва: Сретенский монастырь.
 Лосев А. Ф. 1988. История античной эстетики. Последние века. Т. VII. Кн. I. Москва: Искусство.

- Самуткина Л.А. 2007. Функции античной мифологии в ранневизантийской «Хронографии» Иоанна Малалы // *Experimenta lucifera*. Сборник трудов V Поволжского научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин классического цикла. Вып. 4. Нижний Новгород: Ю.А. Николаев, 38–44.
- Синуца М.М. 2016а. Иоанн Лид: проблемы конкорданса изданий // Иресиона V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». Белгород: БелГУ, 147–176.
- Синуца М.М. 2016б. Сравнение образов древней истории у Иоанна Лида и Иоанна Малалы // Болгов Н. Н. (отв. ред.). Кондаковские чтения-V. Античность-Византия-Древняя Русь: сб. материалов международной научной конференции. Белгород: БелГУ, 119–138.
- Синуца М.М. 2016с. Трактат Иоанна Лида «О знаменях» и предзнаменования в Константинополе VI в. // Грацианский М. В., Кузенков П. В. (под ред.). Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. Тезисы докладов XXI Всероссийской сессии византинистов (Белгород 20–23 апреля 2016 г.). Москва; ООО «Эпицентр», 183–186.
- Удальцова З.В. 1984. Из византийской хронографии VII в. // *Византийский временник* 45(70), 54–65.
- Cameron A. 2005. *Procopius and the Sixth Century*. London, New York: Routledge.
- Chuvin P. 1990. *Chronique des derniers païens*. Paris: Les Belles Lettres; Fayard.
- Codex Iustinianus. 1877 / Krüger P. (ed.). Berlin: Weidmannos.
- Constantelos D. 1964. Paganism and the State in the Age of Justinian // *The Catholic Historical Review*. Vol. 50. No. 3. Oct., 372–380.
- Downey G. 1958. Justinian's View of Christianity and the Greek Classics // *Anglican Theological Review*. XL, 13–22.
- Ierodiakonou K. 2006. The Greek Concept of Sympatheia and Its Byzantine Appropriation in Michael Psellos // *The Occult Science in Byzantium*. Geneva: La Pommed'or, 97–119.
- Ioannes Lydus. 2013a. On the Months (De Mensibus) // Bandy A. (ed.). Lewiston; New York: Edwin Mellen Press.
- Ioannes Lydus. 2013b. On the Powers or The Magistracies of the Roman State // Bandy A. (ed.) Lewiston; New York: Edwin Mellen Press.
- Ioannis Malalae Chronographia. 2000. // Thurn J. (ed.). *Corpus Fontium Historiae Byzantinae*. Vol. 35. Berlin–New York: Walter de Gruyter.
- Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. 1980. Ioannes Lydus 75 // *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. II. A.D. 395–527. Cambridge: Cambridge University Press, 612–615.
- Kaldellis A. 2003. The Religion of Ioannes Lydos // *Phoenix*. Vol. 57. No. 3(4). Autumn–Winter, 300–316.
- Lyle E.B. 1984. The Circus as Cosmos // *Latomus*. T. 43, Fasc. 4. Oct.-Dec., 827–841.
- Maas M. 1992. *John Lydus and the Roman Past*. London, New York: Routledge.
- Marcus R. 1958. *Josephus with an English translation*. In 9 vols. *Jewish Antiquities*, books IX–XI. London: William Heinemann Ltd.
- Mavrudi M. 2006. Occult Science and Society in Byzantium: Consideration for Future Research // *The Occult Science in Byzantium*. Geneva: La Pommed'or, 39–97.
- Photii Bibliotheca. 1824 // Bekkeri I. (ed.). Berolini: Typis et impensis G. Reimeri.
- Procopius Caesariensis. 1838 // Dindorff G. (ed.). *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Pt. 2. Vol. III. Bonn: E. Weber.
- Suidae Lexicon ex recensione. 1854/ Bekkeri I. (ed.). Berolini: Typis et impensis G. Reimeri.
- The Septuagint LXX: Greek and English. 1851. / Brenton L.C.L. (ed.) 1851. London: Samuel Bagster & Sons, Ltd.
- Treadgold W. 2010. *The Early Byzantine historians*. New York: Palgrave Macmillan.
- Tsirpanlis C. 1974. John Lydus on the Imperial Administration // *Byzantion*. Vol. 44. No. 2, 479–501.
- Wachsmuth C. 1897. *Ioannis Lavrentii Lydi Liber De Ostentis et Calendaria Graeca Omnia*. Leipzig: Teubner (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
- Wuensh R. 1898. *Ioannis Laurentii Lydi Liber De Mensibus*. Leipzig: Teubner (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).

REFERENCES

- Gerostergios A. IustinianVelikiy – imperator I svyatoy [Justinian the Great – an emperor and a saint]. М.: Izdvo Sretenskogo monastyrya, 2010. (In Russian).
- Losev A. F. Istoriya antichnoy estetiki. Poslednie veka [History of ancient aesthetics. Last centuries] М.: Iskustvo. Vol. VII. Book I, 1988. (In Russian).
- Samutkina L. A. In: *Experimenta lucifera*. Sbornik trudov 5 Povolzhskogo nauchno-metodicheskogo seminaru po problemam prepodavaniya i izucheniya disciplin klassicheskogo cikla. [Collection of works of the 5th Volga region scientific and methodological seminar on the problems of teaching and studying disciplines of the classical cycle]. Nizhniy Novgorod: U.A. Nikolaev, Iss. 4 (2007): 38–44. (In Russian).

Sinitca M. M. In: Iresiona. Vypusk V. K 30-letiyu kafedry vseobtschey istorii NIU «BelGU»: materialy nauchnoj sessii [Iresiona. Issue 5. To the 30th Anniversary of the Department of General History: Scientific Session Materials] Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU», 2016a. (In Russian).

Sinitca M. M. In: Kondakovskie chtenia-V. Antichnost'-Vizantiya-Drevnyaya Rus': sb. materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Kondakon Readings-5. Antiquity-Byzantium- Ancient Russia: Collection of Materials of the International Scientific Conference] // Bolgov N. N. (Ed. by). Belgorod: BelGU, 2016b. (In Russian).

Sinitca M.M. In: Imperiya romeev vo vremeni i prostranstve: tsentr i periferiya. Tezisy dokladov XXI Vserossiyskoy sessii vizantinistov (Belgorod 20–23 aprelya 2016 g.) [The Roman Empire in time and space. Theses of the reports of the 21st All-Russian session of Byzantinists (Belgorod April 20–23, 2016)] // Graciansky M. B., Kuzenkov P. V. (Ed. by). M.; Belgorod: OOO «Epicentr», 2016c. (In Russian).

Udal'tsova Z.V. In: Vizantiyskiy vremennik [Byzantine Annals]. Vol. 45 (70) (1984): 54–65. (In Russian).

Bandy A. Ioannes Lydus. On the Months (De Mensibus) / Tr. and ed. by *Bandy A.* Lewiston, New York: EdwinMellenPress, 2013a.

Bandy A. Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State / Tr. and ed. by *Bandy A.* Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press, 2013b.

Cameron Av. Procopius and the Sixth Century. London, New York: Routledge, 2005.

Chuvin P. Chronique des derniers païens. Paris: Les Belles Lettres/Fayard, 1990.

Codex Iustinianus. / Krüger P. (ed.). Berlin: Weidmannos, 1877.

Constantelos D. In: The Catholic Historical Review. Vol. 50. No. 3. Oct. (1964): 372–380.

Downey G. In: Anglican Theological Review. Vol. XL. (1958): 13–22.

Ierodiakonou K. The Greek Concept of Sympatheia and Its Byzantine Appropriation in Michael Psellos // The Occult Science in Byzantium. La Pommed'or, 2006.

Ioannes Lydus. On the Months (De Mensibus) / *Bandy A.* (ed.). Lewiston; New York: Edwin Mellen Press, 2013a.

Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State / *Bandy A.* (ed.) Lewiston; New York: Edwin Mellen Press, 2013b.

Ioannis Malalae Chronographia // *Thurn J.* (ed.). Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 35. Berlin–New York: Walter de Gruyter, 2000.

Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. 1980. Ioannes Lydus 75 // The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. A.D. 395–527. Cambridge: Cambridge University Press, 612–615.

Kaldellis A. The Religion of Ioannes Lydos // Phoenix. Vol. 57. No. 3(4). Autumn – Winter (2003): 300–316.

Lyle E. B. The Circus as Cosmos // Latomus. T. 43, Fasc. 4. Oct.-Dec. (1984): 827–841.

Maas M. John Lydus and the Roman Past. London, New York: Routledge, 1992.

Marcus R. Josephus with an English translation. In 9 vols. Jewish Antiquities, books IX–XI. London: William Heinemann Ltd., 1958.

Mavrudi M. Occult Science and Society in Byzantium: Consideration for Future Research // The Occult Science in Byzantium. Geneva: La Pommed'or, 39–97, 2006.

Photii Bibliotheca // *Bekkeri I.* (ed.). Berolini: Typis et impensis G. Reimeri, 1824.

Procopius Caesariensis // *Dindorfil G.* (ed.). Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Pt. 2. Vol. III. Bonn: E. Weber, 1838.

Suidae Lexicon ex recensione / *Bekkeri I.* (ed.). Berolini: Typis et impensis G. Reimeri, 1854.

The Septuagint LXX: Greek and English / *Brenton L.C.L.* (ed.) 1851. London: Samuel Bagster & Sons, Ltd., 1851.

Treadgold W. Early Byzantine historians. PM, 2010.

Tsirpanlis C. In: Byzantion. Vol. 44. No. 2 (1974): 479–501.

Wachsmuth C. Ioannis Lavrentii Lydi Liber De Ostentis et Calendaria Graeca Omnia // *Wachsmuth C.* (Ed.) Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana, 1897.

Wuensch R. Ioannis Laurentii Lydi Liber De Mensibus // *Wuensch R.* (Ed.). Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana, 1898.

M. M. Sinitca
Belgorod, Russia

ON THE QUESTION OF THE RELIGIOUS VIEWS OF AN EARLY-BYZANTINE ANTIQUARIAN JOHN LYDUS

Abstract. The theme of this work is the study of religious views of John Lydus who was an early-Byzantine administrator and writer on antiquarian subjects. The main methods of the study are content analysis, historical systematical analysis and historical-genetical approach. In his works John Lydus writes about pagan culture and values with such piety that many researchers consider him a priori a hidden pagan, at the same time, in the context of the epoch, others unreasonably think him to be a Christian. However, his long and successful career of a writer in the era of Justinian religious persecutions in addition to his interest in paganism requires a reconsideration of these

points of view. Analyzing Lydus' treatises, it is possible to draw a conclusion that the author positions himself as a Christian, though a rather vulgar one, who does not understand the nuances of Christian doctrine. Lydus perceived pagan doctrines through the prism of «science» rather critically. His interest in antiquity was of scholastic research nature. Nevertheless, the John Lydus' outlook was based on the pagan, Neoplatonic in its essence, philosophy, which was the dominant scientific paradigm in the early Byzantine society. Thus, the analysis of John Lydus' religious views show his dual belief, i.e. a combination of pagan and Christian beliefs, which reveals the ambivalent religious situation in the early Byzantine society.

Key words: John Lydus; Neoplatonism; early Byzantine paganism; early Byzantine Christianity; persecution; Justinian; Early Byzantium.

About the author: Marina Mihaylovna Sinitca, Postgraduate at the Department of General History, Belgorod National Research University

---

Синица М. М. К вопросу о религиозных взглядах ранневизантийского антиквара Иоанна Лида // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 1. С. 119–128.

Sinitca M. M. On the question of the religious views of an early-byzantine antiquarian John Lydus // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 1. P. 119–128.

УДК 94(395)

М. М. Чореф
Нижневартовск, Россия

АНТОНИНИАНЫ ПРОКУЛА КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. Одной из важнейших задач, стоящих перед историками, является критика источников, в первую очередь – письменных. Ведь их авторы, как правило, были субъективны. Для решения этой задачи необходимо привлечение иных источников информации. Мое исследование было проведено с целью проверки сообщения «Истории августов» об узурпации Прокула. Для этого публикую две серии антонинианов его чекана. Сам же факт их существования убеждает нас в реальности и относительной длительности правления Прокула.

Полагаю, что первая серия его монет была выпущена в Лугдунуме в начальный период его узурпации. На их реверсе отбивали легенду «VICTORIA AVG». Так славили победу императора над алеманнами. Вторая серия монет могла быть отчеканена в последний период его правления, когда он покинул Лугдунскую Галлию и искал поддержки у франков. На его монетах появилась легенда «PAX AVG». Допускаю, что тогда Прокул искал примирения с Пробом.

Прихожу к выводу, что сведения о Прокуле в «Истории августов» вполне достоверны. Выношу результаты моего исследования на научное обсуждение.

Ключевые слова: Рим; история; нумизматика; узурпация; Прокул.

Сведения об авторе: Михаил Михайлович Чореф, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований.

Место работы: Нижневартровский государственный университет.

Контактная информация: 628605, Россия, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: +7(964)1709641, e-mail: choref@yandex.ru.

В первой половине 2017 г. мною была обнаружена и изучена весьма интересная монета (рис. 1: 3), найденная, по словам владельца, в Восточной Европе. В настоящее время она хранится в одном из частных собраний России. Привожу ее описание.

Л.с.: Бюст горбоносого бородатого мужчины в лучевой короне вправо. Похоже, что он облачен в доспех. Сужу по тому, что на его правом плече различимы неширокие параллельные полосы, которые не могли быть складками одежды. Полагаю, что это металлические пластины. По краю монетного поля различимо

буквосочетание «PRΘ». Правее его просматривается нижняя часть угловатой буквы. Похоже, что это «В», угловатая «С» или «L». Второй и третий варианты кажутся мне более предпочтительными, т. к. следы средней поперечной галты этого символа не просматриваются. За этим неясным символом была отгиснута еще одна буква, возможно, «V». Однако не буду настаивать на этой атрибуции, т. к. различимы только ее контуры.

О.с.: Женская фигура в рост. На ее голове – шлем. Различимы купол, козырек и тыльник. Гребень шлема не просматривается. У женщи-

ны обнажена грудь, а талия обернута тканью, изящными складками ниспадающей до пят. Похоже, что это палла. В правой руке у изображенной ветвь, вернее всего, пальмовая, а в левой – предмет, похожий на копье или длинный жезл. Хотя под правой рукой изображенной различимо буквосочетание «VG».

Размеры монеты 1,6 × 1,5 см, вес 1,68 г.

Монета хорошей сохранности. Она только незначительно потерта. Сужу по сглаженно-

сти линий и объемных элементов фигур аверса и реверса. Отчетливо различимы даже мелкие детали изображений. Полагаю, что наличие потертости не объясняет неразличимость букв правой части легенды лицевой и почти всей надписи на оборотной стороне. Вернее всего, эти символы не были отчеканены. Причиной тому мог стать как слабый удар, так и малая площадь и форма заготовки.

Рис. 1. Монеты Прокула: 1, 2 — первой серии (по www.coinsweekly.com: 1); 3 — второй серии

Не менее существенно и то, что на поверхности монеты заметны черные точки. Это вкрапления свинца. В результате окисления он образует как светлые, так и почти черные по цвету соединения. Прихожу к выводу, что монету выбили из бронзы с высоким содержанием этого металла. Что, в свою очередь, предопределило ее судьбу – постепенное разрушение неустойчивого сплава (Смекалова, Дюков 2001: 50) и поражение его «хлорной болезнью» меди. Но эти обстоятельства пока еще не вызвали порчи изображения и надписи. Они определенно различимы.

Что же касается технологии изготовления монетной заготовки, то это, безусловно, литье. Основываюсь на установленном выше факте как использования свинцовой бронзы, так и наличия очевидного следа вылома литника – треугольной выемки в правом нижнем секторе аверса и в левом нижнем реверса.

Учитывая эти обстоятельства, попытаюсь определить изучаемую монету. Для этого разберу и атрибутирую оттиснутые на ней изображения и надписи.

Как уже было сказано выше, на лицевой стороне монеты отчеканен мужской бюст. Определенно, это римский император. Ведь на его голове атрибут власти – лучевая корона. Различимы ленты, с помощью которых она крепились на голове.

Далее, изображенный бородат. А подобного рода растительность появилась на лицах правителей Рима при Адриане (117–138) и исчезла при Константине I (306–337). Делаю вывод, что изучаемая монета была отчеканена не

раньше второй четверти II в. и не позже начала IV в.

На мужчине различим доспех. Сужу по наличию узких защитных пластин на его плечах. Причем это не *logica hamata* или *logica squamata*. Ведь такие доспехи не имели защитных металлических полос на плечах (Bishop 2002: 62, fig. 7.2; Bishop, Coulston 2013: 148). Вряд ли на изображенном *logica segmentata* типов Корбидж или Ньюстид. Как правило, их носили простые легионеры. Правителей же изображали в *logica musculata* (Бритова и др. 1975: илл. 31, 77, 91, 98, 99, 144, 147; Соколов 1983: илл. 80, 81, 105, 136, 156–159). Но вполне возможно, что мужчина на аверсе изучаемой монеты облачен в кольчужную рубаху, плечи которой обшиты пластинами. Такие доспехи носили кавалеристы. Изображения всадников в таких латах сохранились на рельефе из Арлона, который хранится в музее Люксембурга (Bishop 2002: 72–73, fig. 8.6–8.8). К слову, такое же снаряжение, судя по монетам, носили и императоры третьей четверти III в. (RIC 1972a; RIC 1972b).

Но вернусь к лучевой короне. Такой атрибут власти известен на трех видах имперских бронз: на дупондиях, двойных сестерциях и на антонинианах. Однако нет оснований для отнесения изучаемой монеты к разменным деньгам I–III вв. Ведь ее вес слишком мал. Напомню, что дупондий в начале эмиссии весил примерно половину унции, а двойной сестерций, эмиссия которого началась при Траяне Деции (259–251) – около унции. Да и чеканили их, как правило, не из свинцовой бронзы, а из аурихалка. Так что изучаемая монета, определенно, антонини-

ан. Причем монеты такого номинала и веса могли быть выпущены только во второй половине III в., а вернее всего, в 260–290 гг., т. е. после их обесценения при Галлиене (253–268) и до денежной реформы 294 г., проведенной при Диоклетиане (284–305).

Учитываю и то, что на реверсе изучаемой монеты оттиснуто узнаваемое изображение Пакс. У нее в руках традиционные атрибуты этого божества: пальмовая ветвь и скипетр¹. Восстанавливаю надпись оборотной стороны монеты как «PAX AVG» — «*Мир Августа*». Этот лозунг также традиционен для римской имперской нумизматики, в т. ч. и для изучаемого периода.

Но окончательно убеждает меня в верности такого допущения надпись, размещенная на аверсе изучаемой монеты. Дело в том, что буквосочетание «PRΘ» можно дополнить только как «IMP C PROBVS AVG» — «*Император Цезарь Проб Август*» или «IMP C PROCVLVS AVG» — «*Император Цезарь Прокул Август*». Допускаю, что точка в букве «Θ» могла появиться в результате ошибки резчика, заменившего ею вполне ожидаемое «O». А четвертый символ в тексте мог быть не «B» или «L», а угловатой «C».

В любом случае, появление «Θ» в легенде вряд ли ожидаемо. Ведь грекоязычные легенды на антонинианах не известны (RIC 1972a; RIC 1972b). Учту, что не менее грубые ошибки выявлены на монетах правителей «Галльской империи». Так, при Постуме были выпущены монеты с легендами: «IMP C PSTVMVS AVG», «IMP C M CSS LAT POSTVMVS P F AVG», «ΛΑΕΙΤΙΑ» и др. (Куликова 2014: 74). Основываюсь и на том, что, во-первых, верховных римских правителей в тот период титуловали императорами и цезарями, и, во-вторых, размер монеты не позволил разместить на ней более пространную легенду.

Сам факт использования традиционной технологии изготовления заготовки для монеты и ее ординарного оформления, а также отсутствия в легендах грубых ошибок, дает мне основание отнести ее к регулярной эмиссии. Настаиваю на том, что она не является варварским подражанием².

¹ О шлеме на ее голове см. ниже.

² Считаю нужным дать определение этого термина. Дело в том, что в научно-популярной литературе принято называть варварскими подражаниями все неязычно оформленные римские монеты и их копии. Однако вряд ли первые из них являются репликами. Как справедливо заметила Ю.В. Куликова:

В любом случае, этого вполне достаточно для ее датирования. Определенно, на монете изображен не Проб. Его хорошо известный профиль не схож с изображением на аверсе изучаемой монеты. Остается только предположить, что это Прокул.

Этот император правил в 280–281 гг. в Южной Галлии. Сведения о нем сохранились в «Истории августов» (SHA, Prob., XVIII, 5, Quadr. tyr., XII–XIII). Упомянут он и в «Epitome de Caesaribus» Псевдо-Аврелия Виктора (De Caes., XXXVII, 1), в «Breviarium ab Urbe condita» Евтропия (Eutrop., IX, 17, 1), а также в «Historiae Adversum Paganos» Орозия (Oros., VII, 24, 2). Но куда интереснее первый источник, т. к. он содержит обстоятельный рассказ о правлении этого государя. К этому же выводу пришли и современные исследователи. Биография Прокула по «Истории августов» изучалась Т. Грюневальдом (Grünwald 2004: 85), Д. Кинастом (Kienast 2004: 280–281), Ю.В. Куликовой (Куликова 2012: 204) и Ю.Б. Циркиным (Циркин 2015: 326–329). Ее исследовал Й. Нолле (Nollé 2002: 669–674), описавший монету этого государя (Nollé 2002: Abb. 3a,b). Буду основываться на результатах их исследований.

Итак, по «Истории августов» Прокул был выходцем из страны альбингавов, что в Приморских Альпах (SHA, Quadr. tyr., XII, 1). Он происходил из знатного рода. Однако по «Истории августов» Прокул, как и его предки, были разбойниками (SHA, Quadr. tyr., XII, 1). Но нет оснований считать их обычными грабителями с большой дороги. Дело в том, что разбойником (SHA, Quadr. tyr., II, 1) называли Фирма, выступившего при Аврелиане (270–275). Однако по логике «Истории августов» он таковым не являлся, т. к. успел облачиться в порфиру и выпустить монеты (SHA, Quadr. tyr., II, 1). Получается, что разбойником могли называть и потерпевшего поражение незадачливого мятежника. В любом случае, опорочив таким образом Прокула, могли унижить его память, оставив как злополучного претендента на престол³.

«Монеты “варварского” типа находят у всех галльских императоров, что может свидетельствовать о функционировании временных монетных мастерских весь период существования “Галльской империи”» (Куликова 2012: 141). Так что значительную часть «варварских подражаний» следует считать выпусками провинциальных монетных дворов (Куликова 2012: 69, прим. 1).

³ К этому выводу пришел Й. Нолле (Nollé 2002: 673–674).

Однако замечу, что по «Истории августов» не только Прокул, но и его предки являлись разбойниками (SHA, Quadr. tyr., XII, 1). Делаю вывод, что они успешно участвовали во внутренних и внешних войнах эпохи «солдатских» императоров. Причем на стороне официального Рима. Ведь Приморские Альпы не выходили из-под его контроля. Вернее всего, предки Прокула участвовали в походах на варварские территории. Основываюсь на том, что в один из своих успешных набегов наш герой совершил в Сарматии⁴ (SHA, Quadr. tyr., XII, 7). Так что у Аврелиана и у Проба (276–282) были все основания доверять Прокулу. И, действительно, по «Истории августов» последний командовал легионами, получил чин военного трибуна⁵ (SHA, Quadr. tyr., XII, 5).

Считаю важным обратить внимание читателя на следующие, весьма немаловажные обстоятельства. Определенно, Прокул служил в римской, а не в галло-римской армии⁶. Ведь ни Постум (260–269), ни его приемники не воевали с сарматами и не участвовали в «Скифских войнах»⁷. И вряд ли Прокул был пожилым. Судим по тому, что его сыну Геренниану на момент прихода нашего героя к власти не было и пяти лет (SHA, Quadr. tyr., XII, 4). Делаю вывод, что он был деятельным и перспективным полководцем.

Только в этом ключе можно понять следующее обстоятельство. По «Истории августов» инициаторами узурпации Прокула были жители Лугдунума (SHA, Quadr. tyr., XIII, 1). Определенно, у них были к тому основания. Ведь они пострадали при Аврелиане и имели основания опасаться Проба (SHA, Quadr. tyr., XIII, 1). Так что восстание было вполне зако-

⁴ Как и в случае с Пробом (SHA, Prob., V, 1), полагаю, что речь идет о войне с германцами во время «Скифских войн».

⁵ Это факт убеждает в том, что он не происходил из сенаторского рода.

⁶ Настаиваю на правомочности применения этого термина. Дело в том, что армия «галльских императоров» состояла не столько из регулярных римских войск, сколько из иррегулярных подразделений: ополчения и отрядов германских наемников (Куликова 2014: 53–56). Причем последние поступали на службу и в легионы (Куликова 2014: 56).

⁷ Известно, что в составе армии Постума был «Numerus equitum Sarmatarum Bremetenniacensium» (CIL VII: 218). Но это отнюдь не свидетельствует о наличии контактов между основателем Галльской империи и северопричерноморскими кочевниками. Ведь в ином случае Постум не ограничился бы одним номером.

номерно⁸. Но вот что интересно. Если бы Прокул был ординарным полководцем, то его бы не приглашали в столицу Лугдунской Галлии и не провозгласили императором. По той же причине позже получил поддержку дукс Бонос⁹ (281?) (SHA, Quadr. tyr., XV, 1–2). Значит, Прокул был хорошо известен. На него возлагали большие надежды.

Так что мятеж в Лугдунуме и приход к власти Прокула был вполне предсказуем. Раз Проб надолго отправился на Восток: он усмирил Исаврию (SHA, Prob., XVI, 4), умиротворил Египет (SHA, Prob., XVIII, 1) и собирался воевать с Бахрамом II¹⁰ (274–293) (SHA, Prob., XVII, 5), то западные провинции были вынуждены искать себе защитников, способных своевременно принимать стратегические решения для борьбы с варварами. Первыми решились на это в Лугдунской Галлии. Выбор жителей провинции обоснованно пал на видного, до этого момента лояльного Риму полководца Прокула¹¹.

Весьма возможно, что он колебался. Именно этим обстоятельством можно объяснить появление в «Истории августов» пассажа о его жене Самсо-Витуриге, подвигнувшей супруга на узурпацию (SHA, Quadr. tyr., XII, 3). Но не исключаю вероятности того, что имею дело с калькой повествования о деяниях Витрувии-Виктории (Куликова 2012: 192–195), возведшей на престол Галльской империи Викторина (269–271) и Тетрика I (271–274).

⁸ По данным, собранным Й. Нолле, восстания фиксируются в Испании и в Северной Африке. Ученый обратил внимание на то, что изображения и надписи Проба неоднократно уничтожались (Nollé 2002: 670).

⁹ Вслед за Ю.Б. Циркиным полагаю, что Бонос восстал после гибели Прокула (Циркин 2015: 328). Принимаю и выводы уважаемого исследователя, заключившего, что первый из перечисленных узурпаторов смог подчинить себе Испанию, Галлию и Британию (Циркин 2015: 328). В любом случае, союзниками они не являлись. Нумизматическое обоснование этого тезиса мы приведем ниже.

¹⁰ В «Истории августов» он упомянут как Нарсе, царь парфян (SHA, Prob., XVII, 4–6).

¹¹ Замечу, что рассказ о жителях Лугдунума, провозгласивших Прокула императором «в шутку и для забавы» (SHA, Quadr. tyr., XIII, 1), совершенно нелеп. Ведь месть Рима за мятеж могла быть ужасной. Да и вряд ли жители Лугдунума забыли о том, как их наказал Аврелиан (SHA, Quadr. tyr., XIII, 1). Полагаю, что имеем дело с очередным примером уничижительного отношения к Прокулу.

Но вероятно и другое. На Западе мог распространиться слух о гибели Проба. И Прокул, как когда-то Авидий Кассий (175), провозгласил себя императором. Однако этот тезис выглядит совершенно умозрительным. Дело в том, что Прокул, судя по «Истории августов», не ставил перед собой цели подчинить Италию. Вернее всего, узурпация Прокула была локальной, очередной попыткой восстановить «Галльскую империю». Инициаторами же, как и при Постуме (260–268), были провинциалы.

Новоявленный император справился с поставленной перед ним задачей. Прокул разгромил алеманнов (SHA, Quadr. tyr., XIII, 3). Похоже, что он наладил отношения с франками (SHA, Quadr. tyr., XIII, 5). Делаю вывод, что этот император смог обеспечить спокойствие в Галлии.

Казалось, Прокул, облачившись в порфиру, принял верное решение. Его правление вполне могло стать долгим и успешным. Однако Проб, оценив ситуацию на Западе, спешно вернулся в Европу¹². Он повел свои войска на узурпатора.

Отряды Прокула вряд ли могли выдержать удар римской армии. Полагаю, что как и его предшественники – галльские императоры, он опирался на иррегулярные соединения: местную милицию (SHA, Gall. Dio, IV, 3–5, Tyr. Trig., III, 4, IV, 2; De Caes., XXXIII, 7; Zosim., I, 38; Zonaras, XII, 24) и, возможно, на сравнительно немногочисленные отряды регулярных войск¹³ (Куликова 2012: 51–55). Так что понятно, почему Прокул был вынужден создать своеобразную гвардию (Циркин 2015: 326) – двухтысячный отряд из собственных рабов (SHA, Quadr. tyr., XII, 2). Похоже, что это была основная опора его режима¹⁴.

Этих сил было мало. В результате Прокул был разбит. В «Истории августов» сказано, что Проб «загнал его на край земли» (SHA, Quadr. tyr., XIII, 5). Вернее всего, незадачливый узурпатор был вынужден бежать за Рейн, к франкам. Те выдали его Пробу (SHA, Quadr. tyr., XIII, 5).

¹² Сужу по тому, что он отказался от идеи похода на Иран (SHA, Prob., XVII, 4 – XVIII, 1).

¹³ Так что отсутствие на его монетах девиза FIDES MILITVM вполне показательно.

¹⁴ Собственно, с той же целью Л. Корнелий Сулла отпустил на волю 10 000 рабов, ранее принадлежавших римлянам, казненным в ходе проскрипций. Эти новоявленные Корнелии блокировали принятие на народных собраниях неугодных диктатору решений (Короленков, Смыков 2007: 321).

Краткое правление Прокула как нельзя лучше освещается на нумизматическом материале. Так, в 2002 г. Й. Нолле издал первый антониниан¹⁵ (рис. 1: 1) этого государя (Nollé 2002: 669–674, Abb. 3a,b). Интересно то, что эта монета иного типа, чем описанная мною.

Л.с.: Бюст бородатого мужчины в лучевой короне вправо. У него слегка вздернутый нос. На изображенном кавалерийский доспех – кольчужная рубаха, плечи которой обшиты пластинами. По кругу читается: «IMP C PROCVLVS AVG» — «Император Цезарь Прокул Август».

О.с.: Женская фигура в рост. Похоже, что на ней logica musculata. Сужу по наличию рельефного воротника, защитных пластин на руках и плечах, а также рельефной груди. На ее голове – шлем с высоким гребнем¹⁶. Вернее всего, он аттический. В правой руке у изображенной венки, а в левой – скипетр. Она облачена в паллу. Вокруг фигуры читается: «VICTORIA AVG» — «Победа Августа».

Диаметр монеты 1,8 см, вес 3,46 г.

В настоящее время эта монета хранится в собрании Staatlichen Münzsammlung München (www.coinsweekly.com: 1).

В 2012 г. в Англии (www.coinsweekly.com: 1) была найдена еще одна монета Прокула (рис. 1: 2). Привожу ее описание.

Л.с.: Бюст бородатого мужчины в лучевой короне вправо. У него прямой нос. На мужчине кавалерийский доспех – кольчужная рубаха, плечи которой обшиты пластинами. Вокруг читается: «IMP C PROCVLVS AVG» — «Император Цезарь Прокул Август»¹⁷.

О.с.: Женская фигура в рост. На ней logica musculata и палла. На ее голове – шлем с высоким гребнем, похоже, что аттический. В правой руке у изображенной венки, а в левой – скипетр. Вокруг фигуры читается: «VICTORIA AVG» — «Победа Августа».

Размеры монеты: 1,93 × 1,88 см, вес 2,97 г.

Как видим, первые монеты однотипные. Хотя бросаются в глаза особенности в оформ-

¹⁵ Место ее обнаружения неизвестно. Монета была продана в 1991 г. на аукционе, проведенном фирмой Aufhäuser (www.coinsweekly.com: 1).

¹⁶ Как видим, наша атрибуция этого элемента изображения вполне допустима. Основываюсь и на том, что императрицы этой эпохи: Салонина и Северина носили прически, весьма не похожие по конфигурации на головной убор божеств на монетах Прокула.

¹⁷ Так что мое прочтение легенды аверса публикуемой монеты (рис. 1: 3) определено верно.

лении аверса – различие в трактовке лица правителя. Однако Э. Эндрюс, ссылаясь на авторитет сотрудника British Museum Р. Бланда, усомнился в их подлинности (www.dailymail.co.uk: 1). Он заключил, что раз монеты не обнаружены в археологических слоях, то нет оснований считать их подлинными. По мнению Р. Бланда, их могли изготовить в XV в. для просвещенных коллекционеров.

Его точку зрения опровергли У. Моруцци и Ф. Скатолини (www.coinsweekly.com: 1). Они пришли к выводу, что монеты на рис. 1: 1, 2 идентичны¹⁸ и, безусловно, подлинные. В качестве доказательства своего тезиса они сравнили изображения реверса, а также изучили физические параметры монет, а также патину (www.coinsweekly.com: 1).

В свою очередь, предлагаю еще один довод, как нельзя лучше подтверждающий правоту выводов У. Моруцци и Ф. Скатолини. Дело в том, что легенды на антонинианах Прокула оформлены в стиле, характерном для монет правителей «Галльской империи» (Habelt 1996). Хорошо заметны особенности в написании буквы «R». Она образована в результате совмещения двух несочлененных элементов: прямой линии и соединенных полукруглой и наклонной гас. Делаю вывод, что первые монеты Прокула (рис. 1: 1, 2) были отчеканены в Галлии, причем мастерами, имевшими отношение к эмиссиям ее прежних государей. Основываясь на этом факте, выделяю две серии монет этого узурпатора: с девизом «VICTORIA AVG» (рис. 1: 1, 2) и «PAX AVG» (рис. 1: 3).

Нахожу этот факт крайне важным. Дело в том, что если первые из описанных выпусков Прокула славят его успех, вполне возможно, что внешнеполитический, то вводимый мною в научный оборот демонстрирует его миролюбие. Полагаю, что это не случайно. Допускаю, что антонинианы первой серии (рис. 1: 1, 2) пропагандировали победу над алеманнами. Так что не случайно Виктория на них изображена в шлеме. Тогда режим Прокула был стабильным.

¹⁸ Категорически не согласен с этим доводом. Начну с того, что различия в трактовках облика Прокула на монетах очевидны. Вспомню хотя бы о формах носа. Полагаю, что при изготовлении монет, изображения которых приведены на рис. 1: 1, 2, использовали два чекана лицевой стороны. Отличия заметны и на реверсе этих монет. Речь идет о форме шлема. На монете на рис. 1: 1 его купол слабо выражен, однако на рис. 1: 2 он весьма рельефен. Странно, что эти обстоятельства не были своевременно замечены.

Антонинианы выпускали опытные мастера, способные изготовить весьма схожие штемпели. Эти монеты могли быть выпущены для поддержания должного уровня монетизации экономики. А монета второй серии (рис. 1: 3) вполне могла быть отчеканена в последний период его правления, когда Прокул, разбитый Пробом, бежал к франкам. Похоже, что чеканы для нее изготовил случайный мастер. Он мог лишь копировать работы своих предшественников. В результате император у него получился горбоносый, а Пакс, как ранее Виктория, изображена в шлеме. Однако появление монет второй серии вполне объяснимо. Прокул отчаянно нуждался в деньгах для оплаты верности последних сподвижников, а также для выплат франкам. Поэтому он мог санкционировать значительное снижение веса антонинианов второго выпуска.

Отмечу еще одно, весьма интересное обстоятельство. На всех монетах Прокула присутствует сокращение «AVG». Следовательно, у него не было соправителя. Так что Бонос или не являлся его союзником, или, что куда более вероятно, восстал позже, после гибели Прокула.

Перейду к формулированию выводов. И сразу же замечу, что не считаю решенную задачу исключительно нумизматической. Дело в том, что выявление разновидностей монет Прокула позволяет не только дополнить историю его правления, но и уточнить наши представления о политической и экономической ситуации в Галлии в третьей четверти III в., а также о контактах ее правителей с германцами¹⁹. Безусловно, последние принимали активное участие в ее судьбе. Они торговали с жителями Галлии, служили в армиях императоров, а также, при случае, совершали набеги. В любом случае, германцы ценили монеты. Но вряд ли у них возникло полноценное денежное обращение. Как верно заметили К.В. Мызгин и И.В. Зиньковская, даже в IV в., причем в ареале черняховской культуры, римские монеты не являлись общепринятыми платежными средствами. Как правило, из них составляли сокровища. Также монеты использовали в приграничной торговле с римлянами (Зиньковская 2013: 37; Мызгин 2008: 76).

Причем варвары разбирались в платежных средствах. Они предпочитали полноценную монету, с высоким содержанием серебра,

¹⁹ Полагаю, что сам факт обнаружения изучаемой нами монеты в Восточной Европе требует объяснения.

пусть даже и старинного чекана (Dio Cass., LXXVIII, 14, 3, 4; Tacit, Germ., 5). Так что обнаружение антониниана Прокула в Восточной Европе говорит о том, что такого рода монеты вполне могли использоваться не только в западных провинциях Римской империи и на сопредельных с ними варварских территориях, но и в довольно удаленных землях²⁰. Полагаю, что бронзовые антонинианы могли обращаться в качестве разменных денег. Так что факты их обнаружения свидетельствуют о существовании торговых отношений между германскими племенами.

Итак, была изучена и описана небольшая подборка антонинианов – все известные на

данный момент монеты узурпатора Прокула. Полагаю, что он успел выпустить две серии монет. Первая – «VICTORIA AVG» была эмитирована в память о победе над алеманнами. Вторая – «PAX AVG» могла быть отчеканена в последний период его правления, когда он покинул Лугдунскую Галлию и искал поддержки у франков.

И, что самое с моей точки зрения важное, в ходе исследования были подтверждены сведения, приведенные в «Истории августов» о кратковременной узурпации Прокула. Он действительно выступил на землях, некогда входивших в состав «Галльской империи», и погиб за ее пределами, на территории франков.

ЛИТЕРАТУРА

- Бритова Н. Н., Лосева Н. М., Сидорова Н. А. 1975. Римский скульптурный портрет. Очерки. Москва: Искусство.
- Зиньковская И. В. 2013. К вопросу о торговле и денежном обращении в Остроготском королевстве Эрмарики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История. Политология. Социология» 1, 33–40.
- Короленков А., Смыков Е. 2007. Сулла. Москва: Молодая гвардия (Жизнь замечательных людей).
- Куликова Ю. В. 2012. «Галльская империя» от Постума до Тетрика. Санкт-Петербург: Алетейя (Античная библиотека).
- Мызгин К. В. 2008. Некоторые аспекты политической и экономической истории населения Днепро-Донецкой лесостепи во второй четверти I тыс. н. э. по нумизматическим данным // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов («Germania-Sarmatia»). Калининград: Янтарный сказ, 68–87.
- Сидоренко В. А. 1987. К вопросу об этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV – начала V вв. с подражаниями «лучистого типа» // Материалы к этнической истории Крыма. Киев: Наукова думка, 133–144.
- Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л. 2001. Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира / Чижик В. И. (ред.). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет.
- Соколов Г. И. 1983. Римский скульптурный портрет III века. Москва: Искусство.
- Циркин Ю. Б. 2015. «Военная анархия» в Римской империи. Санкт-Петербург: Нестор-История (Историческая библиотека).
- Andrews A. History-changing coin or a 15C forgery? Debate over 'Roman' artefact found in field by metal-detecting friends. Mail Online. 16 November 2012 // <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2233959/Debate-Roman-artefact-coin-Proculus-field-metal-detecting-friends.html> (дата обращения: 2017. 10 авг.).
- Bishop M. C. 2002. Lorica Segmentata. Vol. I. A Handbook of Articulated Roman Plate Armour. Chirside: The Armatura Press.
- Bishop M. C., Coulston J. C. N. 2013. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the fall of Rome. London: Oxbow Books.
- CIL VII: Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. VII. // Hübner A. (ed.). Berlin: G. Reimer.
- De Caes.: Aurelii Victoris Liber de Caesaribus: praecedunt Origo gentis Romanae et Liber de viris illustribus urbis Romae subsequitur Epitome de Caesaribus. 1993. // Pichlmayr F. (ed.). Stuttgartiae; Lipsiae: Teubner (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
- Dio Cass.: Dio's Roman History. 1955. Vol. IX. London: The Loeb Classical Library.
- Eutropius. 1979. Breviarium Ab urbe condita // Santini C. (ed.). Leipzig: Teubner.
- Grünwald T. 2004. Bandits in the Roman Empire: Myth and Reality. London; New York: Routledge.
- Habelt R. 1996. Die Antoninianprägung der Gallischen Kaiser von Postumus bis Tetricus: Typenkatalog der regulären und nachgeprägten Münzen. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH.

²⁰ Это же обстоятельство отметил и В.А. Сидоренко, изучая варварские подражания «лучистого типа» из Ай-Тодорского клада (Сидоренко 1987: 134–135, 140, № 1–3). По мнению ученого, заинтересовавшие его монеты могли быть завезены в Таврику готами (Сидоренко 1987: 135–139, 142).

Kienast D. 2004. Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Moruzzi U., Scatolini F. The usurper Proculus and his coinage <http://www.coinsweekly.com/en/Archive/The-usurper-Proculus-and-his-coinage/8?&id=385&type=a#abomodal> (дата обращения: 2017. 10 авг.).

Nollé J. 2002. Die erste Münze des Kaisers Proculus. Ein neues Bild von einem Usurpator // Antike Welt 6, 669–674.

Oros.: Orosius Paulus. 1889. Historiae Adversum Paganos // Zangemeister C. Leipzig: Teubner.

RIC 1972a: Webb P.H. 1972a. The Roman Imperial Coinage // Mettingly H., Sydenham E.A. (eds.). Vol. V. Pt. I. Valerian — Florian. London: Spink & Son, Ltd.

RIC 1972b: Webb P.H. 1972b. The Roman Imperial Coinage // Mettingly H., Sydenham E. A. (eds.). Vol. V. Pt. II. Probus — Amandus. London: Spink & Son, Ltd.

SHA: Scriptores Historiae Augustae. 1998. Vol. III // Magie P. The Loeb Classical Library. Vol. 263. Cambridge; London: Harvard University Press.

Tacit.: Cornelii Taciti De origine et situ Germanorum liber. 1878. // Holder A. (Rec.). Lipsiae: B.G. Teubner.

Zonaras: Ioannis Zonarae Epitome Historiarum. 1870. Vol. III // Dindorfus L. (Rec.). Leipzig: Teubner.

Zosim.: Zosimus. 1982. New History // Ridley R.T. (transl, comm.). Canberra: Australian Association for Byzantine Studies.

REFERENCES

Britova N. N., Loseva N. M., Sidorova N. A. Rimskij skul'pturnyj portret. Oчерки [Roman sculptural portrait. Essays]. Moscow: Iskusstvo, 1975. (In Russian).

Zin'kovskaja I. V. In: Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology] No. 1 (2013): 33–40. (In Russian).

Korolenkov A., Smykov E. Sulla [Sulla]. Moscow: Molodaja gvardija, 2007. (In Russian).

Kulikova Ju.V. «Gall'skaja imperija» ot Postuma do Tetrika [The Gallic Empire from Postumus to Tetricus]. Saint Petersburg: Aleteija, 2012. (In Russian).

Myzgin K. V. In: Drevnosti Central'noj i Vostochnoj Evropy jepohi rimskogo vlijanija i pereselenija narodov («Germania—Sarmatia») [Antiquities of Central and Eastern Europe in the era of Roman influence and the migration of peoples (“Germania-Sarmatia”)]. Kaliningrad: Yantarnyj skaz, 2008. (In Russian).

Sidorenko V. A. In: Materialy k jetnicheskoj istorii Kryma [Materials on the ethnic history of the Crimea]. Kiev: Naukova dumka, 1987. (In Russian).

Smekalova T. N., Djukov Ju. L. Monetnye splavy gosudarstv Prichernomor'ja. Bospor, Ol'vija, Tira [Mint the alloy of the States of the black sea. Bospor, Olbia, Tyras] // Chizhik V. I. (ed.). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet, 2001. (In Russian).

Sokolov G. I. Rimskij skul'pturnyj portret III veka [Roman sculptural portrait of the 3rd century]. Moscow: Iskusstvo, 1983. (In Russian).

Tsirkin Ju.B. «Voennaja anarhija» v Rimskoj imperii [“Military Anarchy” in the Roman Empire]. Saint Petersburg: Nestor-Istorija, 2015. (In Russian)

Andrews A. History-changing coin or a 15C forgery? Debate over ‘Roman’ artefact found in field by metal-detecting friends. Mail Online. 16 November 2012. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2233959/Debate-Roman-artefact-coin-Proculus-field-metal-detecting-friends.html> (Accessed on 2017, 10 Aug.).

Bishop M. C., Coulston J. C. N. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the fall of Rome. London: Oxbow Books, 2013.

Bishop M.C. Lorica Segmentata. Vol. I. A Handbook of Articulated Roman Plate Armour. Chirnside: The Armatura Press, 2002.

CIL VII: Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. VII. B: Hübner A. (ed.). Berlin: G. Reimer.

De Caes.: Aurelii Victoris Liber de Caesaribus: praecedunt Origo gentis Romanae et Liber de viris illustribus urbis Romae subsequitur Epitome de Caesaribus. // Pichlmayr F. (ed.). Stutgardiae; Lipsiae: Teubner (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana), 1993.

Dio Cass.: Dio's Roman History. Vol. IX. London: The Loeb Classical Library, 1955.

Eutropius. Breviarium Ab urbe condita // Santini C. (ed.). Leipzig: Teubner, 1979

Grünewald T. Bandits in the Roman Empire: Myth and Reality. London; New York: Routledge, 2004.

Habelt R. Die Antoninianprägung der Gallischen Kaiser von Postumus bis Tetricus: Typenkatalog der regulären und nachgeprägten Münzen. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1996.

Kienast D. Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004.

Moruzzi U., Scatolini F. The usurper Proculus and his coinage. Available at: <http://www.coinsweekly.com/en/Archive/The-usurper-Proculus-and-his-coinage/8?&id=385&type=a#abomodal> (Accessed on 2017, 10 Aug.).

Nollé J. In: Antike Welt 6 (2002): 669–674.

- Oros.: Orosius Paulus. *Historiae adventus paganos* // Zangemeister C. Leipzig: Teubner, 1889.
- RIC 1972a: Webb P.H. 1972a. *The Roman Imperial Coinage* // Mettingly H., Sydenham E. A. (eds.). Vol. V. Pt. I. Valerian — Florian. London: Spink & Son, Ltd.
- RIC 1972b: Webb P.H. 1972b. *The Roman Imperial Coinage* // Mettingly H., Sydenham E. A. (eds.). Vol. V. Pt. II. Probus — Amandus. London: Spink & Son, Ltd.
- SHA: *Scriptores Historiae Avgustae*. Vol. III // Magie P. The Loeb Classical Library. Vol. 263. Cambridge; London: Harvard University Press. 1998.
- Tacit.: *Cornelii Taciti De origine et situ Germanorum liber*. 1878. // Holder A. (Rec.). Lipsiae: B.G. Teubner.
- Zonaras: *Ioannis Zonarae Epitome Historiarum*. Vol. III. // Dindorfus L. (Rec.). Leipzig: Teubner, 1870
- Zosim.: *Zosimus. New History* // Ridley R.T. (transl, comm.). Canberra: Australian Association for Byzantine Studies, 1982.

M. M. Choref
Nizhnevartovsk, Russia

ANTONINIANI OF PROCULUS AS A SOURCE OF HISTORICAL INFORMATION

Abstract. One of the most important tasks for historians is to criticize sources of information, first of all the written ones since their authors tended to be judgmental as a rule. To solve this problem, it is necessary to use alternative sources of information. This research was conducted in order to verify the «Augustan History», i.e. the information regarding the usurpation of Proculus. For this purpose two antoniniani series of his coinage are published. The very fact of their existence can convince us in the reality and relative duration of the Proculus' reign.

It can be assumed that the first series of his coins was mint in Lugdunum, in the early period of his usurpation. On the reverse of the Proculus coins the legend «VICTORIA AVG» was engraved. In such way the Emperor's victory over the Alemanni was celebrated. The second coin series could be minted in the last period of his reign, when he left Gallia Lugdunensis and was seeking support from the Franks. The legend «PAX AVG» appeared on his coins. I suppose that at that time, Proculus was seeking reconciliation with Probus.

Hence it is possible to conclude that the «Augustan History» information about Proculus is quite reliable.

The results of the research are brought forward for scientific discussion.

Key words: Rome; history; numismatics; usurpation; Proculus.

About the author: Mikhail Mikhailovich Choref, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Regional Historical Research Laboratory.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Чореф М. М. Антонинианы прокула как источник исторической информации // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 1. С. 128–136.

Choref M. M. Antoniniani of proculus as a source of historical information // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 1. P. 128–136.
